ИЛ

ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

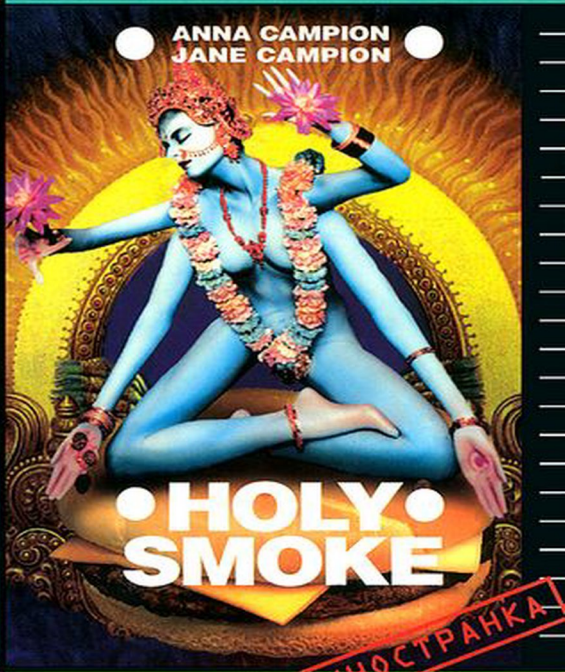
Составитель серии И.Кормильцев

©

9 785941 450861

АННА И ДЖЕЙН КЭМПИОН

В блаженном угаре



0 1 2

[Надо убедить их, что я не чокнутая, просто каждая минута, проведенная тут с ними, мешает моему дальнейшему совершенствованию. Черт возьми! Как же мне с ними тут противно… не хочу я потакать их жалким инстинктам, убогой приземленности. Материалисты фиговы.]

В блаженном угаре
Анна Кэмпион, Джейн Кэмпион

Аннотация
Анна и Джейн Кэмпион. В блаженном угаре
~~~
~~~
~~~
~~~
~~~
~~~
~~~
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
~~~

14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
~~~
~~~
~~~
~~~

Аннотация

Роман «В блаженном угаре» — бестселлер 1999 г. Юная девушка из Австралии, путешествуя по Индии, становится последовательницей культа гуру Чидаатма Баба. Родители подвергают ее курсу «депрограммирования», который проводит приглашенный ими американский специалист по работе с жертвами тоталитарных сект. В непростой борьбе за право верить и иметь собственную точку зрения героиня оказывается сильнее исполненного предрассудками соперника, обретая свободу и право следовать в жизни своим путем.

Анна и Джейн Кэмпион
В блаженном угаре

Неведенье

Странно знать одни лишь вечные сомненья,
Не ведая, что — истинно, что — нет,
И безысходно лепетать в ответ:
«Наверное… возможно…»
… Точнее? — сложно…

Странно: мы бессильны уяснить причины
Того, что все живое создает
Прилежно облик свой, а после плод
Лелеет неустанно…
Как это странно.

Знанье. Даже если мы его добудем,
Уразумев подсказки плоти бренной.
То как постичь — хотя бы постепенно.
Хотя бы пред могилой —
Зачем все это было?

Филип Ларкин, 1964

~~~

Пульс
Центр исследования и развития человека

Мистеру П. Дж. от Стена Микла
26 ноября 1998 г.

Дорогой Пи Джей!

Надеюсь, ты получишь этот факс. Последний раз мы беседовали два с лишним года назад — по поводу одного парнишки, Нельсона Грега, кстати, он вроде бы приходит в норму, если таковой считать наличие работы, девушек и модных тряпок. Я все такой же увалень, которому лень лишний раз оторвать свой зад от стула, тем не менее по-прежнему с удовольствием поглощаю зловредные калории.

Жду подтверждения, что письмецо мое ты получил, и, будь добр, уточни еще раз номер факса и прочие почтовые данные, поскольку я должен переслать тебе некую информацию весьма деликатного свойства. Привет очаровательной Кэрол, ее заботу и поддержку буду помнить вечно.
~~~

Твой Стен Микл
Психиатр-консультант
4210, Австралия, Новый Южный Уэльс, Примонт, п/я 25 факс: 00612 91086610

~~~

Нью-Йорк (212) 319–2349
1193 Митчелл-авеню
кв. 7а
выездному консультанту П. Дж. Уотерсу
http://www.vmail.net/Waters/
26/11/98 5:52 pm

Стен, миленький, спасибо, что не забыл меня. Подтверждаем, что мы — это мы, мистер П. Дж. Уотерс и я. Ты хотел факс — получай!

Кэрол
~~~

~~~

Пульс
Центр исследования и развития человека

Пятница, 27 ноября 1998 г.

Дорогие Кэрол и Пи Джей,
страшно рад, что застал вас. У нас тут запредельный случай, требуется срочная помощь — сам понимаешь, Пи Джей: никто, кроме тебя.

Нужно привести в норму одну австралийку, Рут Барон, ей двадцать один год. Отправилась путешествовать по Индии, заодно немножко похипповать, старая добрая молодежная забава, ну и угодила в лапы нашего врага. Я имею в виду Чидаатму-Баба, он то появляется, то опять ложится на дно. Сейчас снова всплыл, обосновался где-то под Ришикешем. Началось все, как водится, с обыкновенного любопытства. Она фыркала и посмеивалась над «обращенными». И тогда за нее взялся сам старикан «Отец», собственноручно нанес ей на лоб знак святой силы, «шакти», и на следующий же день она вырядилась в сари, стала
~~~

величать старикана моллой[1] и начала сыпать всякими заумными словечками, — все как полагается. До того проникласъ к Баба, что сожгла свой обратный билет в Австралию, и теперь жаждет исполнять любые его приказания. Твердит, что обрела наконец смысл жизни, хочет найти истину, и вся сияет от обретенной благодати. Это мне ее подружка доложила, Пру Лемон. Она прибыла в Сидней с целой пачкой обличающих фотографий.

Домашние в глубоком шоке. Отец вообще не признал свою дочурку в столь экзотическом одеянии.

Мама, взглянув на фото, тут же хлопнула пару стакашек «веселящей воды», хотя раньше тяги к виски за ней не водилось.

Мы, честно говоря, все тут в некоторой панике. Девчонка, каких поискать: красивая и с изюминкой. Да еще очень способная. Но представь: взяла и наплевала на свой университет, чтобы подзаработать деньжат на небольшое путешествие, которое вот чем обернулось.

Родители жаждут вернуть дочурку, все издергались. Но на их призыв: «Пожалуйста, приезжай

---

[1] Примечания: 1

Молла — уважительное обращение к почитаемому учителю. *(Здесь и далее — прим. перев.)*

на Рождество домой — билет в конторе „Куантас“» — ни ответа ни привета. Тогда они решили избрать более надежный вариант: самим поехать в Индию и уговорить ее вернуться в лоно семьи. Дома у них имеются родственники с фермой, там-то у папаши и случится — якобы — сердечный приступ. На этой ферме он и будет ждать свою блудную дочь, чтобы сказать ей последнее «прости». Сельская глушь — идеальное место для таких трогательных сцен. Времени у нас в обрез: обряд «посвящения» через две недели. Надо до этого успеть вытащить ее из Ришикеша.

Как я понял, наибольший контакту нее с матерью (я имею в виду, в семье). Та предлагает свои услуги, в смысле «отвезти-привезти», предложение заманчивое, если учесть, что в декабре в Индии наплыв туристов — ведь сплошные праздники. В операции задействованы два старших брата Рут, помогут в любой момент. Все должно сохраняться в строжайшем секрете. И еще мы заручились согласием Колина Уэзерса. Это тот малый, который тебе понравился, помнишь, вы с ним вытаскивали парнишку Нельсона? Колин готов подключиться по первому твоему требованию. Если что-то понадобится, пиши. И еще: уточни, пожалуйста, свои расценки и как тебе

удобнее ехать. Или билетами займешься сам?

А главное — могу ли я рассчитывать на твою помощь?

Твой Стен, по поручению Баронов

4210, Австралия, Н.Ю.У., Примонт, п/я 25 Факс 00612 91086610

29/11/98

~~~

29/11/98

Дорогой Стен,

расценки мои, тьфу-тьфу, пока на прежнем уровне — 10 000 долларов, плюс дорожные и прочие расходы. Кэрол уточнит все детали поездки. Когда эта девица все-таки соберется в свой Оззи-ленд,[2] сразу сообщи, я буду наготове. Объясни семейству, что дело это очень деликатное и сложное. Я полагаю, что мне хватит трех дней, но при одном условии: когда начну с ней работать, пусть ни в коем случае не вмешиваются. Через денек я сам, если нужно, попрошу их поддержки, ну, к примеру, просмотрим — в семейном кругу — кое-какие видеопленочки. Колин очень бы выручил, один я теперь не езжу, ты ведь знаешь. Кстати, спроси у него насчет слова, оно до сих пор у Бога,[3] или как?

Если так, то аминь, и будем надеяться, что

---

[2] Примечания: 2

Разговорное название Австралии.

[3] Примечания: 3

Имеется в виду первая фраза Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (1, 1).
~~~

миссис Барон удастся заманить Рут в самолет. Первый шаг всегда самый трудный.

Держи нас в курсе. 16-го один мунит[4] из Кентукки покажет нам солнце, потом снова вернемся в Нью-Йорк.

ОМ ОМ ОМ[5] и мир тебе, брат мой.

П. Дж.

P. S. Обратные билеты закажу во всех авиакомпаниях сразу, чтобы из-за каких-то трех дней не застрять на Рождество в австралийской глуши, в этом узили… я хотел сказать, в Оззилище!

---

[4] Примечания: 4

Тут игра слов: «мунит» от английского слова «moon» — луна. Муниты — последователи корейского проповедника Муна, основавшего секту «Церковь объединения».

[5] Примечания: 5

ОМ (или АУМ; *санскр.*) — священный и сокровенный слог, символизирующий древнеиндийскую триаду: Брахма — творец, Вишну — хранитель, Шива — разрушитель. Считается, что «ом» содержит звук всей Реальности. Произносится как благословение при начале любых дел.

~~~

Пульс
Центр исследования и развития человека

Пятница, 11 декабря 1998 г.

Дорогой Пи Джей!

Миссис Барон позавчера отбыла в Дели, чтобы там взять Рут под стражу, в соответствии с разработанным планом. Пытался провести разъяснительную беседу с ее благоверным, но он слушает исключительно себя. Только часа через два после моей лекции о предстоящем «захвате» его дочки до него что-то стало доходить, пришлось повторять все по десять раз, а он бродил вокруг, почесывая задницу. И все щелкал калькулятором, подсчитывал расходы: чик, чик, чик.

Жду дальнейших приказаний.

Стен
~~~

~~~

Пульс
Центр исследования и развития человека

Суббота, 12 декабря 1998 г.

Дорогой Пи Джей!

Дела у нас неважнецкие, Рут не желает возвращаться, эти блаженные паскуды окончательно заморочили ей голову. Ей «жаль папочку», но «может быть, в другой раз» (она уверена, что будет и другой раз). Вот так! Не хочет пропустить день посвящения.
~~~

~~~

Пульс
Центр исследования и развития человека

Четверг, 15

Пи Джей!

ЕСТЬ! Они прилетают двухчасовым рейсом из Бомбея. Миссис Барон с кислородным баллоном, у нее был приступ астмы, и в посольстве настояли (молодцы ребята!), чтобы мисс Барон ее сопровождала — иначе, сказали, аннулируем паспорт.

Стен
~~~

1

Меня зовут Рут, вообще-то имя мое еще в древности означало «жалость». Но меня часто называют: «Безжалостная». Вроде древнего ископаемого хищника. Безжалостная хищница. Из-за таких разговорчиков во мне действительно просыпается инстинкт самосохранения. Все точно по Дарвину. Даже когда моя семейка налетела на меня, как шайка бандитов, уговаривая (вернее, приказывая), чтобы я согласилась на эту трехдневную пытку, я подумала: ладно, переживем — с помощью медитации — общение с этим типом, подумаешь, какой-то отвратный таг[6] из Нью-Йорка. Главное — быть вне, отрешиться, быть выше этого. И все же было как-то стремно, даже руки дрожали. Задрожали сразу, как только все начали шикать и твердить «хватит, успокойся»; и когда я спросила у этого своего спасителя, могу ли я поговорить с мамой и с Тимом — это мой самый старший брат, — таг сказал «конечно».

Потом снова повторил «конечно», вот тут я и

[6] Примечания: 6

Таг — член религиозной секты в Северной Индии, разбойник-душитель; таги убивали, главным образом, путешественников.

успокоилась, просекла, что дяденька и сам, видно, здорово нервничает. Я ведь ненормальная, всегда чувствую: когда люди психуют, над ними словно невидимые струи, они стягиваются во влажные набрякшие облака, которые клубятся и парят. Я старалась обогнать братьев и Фабио и шепотом считала… один, два, три, четыре. Они просто бесились… пять, шесть, семь, восемь… Но тагу этому хоть бы что, наверное, он не слышал моего бормотания. Над верхней губой — капельки пота, и пристально так на меня смотрит. Глазки ласковые, улыбчивые, с лучиками морщин, на вид — лет пятьдесят пять, пятьдесят шесть.

И вот мы торчим на заросшем травой холме. Я высматриваю хоть что-то приметное, но холмик так себе, уныло-ровный и скучный. Трава сухая, за моей спиной фермерский домик, а за домиком — холмы, холмы… Просторы тут: гуляй — не хочу, на десятки миль вокруг — ни души, не считая всех нас десятерых. Мы стоим, сбившись в кучку, пялимся на кирпично-красную пыль. Мои родичи все норовят подтолкнуть меня поближе, в серединку. Подходит мама, бубнит мне в самое ухо: «В комнату Пусс[7]». Я невольно оборачива-

[7] Примечания: 7
Это имя означает «киска» *(англ.).*

юсь и смотрю на тетку, которая стоит рядом с дядей и как-то странно подмигивает. Да и все они как-то странно кивают и подмигивают. Бред, с чего бы это им? А с чего подмигивать моей тетке? Но она опять — точно! — слегка прищуривает правый глаз. Пусс — сестра моей матери, муж у нее — Билл-Билл, худенький, личико маленькое, очень смешливый. Детей у них нет, зато есть эму, Пусс называет этих страусих (строго говоря, они не страусы, но очень похожи) «мои девочки», в их увесистых тушах до фига протеина и почти нет холестерина. Кроме самой Пусс, они никого к себе не подпускают. До эму были кошки и тоже признавали одну ее.

Плетусь в дом — что ж теперь делать! Нет, не понимаю… какого черта они все это устроили: выманили-таки меня, тоже мне умники, прижали человека к стенке и довольны. А эти их уговоры с пеной у рта? Жуть! Но главная предательница, конечно, Пру Лемон. Это она проболталась о марихуане и о том, что я выхожу замуж за гуру.

Пру была моей подругой, да, именно «была», «прошедшее законченное». Или как там оно называется… В апреле мы рванули с ней вдвоем в Индию, почему-то именно туда, планы были грандиозные. Посмотреть на что-нибудь обалден-

ное, невиданное. Про Индию мы не знали ничего, так, только всю эту набившую оскомину муть. Тадж-Махал, сари, слоны, расшитые покрывала и байки о каких-то вечеринках с травкой в Гоа,[8] где задарят подарками, наговорят комплиментов, а главное — никто не будет устраивать потом скандалов и читать нотации. Индийцы, они плевали на тебя, твори что хочешь, никто не осудит, им бы с собой успеть разобраться, жуткие самоеды (как Вуди Аллен, он во всех своих фильмах такой). Они, наоборот, захваливают до тошноты. Сейчас вспомню. Ну-у… примерно так: «Ах, какая ты чуткая и красивая, ох, какая ты потрясающе умная, ух, ты самая-самая», — короче, сплошные сопли и лицемерие. Я спросила у одного такого балаболки, Шви его зовут, зачем он все это несет, все эти «ахи». Только расхохотался в ответ. «Ах, милая Ру-у-т, не сердись, все мы любим, когда нам льстят».

Что меня потрясло, так это дома из щебня; один такой город лепит себе же подобный, сбывая щебенку этому другому. Те здания, что из нормального камня, тоже не многим лучше: щербатые, полуразрушенные, огромные обвалив-

[8] Примечания: 8

Гоа — часть союзной территории (Гоа, Дамана, Диу) на западном побережье Индостана.

шиеся куски крошатся, превращаясь в плотные кучи, нашпигованные ярко раскрашенными Кришнами и Шивами. Впечатление — как от «Алисы в Стране чудес», и вообще такое чувство, что ты попала в декорации библейского Ада и Райского сада. Никогда не знаешь, куда именно тебя занесет. Нас предупредили, что запросто могут и куда-нибудь завезти, поэтому после десяти старались держаться вместе — какое-то время. Постоянное ощущение: будто стоишь на голове и мозги твои куда-то пересыпаются, как песок в песочных часах. Чего я там только не насмотрелась! И сейчас перед глазами все как наяву: маленькие нищенки, их заскорузлые от грязи одежки даже не гнутся — будто они из картона. Сказочной красоты белая лошадь, и при ней целых тринадцать погонщиков в клевых прикидах — это полный отпад, экзотика. Рикша, который врезался в мула, его зеркальце для обзора — вдребезги. Женщины со странными резными протезами вместо ног или рук. Видела нескольких садху, это аскеты, с длиннющими — футов в шесть — усами. И еще запомнила танцоров со змеями, пластика у них обалденная, и малышек-танцовщиц с насурьмленными глазами. Смотришь, смотришь… на что-то минуту, на что-то мельком, часто одно

наплывает на другое, перемешивается, не успеваешь крутить головой. Кто-то ковыряется в зубах щепкой, а у этого несчастного торчит из раны обломок кости, тоже похожий на щепку. Люди, ослики, лошади, снова человек, снова зверь. И опять лица, лица, и снова морды, мордахи, мордочки. Никогда не знаешь, что увидишь в следующую минуту и тем более — завтра.

А в Сиднее что? В Сиднее заранее известно (более или менее), что тебя ждет. Все по правилам, все «от» и «до». В Индии никаких правил, ее невозможно втиснуть в рамки и системы, ни одна система не выдержит этой непредсказуемости; а если все-таки попытаешься втиснуть, то все разрушишь.

После Гоа мы поехали в Кулу, а в ашраме под Ришикешем — разругались. Пру там все действовало на нервы: сама атмосфера, омовения, песнопения. А я только радовалась — потрясающая острота ощущений, полный балдеж! Но она изнылась вся: давай отсюда смотаемся. Я пыталась описать ей свое состояние. Эту разлившуюся по всем жилочкам теплоту и нежность: как будто у меня нет больше грудной клетки и чья-то ласковая рука гладит меня прямо по сердцу. Какое это было блаженство!

Я так и не поняла, чего она уперлась. Пристала, чтобы я ехала с ней домой, в Австралию, ноль внимания на все мои отнекивания. Пришлось даже перед ее носом сжечь свой билет на самолет, только тогда она наконец поверила, что я не прикалываюсь. И давай реветь. Но я же не ее собственность. Человек не может быть чьей-то собственностью — вот это я поняла твердо.

Из-за жары спальня так зашторена, что ни черта не видно. Мои глаза выхватили из этого пурпурного полумрака горшок с белыми нарциссами. Узнаю Пусс: всегда старалась свить тут уютное гнездышко, хотя в фермерских домах это редко кому удается. Присмотревшись, разглядела на кровати что-то розовое и мохнатое — розовая кошка, класс! Но это была всего лишь подушка из крашеной овчины. Я — сразу теребить подушечьи розовые космы и твердить про себя, как мантру: «Я не хочу в тюрьму, я не хочу в их тюрьму, не хочу». Потом легла и долго рассматривала безделушки: фарфоровых кошечек, всякие медные штучки, свадебные фотографии. У Пусси короткая стрижка, ежиком, почти как у парня, здоровый румянец. Мамуля моя, та всегда была бель фам — на затылке тугой аккуратный пучок, декольте, подвитые ресницы и не очень умело

подведенные глаза.

Пусс крепенькая и жилистая, волосы у нее свои, не измученные краской, она ненавидит черное, чаще всего в чем-нибудь бордовом, любимый ее цвет, в ушах, — сережки на гвоздиках, кошмарные. Смотрю дальше. Кошки на комоде, кошки на книжных полках. Кошки мягкие, набитые поролоном, кошки фарфоровые, есть целые семейства, соединенные латунной цепочкой, — мама и трое котят. Полно картинок: раскрашенные от руки котята с удивленными глазками и распушенными щечками, у котят такой вид, будто им кто-то щекочет под хвостом. Боже, ну и тоска! Мне тогда вдруг подумалось (жуть!): ведь когда Пусси умрет, за всеми этими нарядными (есть и так себе) кисками придется кому-то ухаживать, а они на фиг никому не нужны.

…Встаю (это чуть позже), а голова как закружится, по спине мурашки, к горлу подступил комок — я успела-таки добежать до мусорного ведра, но чуть его не уронила. Запаха почти не чувствовалось, и я спрятала это синюшно-розовое ведерко в шкаф. Решила почистить зубы, и тут входит мама, с минералкой. Она почему-то на цыпочках (от напряжения даже слегка покачивается) семенит к кровати… Тим, тот явился с

чаем и молча протянул мне чашку, но я гордо ее проигнорировала, и он так и стоял с протянутой рукой, а я заговорила с мамой — сама:

— Мам, он же таг, убийца.

— Ты ведь совсем не знаешь этого человека, Рути.

— И знать не хочу. Посмотри на меня, мамочка. Я научилась радоваться жизни. Мне хорошо, правда.

Я простодушно округляю глаза. «Ты же сама всегда говорила: делайте что хотите, лишь бы вам было хорошо», — напоминает ей мой взгляд.

Но на самом деле ничего хорошего, мне так же фигово, как им.

Мама теребит бумажный носовой платок. Тим приклеился к стене, эдакий красавец из мыльного сериала, когда тот в гневе: жилки на висках вздулись и пульсируют. Нужно срочно действовать. «Действуй, — учит Баба, — действуй, не упуская ни единой возможности». Надо убедить их, что я не чокнутая, просто каждая минута, проведенная тут с ними, мешает моему дальнейшему совершенствованию. Черт возьми! Как же мне с ними тут противно… не хочу я потакать их жалким инстинктам, убогой приземленности. Материалисты фиговы.

— Ну, хорошо, если вас так это напрягает, я не выйду замуж за Учителя, меня никто не заставляет, мне просто оказали честь, это лишь еще одно свидетельство его благородства. Баба хочет доказать, что любит меня, только и всего. Это его слова.

Мама поджала губы:

— Я не верю этому, Тим. С твоей сестрой всегда было очень трудно.

— А что трудного-то? — выпаливаю я.

— Не помнишь уже? Говорила, что идешь в школу, а сама пропадала в библиотеке. А теперь я вообще не знаю, где ты. Я боюсь, они манипулируют тобой, может, даже что-то подсыпают.

— О г-господи!

— Прости, но у меня сложилось такое впечатление. А в данный момент ты сама манипулируешь мной. — Она жадно припадает к бутылке с минералкой. — Мы же пытаемся спасти тебя, Рут.

— И зря. Спасать вам нужно себя. Ради бога, мама, как ты думаешь, для чего мы здесь?

— Где именно?

— На земле. Скажи, для чего? Какова цель твоей жизни?

Мамины глаза чуть скашиваются вбок, в сторону Тима.

— Она нарочно прикидывается блаженненькой, а, Тим? Ты же знаешь, это у нее любимое развлечение.

— Я не прикидываюсь, я говорю о смысле жизни, мама. Зачем ты живешь на свете? Ты когда-нибудь об этом задумывалась?

Тимми снова протягивает мне чашку с чаем. Мама, шурша, разворачивает очередной бумажный платочек.

— Неужели тебе неинтересна твоя сущность, то, чем ты отличаешься от всех иных сущностей? И тебе не хочется знать, что тебя ждет — потом… и что это означает — «познать себя». Так все-таки зачем? С какой стати Господу было так суетиться? Если учесть, что почти все люди — в том числе и ты — обращаются с дарованной им жизнью как с каким-то случайным недоразумением. Люди слишком довольны собой, но Небесный папочка в конце концов здорово их разочарует, дождутся. Одно бы хотелось узнать: зачем мы появились на белый свет, неужели тебе не любопытно, а, мам? Ну если бы *можно* было узнать?

Еще два платочка истерзаны в клочья.

— Тим, у нас нет времени на подобные дискуссии, он ждет.

Тим рывком отлепляется от стены, из его карма-

на на ковер падает мобильник. Тим наклоняется поднять. Физиономия у моего братца жутко кислая: бесится, что его привезли в эту дыру, а теперь еще затащили в типичное любовное гнездышко. Он предпочитает что-нибудь нестандартное, в *голубых* тонах.

— Так что же ты, сынок? — вопрошает мама. — Скажи что-нибудь, у тебя ведь должно быть свое мнение?

— Я думал, они зря паникуют, ну насчет…

— Насчет чего? — не выдерживаю я.

— Насчет тебя… — мямлит он.

— Да отвали ты!

— Погоди, не дергайся, дай договорить. Я думал, они зря гонят волну. А теперь я так не думаю.

— Интересно, почему?

Он сложил руки на груди и внимательно на меня посмотрел:

— Потому… потому что глаза у тебя какие-то странные.

Я захихикала и состроила рожу: скосила глаза к носу и часто-часто заморгала.

— Нет, ты послушай.

Изображаю предельное внимание.

— Мама с папой ухлопали кучу денег на этого профессора, кстати, специалист он классный.

— Кто это сказал?

— Как кто? Спецы по сектам.

— Значит, по-твоему, это секта?

Ему лично судить трудно, заявил мой братец и начал нудить, что три дня не срок, можно как-нибудь напрячься и потерпеть.

— Кончай вредничать. Каких-то паршивых три дня, трудно тебе, что ли?

Я сказала Тиму, что он ни хрена не понял. Эти самые «спецы» много кому готовы перекроить мозги: коммунистам, лесбиянкам, иудеям, женившимся на христианках, негру, запавшему на китаяночку. Лезут без мыла в душу.

— Ради бога, Тим… — бормочу я.

— Что ради бога-то? И не смотри на меня так, будто я всадил тебе в сердце нож.

— Значит, ты с ними заодно… но почему?

Тук-тук-тук — раздалось снаружи.

— Ч-черт… — шепчу я.

Мы все втроем смотрим, как открывается дверь.

— Вы позволите войти? — с порога спрашивает этот тип.

У нас у всех просто челюсти отвисли, когда мы его увидели. Мама вежливо закивала, хотя в глазах ее читалось: «ну и ну». Я стала опять по-

наглому его разглядывать. Ну весь наглаженный: и джинсы, и спортивная рубашка, и курточка, а волосы зализаны. Полный отпад! И этот допотопный диск-джокей,[9] ровесник моего папули, собирается вправлять мне мозги? Он пожал мне руку, очень нужно… и мало того, еще накрыл ее другой своей лапищей.

— Привет, Рут, страшно рад с тобой познакомиться, — и сладенькая, вроде бы простодушная улыбочка, весь так и сияет. Скуластый. Губы чуть выпячены, когда говорит, слегка причмокивает.

— Вы не могли бы… — виновато так — чмок-чмок; ему приходится отодвинуться, чтобы выпустить маму и Тима. Я их не останавливаю, он хоть не такой дерганый, как они. Он проверяет, плотно ли закрыта дверь, разворачивается и чуть враскачку идет ко мне, начинает очень прочувствованно, ласковый такой американашечка:

— Рут, ты, наверное, успела меня возненавидеть, что вполне естественно при данных обстоятельствах…

Мои плечи невольно вздрагивают. Еще как успела, но нельзя, чтобы он ответил мне тем же.

— Зови меня просто Джон, — предлагает он, —

---

[9] Примечания: 9

Видимо, намек на созвучное имя Пи Джей (более современное название диск-джокея — ди-джей).

или Пи Джей.

Оказывается, это часть его фамилии: Пи Джей Уотерс.

— Хочешь пить?

Хочу, но говорю «нет».

— Понял, — говорит он.

Потом, конечно, заводит волынку насчет того, что необходимо хорошенько во всем разобраться. И, разумеется, мои предки наняли его исключительно для этого, и если я даже решу возвратиться в Индию, мне очень полезно было бы его выслушать.

Я молчу, пытаюсь просечь, что ему надо и почему у дяденьки такие залысины. Я уже готова милостиво согласиться, но в этот момент в открытом окне появляется сияющая физиономия и машущая рука. Пи Джей решительно захлопывает его. Это Робби, мой младший старший брат, это ему всегда: «покачай нашего цыпленочка на качельках», то есть меня. Видок у него — с этим длинным высунутым языком — просто убойный: дразнится, гад. Потом изображает, что в руке у него ремешок, которым мне нужно сделать «атата».

Нет, все-таки от моих родственничков можно рехнуться. От этой суеты, которую они развели

вокруг меня, от их кретинских сюсю-пусю. Ах, как мы все тебя любим, даже выписали для тебя ученую обезьяну — из самой АМЕРИКИ! Теперь эта макака сидит рядом со мной, усердно изображая искреннее участие.

— Невозможно сосредоточиться, эти шуточки очень отвлекают, — жалуется он и досадливо взмахивает руками. — Твои родственники очень эмоциональны, в такой обстановке работать нельзя.

Я старательно копирую его ужимки и серьезную мину, а сама умираю про себя от смеха, вспомнив про «шуточки» эмоциональных родственников… и мысленно одобрительно им киваю. Макака продолжает:

— Эти три дня должны быть предельно насыщенными, максимальное погружение в проблему. — Для большей убедительности он плотно стискивает свои ладони. — Раскрыться перед другим человеком, быть по-настоящему откровенным очень непросто. Отчасти это даже противоестественно. Мы склонны защищать то, во что верим, а не анализировать.

Вот именно, и чего ради человек должен в чем-то копаться, неизбежно при этом разрушая, это как раз проще всего. А он все нудит, втолковыва-

ет мне, что все мы играем в игры, и с собой и с другими, и, в сущности, мы только это и делаем. Я чувствую, как у меня пухнет голова от назойливых и как бы ироничных реплик, вроде «ну же, расслабься» или «ну что, суховато, надо бы смазать?». Он вскоре просек, что мне, собственно, ни к чему расслабляться, ведь я почти его не слушала, ну и запсиховал, притих, а когда начал снова, уже меньше умничал и красовался.

— Диалог между нашим осознанным «я» и внутренним — он происходит постоянно, то есть мы всегда прислушиваемся и к этому, сокровенному «я». Драматизм сущностного двуединства. Априорный дуализм. Главная трудность для нас, человеческих особей, не в том, что этот диалог практически никогда не прекращается, а в том, что мы не знаем, как найти общий язык с этим неведомым «я», с той незнакомой личностью, которая живет в каждом из нас.

Я опять почувствовала легкую тошноту, просто идиотизм какой-то, даже мой желудок отказывался переваривать весь этот бред. А дяденька так и сверлил меня взглядом и все время оттягивал пальцем тесный ворот рубашки.

— Полагаю, ты не задумывалась о том, какой непоправимый урон может быть нанесен сокро-

венной твоей сути, средоточию твоей личности, если ты вручишь себя такому субъекту… который может оказаться совсем не тем, кому можно довериться? — Он наклонился вперед, нащупывая в карманах спички. — «Искра зажглась в груди, я знаю: это огонь небесный».[10] Джузеппе Верди. Душа похожа на пламя зажженной спички, на яркий всполох, осветивший твой путь.

Он чиркает спичкой, держит ее перед собой, медленно поводя из стороны в сторону. Мы оба наблюдаем за тем, как пламя постепенно гаснет. После он поднимается и, запрокинув голову, начинает бродить по комнате, почему-то обращаясь исключительно к потолку. Не иначе как там полно мух. Тоже смотрю вверх: да нет, всего несколько штук.

— А что, если я поищу более подходящее для наших бесед место? Ты как, согласна?

Говорит-говорит… короче, когда он спросил про подходящее место, я как раз искала на потолке мух, но все-таки ответила. «Да» — вот что я сказала. Просто чтобы он хоть ненадолго заткнулся, и еще я побоялась сказать «нет». Пришлось бы что-то изобретать, почему «нет» а у меня не было

---

[10] Примечания: 10
Слова из арии Виолетты (опера Дж. Верди «Травиата»).

уже никаких сил, доста-а-ал. А главное, своим «нет» я признала бы, что вся эта мура, которой он меня грузит, как-то на меня действует, хотя на самом деле мне по фигу был и этот тип, и весь его выпендреж. В общем, сразу брякнула «да» и нагло улеглась, что в принципе означало абсолютное «нет», оставалось только нарочно захрапеть… и еще это означало, что я — бяка непослушная — по-прежнему не желаю его признавать. Мои родственнички — вот из-за кого я действительно психовала. По-моему, до них даже не доехало, что я, по их милости, стала жертвой, да-да, я серьезно… Что поделаешь, тормозные придурки. Отдали на закланье свою самую любимую свинку, и так рады, не передать. Торжествуют.

…Короче, это был его первый прокол.

2

Похоже, я успел ей надоесть. Хотел сам открыть дверь, когда она направилась к ванной, вроде бы ерунда, что в этом обидного? Ну да, она и сама, разумеется, открыла бы эту чертову дверь, но приятно было поухаживать. Не учел, что Рут девица современная и совсем еще молоденькая. Ее моя стариковская галантность явно раздражает, но — странное дело — эта ее строптивость почему-то очень мне симпатична.

С чисто медицинской точки зрения проблема этой девочки вполне разрешима. Я сталкивался с куда более сложными случаями. Религиозные доктрины — при всей их (хоть и не всех!) цветистой высокопарности — весьма расплывчаты. И при попытке более глубокого осмысления пациент неизбежно к ним охладевает. Но Рут озадачила и заинтриговала меня не как пациент, а как женщина: если честно, я здорово растерялся, она сразу запала мне в сердце, сам не знаю, как это произошло. И ведь отнюдь не хищница с острыми коготками, ни капли игры в «вамп», но из нее струилась потрясающе притягательная

энергия, хотелось тут же что-то подарить взамен. Почему-то я чувствую, что должен, просто обязан ей помочь. Да, от нее исходят мощные флюиды, пока не пойму какие: то ли холодное презрение, то ли пылкая ненависть. Обычно те, кто чем-то озлоблен, излучают мертвую энергию. А тут — все очень живое.

Преодолеть отчужденность и недоверие помогает целый комплекс факторов, я давно их для себя отметил. Ну, прежде всего, вынужденное пребывание вдвоем, тесное общение, потом этот постоянный азарт поединка: кто кого. Плюс преодоление непредсказуемых (и неизбежных) препятствий и — заслуженные передышки. Такова наша работа: помочь человеку выйти на верную тропу, преодолеть безоглядное поклонение гуру и снова стать самим собой. Тут есть апробированные методы. Причем очень часто бывшие сектанты сами помогают нам на последнем этапе этих мучительных испытаний, уже в качестве умудренных и во многом усомнившихся напарников. Ну а в той кучке сумасшедших, которые встретили меня в Сиднейском аэропорту, рассчитывать было практически не на кого — в случае форс-мажорных обстоятельств.

Из Нью-Йорка я вылетел шестнадцатого, сутки

болтался в воздухе, прибыл восемнадцатого. После сна в самолетном кресле мышцы несколько затекли, но чувствовал я себя сносно. Приземлились в 15.25.

Первой меня приветствовала Ивонна, невестка Рут, умело демонстрирующая свои достоинства. Сразу же бросались в глаза ее прелестные руки с безупречными ухоженными коготками. Едва заметные симпатичные веснушки, голубые глаза. Чертовски хорошенькая, и фигурка не подкачала, отличная фигурка. Платье — в пастельных приглушенных тонах, светлый макияж, густые стриженые волосы, которые она то и дело поправляет — словом, типаж «воплощенная женственность». Двадцать шесть лет, один ребенок, сын, замужем за Робертом Бароном. Болтушка жуткая, сразу берет меня в оборот:

— Меня зовут Ивонна, возможно, вам уже говорили обо мне. (*Ни словечка,* мысленно отвечаю я.) Так приятно вас видеть, так приятно познакомиться с солидным образованным человеком. — Хлоп-хлоп длинными ресницами. — О-о, мы вас так ждали, так ждали. Ой, у меня с собой только кредитная карточка, а вам, наверное, нужна мелочь…

Хлопнув еще раз ресницами, сама хватает ба-

гажную тележку.

— Вы не находите, что у американцев — не у всех, конечно, но у многих — плоховато с вежливостью и с приличными манерами?

Я не очень понял про манеры: это у нее, что ли, они приличные? А у американцев, значит, с этим плоховато. Любопытное замечание. Сама-то она так старалась проявить максимальную вежливость, что мне немного ее жаль: даже вся раскраснелась, порхая то с одной стороны, то с другой и виляя попкой. Поэтому я решил мирно отшутиться:

— Я пока еще не приступал к поиску.

У меня-то самого с манерами действительно не очень, плевать я хотел на все эти этикеты, но тут уж придется прилаживаться к их фокусам.

Два легких пасса над волосами, косой взгляд в сторону мужа.

— На Робби вы не смотрите, он вообще не умеет вести себя в обществе.

Да… тяжелый случай. Мало того, что дамочка не совсем адекватна, но, похоже, не в состоянии уразуметь всю серьезность ситуации: что действовать надо предельно четко и слаженно и сосредоточиться только на предстоящей «операции». Ведь мы собираемся совершить

противоправное действие, с юридической точки зрения.

Еще один умник, Фабио; не люблю я этих парней с хвостиком. На вид года двадцать два, приятель Роберта, загорелый блондин с накачанным торсом. Его прихватили на тот случай, если потребуется помощь, физическая, разумеется. С мозгами у юноши плоховато. Прямо в аэропорту врезаться физиономией в столб с указателем — это же надо уметь! Хотел на лету поймать ключи от машины, которые Роберт подбросил слишком высоко. Зачем — сия тайна велика есть.

Роберт (он же Роб или Робби) — благоверный Ивонны и братец Рут. Массивный детина, потянет фунтов на двести (жирноват, конечно). Ему двадцать восемь, физиономия круглая, как я понимаю, засиделся в детстве, любит подурачиться, весь какой-то жеваный, нечищеный. Похоже, еще не сориентировался: его задача — быть на подхвате, а он почему-то решил, что он тут самый главный. Не представляю, что у него на уме, любит повторять «заметано» и «нет проблем». Особого доверия не вызывает.

И, наконец, мой коллега и кореш Стен Микл, единственный, от кого я рассчитываю услышать что-то осмысленное. Уже разменял сороковник,

кожа как у альбиноса, совершенно не переносит солнца. За те два года, что мы не виделись, покруглел еще больше, стал похож на куклу-неваляшку.

Поначалу я пытался воспротивиться этому самодовлеющему разгильдяйству и нежеланию утруждать мозги. Терпение мое лопнуло в тот момент, когда Ивонна собралась плюхнуться ко мне на колени. Оказывается, эти миляги не сообразили, что в машине все не поместятся.

— Знаете, я лучше на такси.

— О-о не-ет, — нежно проворковала Ивонна. — Фабио, ну-ка вылезай. Доедешь на такси.

Сердобольный Стен, обтерев платком потный лоб, сам вызвался доставить Фабио с его сломанным носом в больницу, а к мотелю он подъедет позже.

— Вы в каком решили заночевать? — спрашивает он.

— Да, в каком? — интересуется Роберт, поскольку он как-никак за рулем.

Ответить не смог никто. Выяснилось, что Ивонна ничего заранее не заказывала, так как «этих мотелей столько, и такие все уютные, я прям не знала, какой вам больше понравится, мистер Уотерс».

Вот тогда мне и нужно было уйти. Пока они препирались насчет мотеля, выгружая из тележки мои чемоданы. Бежать от этой стаи мартышек назад, на ближайший рейс в Америку. Но я почему-то стою здесь, окруженный этой малахольной семейкой, стою на огромной, продуваемой ветром автостоянке. И — странная штука! — то ли из-за жары, то ли из-за усталости, то ли из-за еще какой хреновины, их суетливая бестолковость неодолимо меня расслабляет. Будто я угодил в плотную вязкую пелену облаков. Зачем напрягаться, что-то доказывать, раз тебя все равно не слушают? Ловлю себя на мысли, что это абсурдное мельтешение мне даже нравится. Примерно то же самое испытываешь, качаясь на волнах, когда непонятно, где низ, где верх, просто отдаешься им во власть. Но когда выскакиваешь из воды, все сразу становится на свои места — и небо, и берег. Я чувствую легкое головокружение, и даже возбуждение, отчасти эротическое…

Дьявольщина! Одергиваю себя — это уже извращение. Так-так, начались какие-то сдвиги, не успел приехать. Очнувшись, нахожу взглядом Стена.

— А где же наш Колин, наш закаленный в битвах за души боец?

Стен смущенно отводит глаза. Но от меня так просто не отделаешься.

— Где Колин?

— У него несчастье.

— Так-так…

Теперь я окончательно понял: все летит к черту, все наши лихие планы. Стен начинает рассказывать, что там, у Колина, стряслось, при этом ему приходится напрягать связки, чтобы переорать ревущий за нашими спинами грузовик. До ушек Ивонны долетают слова «потерял» и «мать», и это фатальное словосочетание вызывает шквал эмоций.

Она замирает как громом пораженная, потом бросается к нам и срывающимся голоском начинает причитать:

— О боже! Нет, Стен, ничего не надо говорить, умоляю! Так что там случилось?!

— У Колина умерла мать.

— Не может быть… она серьезно болела, да? О-божемой-божемой, и чем же?

— Значит, Колин отпадает? — Я бесцеремонно вклинился в разговор.

— К сожалению, да.

Я оттащил его в сторонку.

— Стен, старичок, мы же по уши влипли.

Понимаю, ситуация неординарная, но все же некоторые правила для меня — закон. Я работаю только в паре с опытным помощником. Наверное, у тебя есть запасной вариант?

— Ну… да. — Стен смотрит на меня исподлобья, я вижу по его глазам, как он нервничает. И продолжаю уже мягче:

— Это очень тонкая игра, Стен, кто — кого, ашрам перетянет или мы. Меня и так уже этот перелет вымотал, но нам-то нужно измотать ее, а не меня.

— Знаю, знаю. Я пробовал дозвониться до одного головастого парня, он из Мельбурна, раввин. — Стен протянул мне свою бутылку с минеральной водой. Похоже, он без нее никуда, без минералки.

— Ну ладно, — говорю я, разглядывая пузырьки, пляшущие в бутылке. — А если этого головастого поймать не удастся?

После подозрительно долгой паузы он бормочет:

— У нас ведь есть Фабио, верно?

Мне не совсем понятно, предложение это или вопрос.

— Стен, эта девушка…

— Рут.

— Ну да. Рут. Нам с ней предстоит выпрыгнуть из падающего самолета, вдвоем шагнуть прямо в небо, в пустоту. И чтобы не разбиться в лепешку, ее парашют должен раскрыться, и мой тоже. Потвоему, я могу доверить наши парашюты этому остолопу, который исхитрился врезаться в столб, стоя на твердой земле? Не-е-ет, только не ему.

Логично, соглашается Стен, но уверяет, что Фабио справится. Все сделает как надо.

Меня разбирает смех.

— Ясное дело, справится — со своим гигиеническим пакетом, когда у бедняги закружится головка, она у него слабая.

Я отхожу в тенек, под деревья… боже, и когда наконец баюкающие волны вынесут меня на берег?

— Мы же идем на риск.

— Гм-гм. — Стен заметно сник, стоит понурившись.

Он и сам прекрасно знает, что идем, что у нас нет прямых доказательств того, что Рут временно недееспособна, да и как это докажешь? Значит, она вправе обвинить нас в том, что мы вторгаемся в ее частную жизнь. Можно сколько угодно

ссылаться потом на историю с Патти Херст,[11] но что это даст? Да, мы могли бы нанять нужных нам психиатров и ищеек. Но это исключено, ей давно уже не восемнадцать, все эти международные независимые суды ее случаем заниматься не станут. Мы рискуем в любой момент преступить черту, и тогда нам не оправдаться никакими благими намерениями.

— Ладно, ладно, сейчас что-нибудь придумаем. А что, если вызвать твою Кэрол?

Проклятье!

— Я же говорил, что могу ее прихватить, есть недорогие рейсы, но теперь… Она будет здесь не раньше чем через четыре дня, а то и через пять.

Стен похлопывает меня по плечу. Как он меня понимает (ну надо же!). Обещает еще раз позвонить своему раввину (мне-то что с того?).

— Тогда пусть он будет у нас номером первым, а я попробую поискать кого-нибудь еще.

«Так пробуй!» — мысленно призываю я.

Уже пять часов. Я весь как выжатый лимон.

---

[11] Примечания: 11

Имеется в виду дочь газетного магната Уильяма Херста, Патриция, в 1974 г. она была похищена радикально-террористической группой «Симбионистская армия освобождения», тоже примкнула к их банде и была приговорена к тюремному заключению; на суде утверждала, что стала жертвой психологического насилия.

Заманили бедненького консультанта на другой конец света и оставили без помощников — выпутывайся теперь как хочешь, это твои проблемы.

Эти миляги все время что-то бубнят — бу-бу-бу, бала-бала-бала, ха-ха-ха. Непонятно, как они вообще ухитряются при этом что-то делать. Не умолкают до самого мотеля, который наконец все-таки выбрали. Потом каждый обменивается парой реплик с владельцем мотеля, Так, не пойми о чем, обсуждают какие-то непостижимые для меня местные интриги.

— Слыхали, что нам требуется от этих юморных парней, от новых начальничков в Квинсленде? Чтобы они были не только мордатые, но и мозговитые…

— Ха-ха-ха! Уххы! — Все покатываются со смеху. И что их так разбирает? Потом владелец мотеля добавляет:

— Вот это и есть равные стартовые возможности, хе-хе-хе.

Первая ночь. В мотель мы все-таки попали. Я пью горячий «капуччино», Ивонна плещется в бассейне, все замечательно, все нормально. Но вот она вылезает и подходит, вода с купальника льется мне в ботинок. И как льется! Видимо, это особенность сверхмодных купальников. Она

хочет узнать, что именно я собираюсь делать с Рут. Ботинок у меня совершенно мокрый, но я держу марку вежливого американца и терпеливо отвечаю:

— Я хочу говорить о самом сокровенном, опуститься вместе с ней в пучину, в самую грязь.

Ивонна молча розовеет и берет у Робби бокал с джином и тоником, а тот сосредоточенно выстраивает на стойке мини-бара целый взвод всяких емкостей с выпивкой — рядом с кучкой арахиса.

— Хотите поэкспериментировать… — констатирует он, отхлебнув винца.

— Она не устоит, — мурлычет Ивонна. — Я чувствую, вы способны убедить любую женщину, она сделает для вас все, только прикажите…

Она прищуривается, взгляд становятся соблазнительно-томным.

Я аккуратно ей втолковываю:

— Видите ли, Ивонна, игра эта скорее из разряда спортивных, так что никаких романтических отступлений. Я, если угодно, в нападении, атакую систему ценностей. Ищу слабое звено в самих постулатах внушенной веры. Расставляю незаметные ловушки, чтобы высвободить сознание, чтобы человек начал мыслить самостоятельно. Это — диалог. Мы вбрасываем свои предложения,

клиенты их анализируют и выбирают то, что им нужно.

— С ней особо не поболтаешь, правда, Робби?

— Да, если она сама не захочет.

— Никто не собирается болтать, Ивонна, это будет долгая беседа, на целых три дня. Тут главное — интуиция. Девочка только что из ашрама, где таких, как она, сотни. Расчет на то, что эти три дня с ней будут обращаться как с уникальной, неповторимой личностью, а не как с одной из. Согласитесь: это очень приятно, когда кто-то занимается только тобой.

Робби передает мне кока-колу. Ивонна потягивает свой джин.

— Я бы тоже не отказалась, если бы кто-то целых три дня говорил только обо мне, — роняет она.

— Да ну, — ухмыляется Робби, — и ты сможешь вытерпеть, чтобы говорил кто-то, кроме тебя?

Приносят пиццу. Фабио, щеголяя марлевой заплаткой на носу, раздает всем по куску.

Ивонна тычет меня в ляжку.

— А если человек верит в любовь?

— Любовь тоже в некотором роде — религиозный фанатизм: «я люблю тебя, люблю, люблю, но… с удовольствием поимел бы и кого-нибудь

еще».

— О-о, знакомая ситуация, но тогда в чем состоит его любовь, разве в любви есть что-то другое, кроме, ну?.. — Глубокий вздох. — Неужели вы нисколечко в нее не верите?

— Так на какой вопрос я должен отвечать?

— Ой… даже не знаю, — она смущенно хихикает, — ладно, давайте на второй.

— Нет, увольте, это не по моей части.

Поджимает розовые губки:

— А я так не думаю.

Я не смотрю на нее, хотя она рассчитывает именно на это. Надо бы встать и для приличия сделать что-нибудь неприличное, но я опоздал. Она сама садится напротив, поглаживая ступнями мои ноги, ее колени раздвинуты, она страстно дышит. «Не реагируй», — отдает приказ мой внутренний голос. Она начинает оглаживать изнутри свои раздвинутые ляжки, коленка мягко приподнимается, потом пальцы добираются до меня, ищут неопровержимую улику моего вожделения, но — ничего обнадеживающего. Опустив глаза, я наблюдаю за ее манипуляциями.

— У меня с Робби давно ничего, поэтому я имею право иногда… пошалить, раз он сам на это меня толкает. Это даже романтично, правда? Обожаю

мотели, тут все совсем другое, новое, словно попадаешь в постель незнакомого мужчины, очень похожее чувство. Только войдешь, и что-нибудь обязательно случится.

Утро. Девятнадцатый день двенадцатого месяца, шесть часов. Мы покидаем мотель с его оштукатуренными кельями и миниатюрными джунглями в кадках и выезжаем на шоссе, Парраматта,[12] Блэксленд, что ли, уже не помню, промелькнули когда-то где-то, и нет их. Катумба, я в полудреме смотрю по сторонам, тянутся города, стелется под колеса гудроновое полотно, выныривают сбоку огромные фургоны и мощные деревья, и снова города, и снова фургоны, и снова деревья — и ничего больше — на многие, многие мили.

— А что это за деревья?

— Фикусы. Которые крупнолистные.

Чудесная темная кора, мощные ветви и большие прохладные листья, собранные в плотную вилочку. Ба-а, прелестное видение, может, из-за жары и одурманивающей болтовни Робби у меня начались галлюцинации? Мне показалось, что у дороги растет марихуана. Когда я сказал об этом,

---

[12] Примечания: 12

Парраматта — город в Новом Южном Уэльсе.

Фабио тут же открыл глаза:

— Не растет, ее тут рядом выращивали, она живучая, прям как сорняки. Я видел этих чуваков в суде, они с Запада, папаша и сын устроили себе из нее живую изгородь, ну а соседи подняли хай. Показывали как-то по телику в новостях. Сначала полиция ничего просечь не могла, до пятнадцати футов успело дорасти, ну а потом какой-то гад все снял на камеру; обшныряли домик со всех сторон, полиция пришла и все спалила. Вот что некоторые недоумки себе устраивают.

— Вот бы тебе тогда поселиться у этих недоумков, когда их изгородь была еще целенькой, а? Ха-ха-ха!

Робби дымит сигаретой прямо мне в физиономию. Ивонна какой-то пахучей пакостью прыскает себе на ноги, говорит, что это освежитель воздуха. Раздается детское хныканье — это Тодди, сынуля Ивонны и Робби. Они прихватили его по дороге, забрали у мамаши Ивонны.

— Сколько ему?

— Четыре с половиной. И до сих пор в памперсах.

— Ничего подобного. Это только в дороге, когда на машине едем.

— Да брось, ему нравится в них какать.

— Заткнись, вечно ты что-то придумываешь.

Сынуля сосредоточенно терзал пакет с апельсиновым соком. Все сиденье было залито. Не-е-ет, пусть Стен срочно вызывает мою лапоньку, мою Кэрол, надо его озадачить. Должен же кто-то мне помочь.

3

Глаза мои не сразу привыкают к назойливой розовости покрывала, когда я просыпаюсь в этой заброшенной пустоватой комнате. В комнате, где Пусс мечтала о ребенке, мечтала и надеялась, но ей пришлось довольствоваться моими визитами на эту так называемую ферму. Пусс была моей путеводительницей. Мы с ней обожали всякие проспекты и цветные книжки, в которые нужно было вклеивать конвертики с нужными расписаниями, где все пестрело цветными штришками: мы помечали особые поезда. Мои книжечки бывали разукрашены еще и пятнами клея, от усердного перелистывания и складывания по пунктиру. Так я научилась правильно узнавать время — благодаря воображаемым поездкам на ферму, автобусом или поездом.

В Индии я почти всегда просыпалась вместе со всеми, ни раньше, ни позже. Кстати, индианки не понимают упорного желания нас, западных, уединиться, интересно, когда им самим удается себя ублажить, если приспичит? Спросить я так и не решилась. У нас здесь в Австралии все по

графику, рационально: «Что ты сейчас делаешь, над чем работаешь, а планы на завтра?» Ни тебе звона колокольчиков, никто не поет и не танцует, все какое-то пресное, все не в радость. Нет простора для души, только бесконечный круговорот нудных дел, которые делаются через силу. А ведь все так просто — только открой чакру сердца… Чтоб их всех… Пора вставать! И поучить маму и Пусс основам медитации. Мы выйдем на улицу, да, лучше всего это делать на лоне природы. Солнце здорово помогает абстрагироваться и сосредоточиться на дыхании… найти верный ритм дыхания действительно трудно, главное — научить их различать этот звук, шорох волны, накатывающей на гальку… только бы суметь все как следует объяснить, чтобы поняли, вошли во вкус!

Девятнадцатое декабря. В то утро мне было так хорошо, просто супер. Ничего не подозревая, я снова задремала, погрузилась в медитацию, сон тоже очень похож на то состояние… Разбудили меня мама и Пусс — ворвались в комнату, сияя улыбками. Как это было клево — видеть их такими веселыми. Я выскочила из кровати и обеих расцеловала, потом поставила кассету с

индийскими «рага»[13] и начала танцевать под флейту и их тоже завертела-закружила. Слышу, мама говорит: «Смотри, смотри, она такая же, как прежде», и тоже старательно кружится, подражая этой моей мистической пляске дервиша,[14] потом падает еле дыша на диван перед телевизором, рядом с Пусс, размахивая в такт пузырьком с таблетками вентолина.

Продолжая подпрыгивать и вертеться, я говорю:

— Пойду навещу папулю.

— Рут, детка, папу пока не стоит беспокоить.

— Да-да, он еще спит, не ходи к нему.

А глаза и у той, и у той какие-то испуганные.

— Черт, ему стало хуже, да? — Я выскакиваю за дверь и несусь по коридору, они — уже в полной панике — за мной.

— Он действительно неважно… не очень хорошо себя чувствует.

Я прошу их прекратить, я же не собираюсь будить его. Тогда они разворачиваются и идут на кухню, а я дальше, и вот уже тихонечко откры-

---

[13] Примечания: 13

«Рага» — традиционные индийские мелодии с особым ритмом.

[14] Примечания: 14

Дервиши — нищенствующие монахи; совершали иногда особый религиозный обряд в виде танца.

ваю дверь папиной спальни. Но постель пуста! Я слышу голоса за окном и зову:

— Папа!

Он не отвечает, он, прямо в пижаме, стоит на лужайке и, лихо замахнувшись, бьет клюшкой для гольфа по мячу. Мяч пролетает совсем близко от окна, я даже отскакиваю, и потом — голос Билл-Билла:

— Попал.

Тут отец замечает меня и застывает — лицо сразу белое-белое, он чуть не падает от внезапного испуга. Я смотрю то на дядю, то на него.

— Значит, ты не умираешь, папочка?

Он очень внимательно разглядывает клюшку:

— Нет. И ты что же, не рада?

— Рада, конечно, но… почему вы меня обманули?! Почему, объясни!

В ответ — молчок.

Отец с угрюмым видом снова размахивается и лупит по мячу.

Вот гадство! Ч-черт, подлые сволочи, я в полном шоке, топчусь зачем-то у кровати. Все тело наливается свинцовой тяжестью. Закрываю глаза: нет, мне все это только кажется, на самом деле ничего этого не происходит… Ноги, в них будто впиваются изнутри сотни иголочек, перед гла-

зами мельтешат цветные пятна. Но тут до ушей моих доносится слабый шум, откуда-то издалека, и я открываю глаза. Это что еще такое?

Наконец до меня доходит: по дороге катят в клубах пыли две машины, и катят они сюда, к нам. Одну я узнаю сразу, это Тима, пытаюсь зачем-то рассмотреть вторую, а сама просто бешусь от злости, жутко бешусь. И ради чего я приперлась в эту дыру?

Мой взгляд натыкается на Билл-Билла: он пробует жонглировать мячиками, но все время их роняет.

Плюх-плюх. Тупо смотрю, как они падают, и начинаю дико хохотать. Плюх. Дядя оборачивается — с таким видом, будто это я накликала на него все беды в этой жизни.

— Рути, мы все тут за тебя испереживались.

— Интересно, почему?

Он шмыгает курносым своим носом.

— Есть тут у нас один человек… тебе было бы очень полезно с ним побеседовать.

— Да ну? И кто же это?

— Короче, хотим удостовериться, что тебя не занесло куда-нибудь… не в ту колею.

Я стискиваю зубы:

— Не в ту колею?

О г-господи! Мне бы промолчать, пусть бы и дальше нес всякую муру, но я сорвалась:

— Значит, тебе точно известно, какая колея — та? Вот обрадовал, дядюшка, да пошли вы все на фиг!

Они с отцом разом упрямо прищуриваются: не глаза, а поросячьи щелочки.

— Рут, с тобой только поговорят.

— Это нечестно, папа, кто так делает? Короче, я забираю твою «тойоту», доеду на ней, куда нужно, а потом продам.

Они ржут. Я тоже. Но мне, если честно, не до смеха: такое чувство, что это — совершенно чужие люди и они презирают меня, как какую-то убогую дурочку. От страха к глазам подступают слезы, я твержу отцу, что должна уехать, должна. Все мое тело, каждая клеточка вопит: беги отсюда!

Беги. Скорее. Но куда бежать и что делать? Что?! Я все еще стою как столб на месте, а рядом уже хлопают дверцы машины. Оттуда вылезают Ивонна, Тодди, Фабио, какой-то дядька, а последним выползает Робби. Они пересекают лужайку, у всех улыбки — до ушей. А до дома — всего несколько метров, ключи от «тойоты» должны быть где-то возле отцовского одра (ха-ха-ха!), скорее всего, на

самой кровати. Проверяю взглядом окно: все еще открыто. «Действуй», — вспоминаю я.

Я бегу. Папа кидается вслед за мной. Вот уже одна моя коленка на подоконнике, я пытаюсь подтянуться. Но чувствую, как отец вцепляется мне в спину… Я резко отталкиваю его, тогда он хватает меня за ногу и за край сари, я падаю на него, потом оба мы падаем на землю, суча руками и ногами, как какие-то букашки.

— Снимай, к черту, это тряпье, эту поганую простыню, девочка! — орет он.

Мы, яростно сцепившись, катаемся по земле.

— Как ты смеешь! — воплю я. Он рычит в ответ.

Ч-черт, мы точно два барана! Я уже почти выдохлась, сейчас он положит меня на лопатки. Но ничего подобного, вместо этого он пытается развернуть мое сари.

— Ч-черт! Да прекрати же наконец! Отпусти меня, папа!

Ну как же, отпустит он! Он… он сам начинает в него заворачиваться! Нет, я не могу допустить подобного унижения!

— Ты останешься здесь, на ферме, и все-е-е выслушаешь.

Я рычу и снова падаю на землю. Билл-Билл по-

хлопывает моего развоевавшегося папулю (тоже мне Рэмбо!) по плечу:

— Тпру, Гилли, тпру, ты не очень-то гони, давай лучше подождем мистера Уотерса.

Билл-Билл зажигает сигарету, папа тут же ее у него выхватывает.

— Да, давай подождем, девочка, он объяснит тебе, что к чему. Он не хуже тебя во всех этих тонкостях разбирается. Он тоже умный. Вы с ним найдете общий язык.

Я снова тяну к себе сари, Билл-Билл осторожно придерживает ткань, заставляя отца медленно-медленно поворачиваться. Я так напсиховалась, что не в состоянии с ними препираться, мне бы только спасти мое сари.

Подходят остальные, окружают.

— Мы любим тебя, Рути. Поэтому мы все здесь собрались, только ради тебя.

Я не смотрю на них, я обертываю вокруг себя сари, бережно поправляю каждую складочку, воркую над ними, чуть ли не урчу — короче, тихо радуюсь.

— Мы так любим тебя, Рут.

О г-господи! Как же они достали меня этой своей любовью! Внезапно мой желудок сводит судорогой, меня снова мутит, а живот твердый,

как крикетный шар, как бейсбольный мяч, нет, точнее, как яйцо эму.

4

Да, и эта ее манера — так сосредоточенно, никого вокруг не замечая, прилаживать на себе сари, виток к витку, ровно-ровно, и эта манера страшно меня растрогала. Далеко не каждый смог бы не растеряться в такой ситуации, когда на тебя все глазеют как на чучело. Чтобы мгновенно выбрать нужный стиль поведения, требуется ум. Или чутье. Неизвестно, что больше. Пока я пытался определить, что же больше требуется, Рут подняла голову. И вроде бы не было никакой угрозы. Ни в ее взгляде, ни (само собой) в моем. Но что-то все-таки заставило меня опустить глаза, снова перевести их на ее любовно расправляющие тонкий хлопок пальчики.

…Это была первая ее победа. Мы все обступили ее кругом, готовые накинуться. А она как персик на ветке, который отнюдь не жаждет попасть в чьи-то назойливые руки. Да, такой она передо мной предстала, вся розово-золотистая, не желающая ничьей опеки. Я сразу почувствовал, что она уже привыкла сражаться, что она с малых лет сражается за свою независимость, и заранее

начал искать слабину в обороне.

Возможно, Джон Донн был прав, уверяя, что «нет человека, который был бы как остров, сам по себе», великому поэту, конечно, виднее, но Рут была как остров среди нас, как одинокий остров среди моря. Так тяжко ей было противостоять заботливым наскокам родичей, которых не интересовало, нужна ли ей их заботливость. Нужна не нужна, они все равно будут ее *спасать*, они вырвут своего цыпленочка из Индии, если почуют, что над их крошкой нависла беда.

Она шла петляющими шажками ко мне, с обеих сторон по стражнику — Робби и Фабио. Она остановилась — те тоже. Ее глаза нашли мои.

— Я хочу поговорить с мамой и с Тимом.

— Конечно, — сказал я, — конечно, — и на этот раз не отвел взгляда: ждал, что она сделает это первой. Просто смотрел, и это было как передышка перед боем.

Волосы у нее были короткие, не так чтобы совсем, но не касались плеч, отдельные пряди, то есть не отдельные… черт, трудно найти правильное слово, просто неровные, что ли… Но это почему-то действительно было очень важно. Сразу подумалось, при том первом взгляде, когда я отвел глаза, что она очень ранима, и ей не удалось

это скрыть. А пряди были асимметричные, вот, нашел… Да, я понял, что я один. И она — тоже, и это очень ее пугает. Если я правильно все понял.

Признаюсь: когда они с матерью и братом уединились в спальне, я встал у самой двери; я хорошо расслышал, как Рут назвала меня тагом. Спрашивается, за что? При первой же встрече… Мы и нескольких слов друг другу не сказали, а я уже и дьявольское отродье, и убийца, я самый настоящий губитель истинной веры. Помешан на деньгах, ради них готов на все. Конечно, чушь полная: не в деньгах дело и не в драгоценной ее вере, просто девочке необходимо было сорвать на ком-то злость. А на ком же еще, как не на мне!

11.15. Прохаживаюсь по коридору и репетирую свою речь: «Стен, это подарок судьбы, открытая натура — считай, что полдела сделано. Представь, мы сразу нашли контакт… Все идет как по маслу. Контакт не идеальный, но разве бывает идеальный? Ты человек опытный, сам понимаешь, что тянуть нельзя. В данной ситуации любое промедление опасно».

Я хочу заниматься ею сам, без *помощников* — вот что на самом деле я должен был бы сказать.

11.30. Звоню ему:

— Да, представь… сразу нашли контакт, хм-хм…

я сам не ожидал.

— Ну, ты даешь, старик, так держать! Угадай, что я сделал? Заказал билет для Кэрол!

— Уже кое-что, но, боюсь, для нас это не выход.

— Но что тебя не устраивает?

— Она доберется сюда минимум через два дня. У меня нет времени.

— А ты пока не начинай, дождись Кэрол.

— Я-то дождусь, но девочку мы потеряем. Хороши же мы будем, специалисты называется. И потом, я уже настроился — и она тоже. Пойми: дело не только во мне. Мы обязаны учитывать здешнюю обстановку, сплошные стрессы… Добиться контакта — и упустить его, нет… Мне нужен помощник прямо СЕЙЧАС… Вот так. Я не спрашиваю тебя про раввина, чувствую, это вообще пустой номер…

— Нет так нет.

Слышу по голосу, по этим скрипучим ноткам, что обиделся.

— Так-так-так… и что же нам теперь делать, Стен, как ты думаешь? Упустить ее? А тут требу-

ется только сделать те самые три шажочка.[15] Можно управиться и за сутки.

Телефонная трубка молчит, очень долго и очень выразительно.

— Что ж, тебе виднее, Джон, ты же у нас специалист.

Рут в туалете, но никаких звуков спускаемой или льющейся из крана воды.

12.45. Считай, прошло полдня из намеченных трех, и пока — ни малейших сдвигов. Да, уже почти час, а она засела в ванной. Меня охватывает легкая паника, хотя я уверен, что ничего такого из ряда вон не должно случиться, суицидов у меня ни разу не было, но мало ли… возьмет да полоснет по венам, назло врагам. На всякий случай прикидываю, что же делать. Вышибать дверь, что же еще. Придумав это, сразу успокаиваюсь.

В коридоре — Билл-Билл, прижимает палец к губам, чтобы я не выдал. Это из-за сигареты, поскольку курить ему запрещено. Он задирает рубашку и показывает мне тусклое розовое пятно

---

[15] Примечания: 15

Намек на древний космогонический миф («Ригведа») о трех шагах Вишну. Чтобы перехитрить царя демонов-асуров Бали, правившего и небом, и землей, и подземным царством, Вишну превратился в карлика и попросил дать ему столько земли, сколько он отмерит тремя шагами. Получив согласие, принял прежний вид и в два шага обошел и небо, и землю, оставив царю лишь подземное царство.

на груди: докурился. Я тут же воспользовался его доверительностью и стал выяснять, нет ли у них тут какого-нибудь более спокойного местечка. Оказывается, есть домишко, на полпути к пастбищам.

— Но не скажу, что шибко роскошный, хаф-хаф.

Это он так дивно смеется, будто лает.

— Я и Рут, мы могли бы им воспользоваться?

— Да сколько угодно.

— А как насчет продуктов и прочего?

— Ивонна все уладит.

— Ивонна? — скептически переспрашиваю я.

— Да-да! Она хоть и вертихвостка, но кое-что умеет.

Я вежливо, но без особого энтузиазма говорю:

— Хорошие организаторские способности — это редкость.

— Хаф-хаф! — Мое замечание явно его развеселило, он шлепает меня по спине и, продолжая хафкать, ведет на кухню. Я стою и смотрю, как он колет лед. Входит Мириам, напудренная, с аккуратно накрашенными губами и глазами.

— Где Рут?

— Заперлась в ванной. Мы с ней собираемся поехать в этот ваш домик.

— Ах… — Мириам хватается за горло. — Ах, ничем уже нельзя помочь, надо все это прекращать. Хватит, у меня больше нет сил, я уже смирилась с тем, что моя дочь — больше не моя. Налей-ка мне виски, Билл. Ха-ха, она кого угодно доведет до белого каления.

Холодильник настежь, из его недр извлекают цыпленка и бутылку содовой. Мириам сама нацеживает себе через пробку-дозатор двойную дозу виски.

— Да, на нервы она действовать умеет, как никто другой, и ведь не подступишься — сразу уходит от разговора. Типичный Бык, роковой знак, да еще и Скорпион — полное безумие… Я, конечно, выбрала не самый подходящий день, чтобы произвести ее на свет. И самое обидное, она довольно часто оказывается права.

Мириам с жадностью глотает виски и пытливо смотрит мне в глаза:

— А у вас какой знак, мистер Уотерс?

На черта ей это нужно? В гробу я видал все эти зодиаки и гороскопы, они меня дико раздражают! Мне гораздо интереснее услышать, в чем же это Рут всегда оказывается права. А мамуля ее все смотрит, ждет, что я скажу…

— Я Рак.

— Среди моих знакомых почти нет Раков.

— Ну вот, теперь будет еще один. Я воспользуюсь ванной комнатой, с вашего позволения?

— Хелен Келлер[16] тоже Рак. — Мириам слегка шмыгает носом, еще красным от недавних слез.

— Да что вы говорите?

Старательно изображаю живой интерес, только бы не рассмеяться. Рут наконец вылезла из ванной. Захожу. Стоя у раковины, слышу из кухни обиженный голос Робби:

— Он должен был спросить у меня. Кто тут отвечает за ее безопасность? Я! А там кто нам ответит, если что не так? А?

Мириам:

— Не знаю, Робби, он об этом не говорил.

Пусс:

— А зачем говорить-то? Там же ничего вокруг нет, один наш домик.

Снова Робби:

— О том и речь. Потому Стен и просил нас с Фабио быть на стреме, тут ведь глушь, потом ищи ее.

---

[16] Примечания: 16

Келлер Хелен — американская писательница (1880–1968). В полтора года потеряла зрение и слух, но, воспользовавшись определенной методикой, со временем научилась говорить. Автор популярной книги «История моей жизни».

Пусс:
— Ну и куда, по-твоему, она может сбежать?
Робби:
— Куда угодно.
Мириам:
— Но куда именно?
Робби:
— Например, двинет куда-нибудь позагорать.
Мириам:
— Сейчас же поставь мой стакан на место!

Я снова и снова перебираю бритвы, лежащие в туалетном шкафчике. Они не дают мне покоя, я смотрю, съемные ли у них лезвия, самые-то современные — одноразовые. А тут старая модель, пытаюсь вынуть лезвие, но оно слегка заржавело, не поддается. Вот и славно, значит. Рут не сможет им воспользоваться, если ей вдруг взбредет в голову… Одной головной болью меньше. А шкафчик-то позорный, набит всякой дребеденью: просроченными лекарствами, пустыми тюбиками из-под шампуня; парацетамола нет (тьфу-тьфу: отличное подспорье для самоубийц, разжижает кровь); ага, какой-то лосьон. Я немного выдавливаю и размазываю его по щекам и по лбу, кожа успела уже сильно обветриться.

Три часа, одуреваю от жары, а Рут, наоборот,

уже оклемалась, словно подзарядилась. Сидит скрестив ноги — на коленях розовая мохнатая подушка, умытое личико свежо и безмятежно.

— Похищение людей преследуется законом. Вы держите меня тут против моей воли.

— Рут, нам нужно уехать.

Даже не пошевелилась, только устало вздохнула.

— А какова твоя воля, Рут, и что она собой представляет, твоя воля?

Опять ни слова, только резко втянула носом воздух.

— Ты ее контролируешь, свою волю? А могла бы ты во что-то поверить?

Ее ладони поглаживают подушку.

— То есть вы хотите сказать, что моя вера — это так себе, придурь? Что Баба — это чушь?

Она нещадно теребит подушку, пальцы зарываются в розовый ворс.

— Мне просто интересно, как действует твоя воля.

— А мне плевать *как*, главное, что действует. Я слушаю, что мне говорят, и выбираю из кучи предложений то, что меня устраивает.

— Значит, ты умеешь контролировать свои мысли.

Тук-тук-тук. Дверь отворяется, это Фабио.

— Ну? — говорю я.

— Я пришел.

— И что?

Он кивает в сторону холла:

— Я подвезу вас.

Этот мальчик уже собрался отбыть, дверь красноречиво распахнута. Я надеваю солнечные очки. Рут поднимается и говорит, что ей тоже нужно.

— Прости, что нужно?

— Очки. Тут все в очках ходят, я тоже хочу.

У Фабио очки с зеркальными стеклами, она подходит поближе и смотрится в них.

— Одолжи мне эти, а, Фабио? Я потом тебе верну… или ты сам можешь за ними заехать. Ладно?

Этого я допустить никак не мог, поэтому отдал ей свои. Фабио, так сказать, расчищал тропу, резко притормаживая у каждой попадающейся под ноги игрушки, журнала или башмака, поэтому я постоянно натыкался на его задницу, а Рут, естественно, на мою. Зрелище довольно курьезное. Один раз я едва не кувыркнулся через него, кто ж знал, что ему взбредет поднимать чей-то брошенный носок. Буме! Вся семейка, хихикая, наблюдала за нами из кухни. Когда Рут поравнялась с ними, дружно звякнули стаканы,

наполненные виски.

— Здорово ты его, умеешь, дорогая.

— Эй, так держать, Рути.

Рут останавливается, очки сползают у нее с переносицы.

— Отвалите от меня вы все, чокнутые, у вас одно на уме: с кем бы перепихнуться.

— Посмотрите лучше на себя, мадам, — говорит Гилберт (долговязый, очечки в золотой оправе, губы нервно поджаты), — на себя и на свою мамашу.

У Рут дрожат губы, пройти мимо кухонной двери без препирательств не удается.

— На себя? Да как у тебя язык повернулся! Ч-черт! А как та секс-бомбочка твоего секретаря? И как она, довольна жизнью? Или тоже в ашрам подалась? Ты обманщик!

Она говорит очень громко, а у Гилберта голос вдруг делается хриплым, срывается на фальцет:

— Ну хватит уже… Не слушайте ее, эту балаболку…

Мириам кладет руку ему на плечо:

— Не связывайся с ней, Гилли.

— Что еще за секс-бомбочка? — шепотом спрашивает Пусс.

— Ха! Он сам знает! — Рут цокает языком.

Гилберт наливает себе еще виски.

— У доченьки разыгралось воображение.

— Разыгралось воображение? У меня? А давайте ей позвоним.

Я легонько подталкиваю Рут вперед.

— Ханжа, притворщик! Меня воротит от всего этого! Что они знают о жизни, о смысле жизни! Да и откуда им знать, если им все это по фигу. Роботы.

Я снова ее подталкиваю, мы уже почти у выхода. И вдруг чувствую, как все ее мышцы напрягаются, она резко оборачивается.

— Убери-ка лапы, Санта-Клаус!

Я выпускаю ее талию и смиренно прошу прощения. Она нехотя бормочет «ладно», ей просто лень со мной скандалить. И все никак не успокоится:

— Жалкие трусы, как я их ненавижу… джингл белз, джингл белз, колокольцев звон! Эй, маленький славный домик в прерии, это было бы здорово! И маленький славный автомобильчик, гей! Веселого Рождества!

Под эту ее удалую песню бредем в пространстве между бельевой веревкой и загонами для эму, от которых я не могу оторваться, никогда раньше не видел этих тварей живьем. Крупнее, чем я представлял, и такие же уродливые, как обычные

страусы: те же крохотные головки и выпученные глаза.

Чуть пошатываясь, выходит Мириам, Ивонна сидит в джипе с Тоддом на руках, а он рвется наружу. Когда Ивонна машет нам, Тодд делает рывок и — вываливается из окошка: умница мамаша одной рукой не смогла его удержать. Мы все на какое-то время замираем, ошеломленные нелепостью этой чудовищной сцены. Плечи Рут подрагивают от истеричного смеха, это она со страху. Тодд заходится в плаче так, что у него перехватывает дыхание. Ивонна опускается на траву, поджав ножки, как гейша, она боится притронуться к своему сынуле (чтобы не натворить чего похуже). Мириам, та более смелая, она тормошит его, чтобы преодолеть эту rigor mortis.[17] Рут стаскивает (сколько грации!) с руки браслет и протягивает Тодду — утешительная игрушка.

И как мы добрели до «тойоты», сам не знаю: вокруг скакали ручные кенгуру, а тучные овечки так и норовили поддать нам лбом. Это вам, само собой, не Нью-Йорк. Мне до безумия хотелось уехать! Заняться наконец делом — наняли, так пусть дадут сделать то, что я могу. А раз могу,

---

[17] Примечания: 17
Мертвенная окоченелость *(лат.).*

то сделаю… Эти самоувещеванья совсем меня доконали, в висках стучало от безнадежного отчаяния. Как там? *Измени то, что можешь, что не можешь изменить — прими со смирением, и пусть даруется тебе мудрость понять, что ты можешь, а что — нет.*

Минут десять я смотрел на Рут, прикидывая, какие меня тут ждут сюрпризы. Работа с клиентом один на один имеет свою специфику, пытаюсь вспомнить какую. Главное — она более напряженная, поскольку нечем разбавить общение друг с другом. Никакой помощи, никакой «обратной связи», никакой передышки, постоянный самоконтроль. С «обратной связью» тут точно будет сложно, я был бы рад и минимальной поддержке, впрочем, в любом случае за все в ответе я. Но тут ситуация вообще запредельная. Ладно, раз специфика такова, что остается мне? Только постараться ее использовать, заставить работать на решение задачи.

К домику мы ехали примерно полчаса — по дорогам, красным от пыли. Эму, кенгуру, стада, — от всего этого веяло какой-то безысходностью. Так называемая пересеченная местность, сплошь заброшенные пастбища, где больше песка, чем

травы. Пересохшие реки, по берегам их — хилые эвкалипты с белыми сучками, на многих — ни единого листочка, деревья-призраки.

Домик притулился на берегу одной из таких мертвых речушек, он незатейливый, но опрятный, клопов вроде бы можно не опасаться. До фермы отсюда миль десять. Прибыли мы в 17.08. Рут притихла, кажется, успокоилась.

5

Неохота даже злиться, ничего неохота. Сижу в знакомом домике, пытаюсь по кусочкам разобрать весь день и сообразить, в чем же, черт возьми, я там, в Индии, провинилась, за что они меня так мучают. Понимаю, если бы я с пистолетом ворвалась в «Макдональдс». Посетители в панике, тебя хватают за шиворот, тащат в участок, все как положено. Но они ведь не просто схватили, они хотят, чтобы я тоже ела этот их «Бог-мак».[18] Может быть, у нас существует особая инквизиция? Может, это великое прегрешение, государственная измена — выбрать иную, давно «немодную» веру? И этого достаточно, чтобы взять тебя под арест. У меня же никакой корысти, почему?

И тем более обидно, что я объяснила маме еще в Дели: да, я нашла свой путь. Я хочу достичь Про-

---

[18] Примечания: 18

Обыгрывается название сэндвича с двойным гамбургером: «Биг-мак».

светления.[19] Еще в аэропорту я спросила у нее, как она отнесется к моему решению, к тому, что я выбрала эту стезю? Даже попыталась описать ей свои ощущения, когда первый раз общалась с Баба. Как я боялась, что ничего не почувствую, не смогу, или сделаю что-то не то. Что со мной произойдет что-нибудь нелепое и унизительное: начну биться в конвульсиях или вообще разобьюсь на крохотные хрустальные[20] шарики. Я сидела напротив него, и мы смотрели и смотрели друг на друга, и у него в одном глазу вдруг появилось голубое пятнышко.[21] Я начала нервно смеяться. Губы не слушаются. Лицо одеревенело от напряжения и волнения: мне так хотелось знать, *что* же он такое увидел. Потому что смотрел он и на меня, и словно бы *за* меня. Как будто

---

[19] Примечания: 19

Согласно буддизму, всякий, кто хочет достичь совершенства, должен пройти через мирские страдания и предписанные ему свыше воплощения (сансару). Это и есть путь к Просветлению, вершина которого — нирвана, то есть полное освобождение, состояние покоя и блаженства.

[20] Примечания: 20

В классической йоге в качестве одного из упражнений медитирующему предлагают представить, что сердце у него — хрустальная емкость с лотосом.

[21] Примечания: 21

В момент медитации адепт должен увидеть либо представить ряд светящихся точек (на уровне разных «чакр»), после, сведя их мысленно воедино, он как бы «воссоздаст Бога в самом себе».

видел все сразу — и всю мою прежнюю жизнь, и меня теперешнюю. Я постепенно расслабилась, потом попыталась объяснить, как я хочу, чтобы он меня — *принял.* Он рассмеялся. Я знала, что он и сам это знает, и захотела встать. Отталкиваюсь руками от земли, но не могу даже сдвинуться, а он только кивает головой, «ха-ха-ха». Я снова попыталась встать, все мое нутро взывало: «А ну ты, дурья твоя башка, что расселась, вставай!» ВСТАВАЙ! А он, сцепив пальцы, крутит пальцами большими: «ну хорошо-хорошо» и что-то вроде «привет, привет». Тут я совсем ослабела и уже даже не пытаюсь себя уговаривать. Он кладет ладонь на мою руку. Я замираю и смотрю на свою руку, а она как будто уже вовсе и не моя. От этого прикосновения мне так покойно, так хорошо, до чего же я глупая… моя рука, его рука, вдруг все стало не важно, кроме этого мгновения, и я… я понимаю, что в моей жизни не было ничего похожего. Ни единого такого мига. Ничего похожего на это состояние. Нет, нет, меня не глючило, скорее наоборот. Галлюцинацией было все, что было *до.* А теперь мир словно стал самим собой и, распахнувшись передо мной, переполнил мое сердце — до краев.

Пар над дорогой. Выхлопные газы смешива-

ются с клубами резкой вони. Индийское солнце шпарит все на своем пути, а то, что оно пропустило, доваривает пар. Будь то звериный помет, гниющие остатки пищи, смачные плевки. Грязь вдоль всей улицы и вокруг ресторанчика «Чатавали», куда сбредаются все приехавшие с Запада, поскольку именно сюда их направляет «Одинокая планета», этот справочник — настоящая библия среди прочих индийских экскурсионных справочников.

Мама рассказывает мне про папу, как сильно у него прихватило сердце, вскрывает упаковку с влажной салфеткой и протирает свою трубочку для кока-колы. А я все никак не могу врубиться: если папа так сильно болен, что она делает здесь, в Индии?

— Гм… видишь ли, он хотел, чтобы я с тобой пообщалась, посмотрела, как ты тут.

— Ну и как я, по-твоему?

— Ну-у… вид у тебя счастливый.

— Знаешь, я правда счастлива. Я жутко счастлива, мамочка.

Она протирает руки и хочет запихнуть скомканную салфетку в коричневый пластиковый мешочек (специально для мусора), но никак не может раздвинуть его края: пальцы у нее влаж-

ные, скользят. Наконец ей удается избавиться от салфетки, и она принимается потягивать через трубочку свою диетическую кока-колу.

— Папа надеялся, может, ты захочешь уехать со мной. — Она кладет ладонь мне на руку, ее пальцы дрожат.

— Мам, я не могу.

— Почему, доченька?

— Мой путь — здесь.

Я заказываю еще одну порцию чиа.[22] Мама все поглядывает на одно семейство с мальчишкой, оба точно из Европы, и, судя по одежде, их пасет «Оксфам».[23] Она англичанка, по виду уже почтенная тетенька, просто леди Сарра из Библии, он немец. Парочка, конечно, чумовая. Я знаю, мама ждет моих комментариев, но отмалчиваюсь, а что говорить-то? Мальчишка веселый и чистенький, лучше, что ли, когда детей в семь лет запихивают в закрытую школу? А до семи их мучают бонны да няньки.

---

[22] Примечания: 22

Блюдо из семян чиа. Злаковое растение, его используют для приготовления диетической и «здоровой» пищи, богатой витаминами и протеинами.

[23] Примечания: 23

«Оксфам» — Оксфордский комитет помощи голодающим (благотворительная организация с центром в г. Оксфорде, имеющая филиалы во всем мире).

В Дели освещение совсем особое, оно делает людей более красивыми. Я любуюсь мамой. Вроде бы вся в тревогах, но выглядит классно, такая свеженькая, нарядная. Вдруг остро ощущаю, как я ее люблю, и мне хочется ей об этом сказать. В тот момент я была уверена: если сумею хорошо ей все объяснить, поделюсь своими новыми знаниями, которые успела получить от Баба, она раскроется мне навстречу, как цветок. Она ведь так похожа на цветок, нежный и весь в росе, готовый расцвести в полную силу.

— Мама, я хочу достичь Просветления.[24]

Мама снова поворачивается ко мне.

— Ты слышала, что я сказала? И ты должна проделать этот путь вместе со мной.

— Гм-м. — Она с пристрастием изучает пластмассовую трубочку.

— Ну и что ты думаешь?

— О чем?

— О том, что я сказала, о Просветлении, о том, чтобы мы шли к нему вместе.

---

[24] Примечания: 24

В первом веке нашей эры буддизм разделился на два основных направления: Хинаяна и Махаяна. Сторонники Хинаяны считали, что просветления и нирваны можно достичь, лишь искупив аскезой дурную карму (в том числе и грехи предков), на что должно уйти несколько жизней. Героиня явно говорит о разновидности Махаяны, согласно которой достижим «короткий путь» к просветлению, еще при жизни.

— Я не знаю, как это делают.

Раздается легкое шуршание, она достает пудреницу, открывает и начинает водить по губам помадой. Да, Баба правильно нас предостерегал: нельзя поддаваться чужому настроению, надо уметь отгораживаться. Ресторан вдруг преобразился, а еще минуту назад мне здесь нравилось. Но, оказывается, тут у них тучи мух, и грязь на стенах, и пятна на скатерти.

— Где туалет? — свистящим шепотом спрашивает мама, и я веду ее к яме с двумя дощечками по бокам.

— Ты что, издеваешься?

В общем, побрели мы в свой отель, к нормальному унитазу.

В холле мама увидела доску с объявлениями о пропавших без вести, остановилась. Чуть кивая и беззвучно шевеля губами, стала читать про некую Микелу: «Ищем любимую нашу дочь, 22 года, рост 5 футов 4 дюйма (168 см), сухощавая, в последнем телефонном разговоре сказала, что едет на север, в Дехрадун,[25] но туда не доехала.

---

[25] Примечания: 25

Дехрадун — город на севере Индии, в долине Ганга.

Видели ее в последний раз в Мируте,[26] в январе 1997-го». Подошел администратор, стал рассказывать, как эту девушку разыскивала мать, всюду, но — безуспешно.

— Она ехала везде, ее брали с собой британские туристы, то туда, то сюда, — он для наглядности потыкал перед собой сложенной лодочкой ладонью, — но ее дитя нигде нету, ни здесь, ни там.

Мы теперь уже втроем всматривались в фото Микелы. У нее был крупноватый, с горбинкой, нос, как у актрисы Барбры Стрейзенд, глаза — карие, волосы длинные, вьющиеся, на прямой пробор, губы — полные. Ее легко можно было бы узнать, «такое лицо — одно на миллион», бормочет мама. Там были фото еще двух израильтянок и английского парня, как говорится, без особых примет, только колечка два — в носу и в ухе. Но таких лиц сколько угодно, попробуй этого парня найди. Я вежливо интересуюсь, куда бы все они могли подеваться. Мама тут же выдвигает свою версию: «А может, их убили?» Менеджер как-то сразу оживился и приосанился, чувствовалось, что он обожает всякие страшилки.

— Очень может, — говорит он, облизнув-

[26] Примечания: 26

Мирута — город, расположенный в штате Уттар-Прадеш, к северу от Дели.

шись, — но иногда эти люди снова тут. Я видел одного мальчика, он стоял тут, смотрел себя на стене и очень хохотался, как сумасшедший. Да-да, нам часто бывает вызывать машину с доктором. Когда много гостей, вечером, всякие плохие мальчики, их много, очень плохие.

Бедная мамочка, ее просто достали все эти оборванные нищие и постоянный смрад — везде, без бутылки с водой — никуда; рулоны туалетной бумаги, уйма дорожных пакетов, и со всех сторон — коровы. А раз коровы, то и коровьи лепешки, хотя их-то почти нет, под колесами велорикш и машин они тут же сплющиваются в плоские кругляши. Коров действительно многовато. Этих священных тварей сами индийцы называют «бездельницами». Справедливо. Молока не дают, бродят где попало, прямо среди машин, и жрут все подряд. Не скажу, что приятно видеть, как такая туша валяется со скрещенными ножками под бугенвиллией, усыпанной красными цветами. А еще эти бродяжки оккупировали травяные обочины вдоль дорог, они на каждой улице, в каждом парке, на любом островке зелени. Глядя на них, сразу чувствуешь: вот она, Индия, и пусть катятся к черту все условности. Индией правят коровы.

Еще один мамин пунктик: она навезла с собой кучу таблеток. Нет-нет, не «колес», конечно, а лекарств. От желудка, от «нервов», от всего. Масло из чайного дерева, вентолин, темазепам, имодиум и антибиотики, как же без них? Естественно, сразу же проблемы с желудком: пока мы добирались до Ришикеша, мама ничего в рот не брала, а в поезде это вообще была какая-то пытка, но она сама решила ехать поездом. Зато я мела все подряд, как прожорливая свинья.

Мама любит меня — правда, так, как ей удобно, особо не надрываясь. Но в ответ хочет получить на все сто, под завязку. Приголубит, погладит по головке, найдет очередной твой гороскоп, высмотрит что-то в хрустальном шарике. И за это ты должна быть паинькой, послушной девочкой, ничего не менять ни в себе, ни в своей жизни. В Индии ей понравились только две вещи: текстиль и газета «Хиндустан таймс», точнее говоря, разделы с брачными объявлениями и гороскопами (уж по этой части всем дадут фору).

«Милая, красивая, скромная браминка, 23 лет, 160 см, магистр экономики, отличная хозяйка, ищет спутника жизни. Предпочтительны квалифицированные специалисты со схожим характером. К письму не забудьте приложить свой

биокалендарный гороскоп. Сведения о прежних браках. П/я 12030». Вот такие тра-ля-ля, вот такая мура.

Дальше те же ля-ля, тра-ля-ля, ага: «Аптекарь из Пенджаба ищет девушку-фармацевта».

А есть еще прикольнее: «Требуется *действительно* разведенный, окончивший школу, каста значения не имеет, опыт обучения в монастыре, с зарплатой не меньше ста тысяч, бакалавр педагогики и экономики, владеющий британским английским, счет в банке, магистр в области коммерции, доктор наук (физик)». Вот это, я понимаю, запросы!

Ришикеш делится Гангом на две части: на Хелл[27] (где в основном трущобы из щебня) и на Кэндиленд.[28] Как только мы приехали, я сразу потащила ее в Кэндиленд, в наше кафе под железной крышей. Увидев у входа белолицего толстяка (одного из гуру), мамуля моя немного оттаяла. Я сказала ей, что сюда захаживали «Битлы»,[29] это

---

[27] Примечания: 27

Букв.: Ад *(англ.).*

[28] Примечания: 28

Букв.: Сладкая земля *(англ.).*

[29] Примечания: 29

Общеизвестно увлечение «Битлз» идеями кришнаитов, что способствовало росту популярности этого движения в Англии.

произвело на нее впечатление. Усадила ее в серединке, подальше от всех этих мартышек, и пошла за Рахи. Рахи, она постарше меня, приехала из Европы, флегма невероятная.

Мама сразу же стала рассказывать ей про папину болезнь. Рахи сочувственно вздыхала, пока мама излагала подробности. Интересно, почему она мне-то всего этого не рассказала? Оказывается, она пыталась, еще в Дели, но почувствовала полное равнодушие с моей стороны.

Мама скорбно опускает голову, Рахи ритмично гладит ее по плечам, будто делает массаж.

— Он очень болен, мы приехали на ферму к Пусс, и вдруг — сильный приступ, предынфарктное состояние, он и сейчас там, врачи запретили его перевозить.

— Что-что? — переспрашиваю я, хотя все прекрасно расслышала, и мама знает, что я все слышала.

Это у нас милая семейная привычка, «чтокать», заново прокручивать то, что и так уже ясно, сама не знаю, зачем мы это делаем. И что сейчас ей сказать, тоже не знаю. Я становлюсь жуткой тупицей, когда чувствую, что меня не желают понимать.

— О господи! Он может умереть?

Мама выразительно фыркает:

— Всякое может случиться, врачи не говорят ничего определенного. Рут, он хочет тебя увидеть, заказал тебе билет.

— Мамочка! — Я глажу ее руку. — Бедный папа… возможно, я смогу увидеться с ним в следующий раз.

Я-то имела в виду очередной поворот колеса кармы:[30] то есть в следующую свою жизнь, но мама, конечно, этого не поняла, начала себя накручивать.

— Но мы же заказали для тебя билет.

Ба-бах. И пошло-поехало. Я твержу, что у меня нет денег на билет. Она — что они сами его оплатят, я — что совсем этого не хочу. Великодушие тут было ни при чем, это просто молчаливая сделка: ты расплатишься с нам послушанием, хотя бы притворным, мы стерпим. Но я хотела быть честной, я хотела прекратить эту бес-с-с-конечную гонку по кругу, эту перепалку, с кучей недоговоренных слов, которые мы отлично пони-

---

[30] Примечания: 30

Карма (*др.-инд.:* деяние, поступок) — совокупность всех дурных и добрых дел, совершенных человеком, за которые он получает соответствующее воздаяние. Согласно индийской мистической философии, после смерти тела душа, связанная путами кармы, возвращается в тела вновь рожденных существ, т. е. совершает некий круговорот, называемый «Колесом рождения и смерти».

мали. Только что бы это дало? И потом, как быть с моим посвящением?

Рахи:

— Очень жаль, что так все совпало, правда, Назни?

Мама:

— Назни?

Рахи:

— Это новое имя Рут, новеньким всегда дают другое имя.

Мама:

— Рут, ты что, разучилась говорить?

Я:

— Я очень хочу, чтобы ты звала меня Назни, это теперь мое имя… — Мама демонстративно вздыхает. — Понимаешь, посвящение в саньясини[31] проводится всего раз в год, до него осталась всего неделя.

— В самом деле? Вижу, ты думаешь исключительно о себе. Делаешь то, что тебе нравится. Вот они, плоды нашего воспитания. Ну что ж, продолжай в том же духе, и если мы умрем, не

---

[31] Примечания: 31

Саньясини *(санскр.)* — религиозная подвижница, должна отречься от комфортной жизни, от мира предков и мира богов. После посвящения становится странницей и живет только на милостыню. Современные популярные секты не требуют от своих адептов подобных жертв и посвящают всех желающих.

стоит из-за такой ерунды менять свои планы.

— Все понятно. — По щеке моей катится слеза.

Я вымотана до предела, мама — тоже. У меня (если взять всю мою жизнь) было не так уж много заветных желаний и целей. Но разве я могу ей сейчас сказать, как я люблю Чидаатму-Баба? Гораздо больше собственных родителей и родственников, если честно. Я и Учитель абсолютно друг друга понимаем. И в сердце его, и в мыслях есть место и для меня, а я… я постараюсь ни в чем не быть ему обузой. Я вечная его должница, я вечно буду его любить и почитать. Это он открыл во мне такие способности, о которых я даже не догадывалась, это он один сумел разбудить их.

— Я не могу с тобой поехать, мама. Прости.

— Рут, а вдруг он действительно умрет?

— Надеюсь, все обойдется.

Мне больше нечего ей сказать, но я чувствую, что нужно бы, надо что-то такое сделать, но что? К ней подходит Рахи и отводит в сторонку, я слышу, как они о чем-то шепчутся. Интересно — о чем? Мама обнимает Рахи за плечи, обе снова идут ко мне. Мама согласилась нанести визит Баба, вот оно что.

— Не упускайте такую редкую возможность, Мириам, Баба решит все ваши проблемы, — го-

ворит Рахи.

Баба не позволяет приходить в ашрам тем, кто надушился или побрызгался дезодорантом. Когда мы возвращаемся в наш домик, Рахи и Прайя прополаскивают — шесть раз! — мамину блузку. Кошмар, я отвожу глаза.

— Рут, я этого не вынесу.

— Почему?

— Я буду чувствовать себя как какое-то животное.

— Ну что ты, сама увидишь, как это замечательно, и еда там очень здоровая, диетическая.

Мы, пошаркивая, приближаемся к двум очередям: мужчины и женщины идут отдельно друг от друга. Из ржавых жестяных усилителей, прикрепленных к наружной стене и упрятанных в сетку, доносятся песнопения.

— …Одни только деньги, деньги, деньги, — жалуется худенький высокий парнишка американке лет пятидесяти, с нечесаным, крашенным хной хвостиком. Та нудит ему что-то о «Селестинских пророчествах» Джеймса Редфилда, что они действительно сбываются: армейские служащие совсем распоясались, выращивают всякую гадость, дурман.

— Никакой гуманности, — вздыхает американка, она даже не решается пригласить к себе кузена, что вокруг творится! Ей нужно обсудить все это с Баба.

Почти к самой стене подъезжает такси, набитое почитателями из Европы, останавливается в сторонке. Не пропустили парочку японских хиппи, никто и внимания не обратил, но мама примечала все. И как только еще один из стоящих впереди не прошел теста «на запах», мама выскочила из очереди.

— Я не могу, я не позволю себя обнюхивать! — От волнения у нее на шее выступили красные пятна. — Я ухожу.

— Ну, пожалуйста, тебя никто не остановит, только держись поближе ко мне.

Мы протискиваемся в прихожую. Все вокруг поют, в глубине — плита с отпечатками стоп[32] Баба. К ним тоже очередь. Подошедшие бьют поклоны, благоговейно их целуют, оставляют жертвоприношения. Кто что. Оранжевые и желтые бархатцы, сладости, кусок яблочного пирога. Я протягиваю маме желтый цветок, но она брезгливо отшатывается. Другая моя рука — у нее на

---

[32] Примечания: 32

Отпечатки стоп — символ пути, который совершают боги и святые.

плече.

— Тебе не обязательно их целовать.

— Не смей меня трогать! — Она резко поводит плечом, хочет стряхнуть мою руку, но я крепко ее держу. На нас смотрят, и эти отрешенно-блаженные лица раздражают ее еще больше, она еще яростней дергает плечом. — Оставь меня!

— Как хочешь. Тогда побудь пока в нашем домике, отдохнешь на моей постели.

— На матрасе, на тюфячке.

— Ну да, на матрасе.

Сколько презрения в ее голосе… она требует, чтобы я проводила ее назад в отель.

— Мам, не могу. Я должна попасть внутрь.

— Рут, я прошу тебя…

О г-господи! Я снова пытаюсь схватить ее руку. Меня захлестывает злость и жгучая обида. Я знала, нутром чуяла, что она струсит. Я так сюда рвалась, и она знает, *как* я хочу сюда попасть, а вот она не хочет! Но еще сильнее она не хочет, чтобы исполнилось мое желание. Ч-черт!

— Так в чем проблема, а? Ты ведь знаешь, где мой дом, всего через улицу отсюда.

— Я не могу спать на полу.

На лбу у нее — бисеринки пота, мы молча смотрим друг на друга, с закипающей ненавистью.

Мама тяжело, надсадно дышит. Ни она, ни я не двигаемся с места. Наконец я говорю:

— Ладно, ты потом мне позвони.

Бредятина!

Что было после, я уже не видела. Как она расплакалась. Как ее изводила кучка прилипал рикш и уличных торгашей. Мама купила у одного из них бутылку воды, и напрасно, потому что потом начинается уже полное безумие, ни за что не отстанут. Она пошла, наверное, очень быстро, побежала по улице, стараясь отделаться от самого настырного рикши, потеряла туфлю, туфлю тут же подобрала свора мальчишек, они вырывали ее друг у друга и требовали вознаграждения. Мама еще больше разнервничалась, потому что у нее не было мелочи, только купюры по сто рупий. Она полезла в сумочку, чтобы достать свой аэрозоль от астмы, но мальчишки решили, что она достает деньги, и стали клянчить еще нахальнее, тут она вообще потеряла голову. Баллончик с аэрозолем никак не находился, она забыла его в своем долбаном отеле. Она копалась в сумочке, приманивая этим еще больше попрошаек. И все больше задыхалась, машинально приговаривая:

— Он в гостинице, он у меня в гостинице.

В толпе никто, естественно, не понимал, о чем

это она твердит, только все больше напирали и толкались и в конце концов сбили ее с ног. Она, встав на четвереньки, стала выбираться из этого людского месива, прижимая к груди сумочку. А завершилось все так: когда она была уже без сознания, ее подняли и прямо над головами пронесли к такси, на заднее сиденье. И даже деньги ее никто не посмел стащить.

Прощай, Индия. У мамы — тяжелейший астматический приступ. Она привезла с собой шприц, но не сумела объяснить, что ей нужен именно он и что он у нее в гостинице; и поэтому жутко паниковала, что ее заразят СПИДом, или гепатитом, всеми тремя формами: A, B и C. И со страху начала все подряд протирать детскими салфетками. И руки ее, и нож, и вилка, и стакан — все провоняло этим приторным освежителем. Так пахнет, когда вытирают обделавшегося младенца.

В посольстве категорически потребовали, чтобы я летела с ней. С помощью гидравлического лифта носилки подняли на борт «Боинга-747», где мы заняли целых пять мест: три для мамы, одно — мое, и еще одно — для ее кислородного баллона.

Сама судьба все ж таки вытурила меня из Индии домой. И после всего этого я имела, да, имела

полное право кое-что сказать моему папочке, типа: «А шел бы ты куда подальше, папуля, за то, что ты мне устроил, и это, я чувствую, только начало».

Я сижу в стареньком кожаном кресле, наблюдаю за Билл-Биллом, пшикающим на стены какой-то гадостью от клопов. Пи Джей в своей комнате, распаковывается. Оттуда то и дело доносится металлическое звяканье: это он вешает плечики в гардероб. Тут две спальни. В моей две парные кровати, в его — одна, но широченная. Надо бы встать и снять с них пластиковые чехлы, мне все же немного стыдно за безделье, надо-надо, но почему-то продолжаю сидеть. Билл-Биллу помогает Тим. Оба молчат, будто воды в рот набрали. Даже не смотрят в мою сторону. Наверное, я излучаю флюиды «трудного экземпляра», от которого фиг дождешься помощи. Я машинально покачиваю босой ногой. Этот тип, когда мы сюда ехали, попросил отдать ему туфли, я и отдала сдуру, не хотела дяденьке лишний раз грубить.

Почему я такая квашня, даже не рыпаюсь, а? Смирненько сижу, поддакиваю: «Да, хорошо, пусть будет так». Ведь обычно догадываешься — хоть чуть-чуть, — что тебя, в принципе, ждет. Я лично всегда все знаю заранее. Это у меня только

с Баба было по-другому, с ним все — как никогда раньше.

Окажись он сейчас здесь, как бы я всех их послала! Самым страшным было — вот так пойти и сказать ему, что я должна уехать. Я надела тогу «посвященных», хотя еще и не прошла обряда, но чувствовала, что имею на это право. Я вошла к нему, и пала ниц, и поцеловала его ступни, потом поднялась и сказала «до свидания». После развернулась и в запале так крепко ударила себя кулаком по макушке, что чуть не свалилась, Учителю пришлось меня поддержать.

— Хочешь чаю? — спрашивает наш суперденди мистер Уотерс.

— Благодарю вас, я бы выпила чашечку чая с молоком.

Все мои уже отчалили. Сижу потягиваю чай, разглядываю Пи Джея и резвлюсь (гадина я, конечно), передразнивая свою мамочку. Когда он улыбается, на лице его полно морщин, но только когда улыбается. Вижу, дяденька слегка вспотел. Не могу понять, кривые у него ноги или нет, это надо смотреть с тылу. Я потихонечку себя уговариваю: «не хами», «не психуй», «главное — спокойствие».

— Вам понравился Сидней?

— Да, очень много зелени, спасибо за экскурсию. Ты в Сиднее родилась?

— Нет. В Кроналле. Это за аэропортом, прибрежный городок. Там всегда полно детей с няньками и сопровождающими — самая летающая публика. А раньше вы бывали в Австралии?

— Нет, ни разу. Но я бы хотел, чтобы ты рассказала о себе, Рут.

— Угу, хмм, ну да… Ладно. Когда мне было восемь, мы сюда часто наезжали. Играли с Гэри, он на ферме работал. Огромный, просто великан, а по характеру был — молчун. Усадит нас в свой трейлер и катает… сам тянул за трос. Однажды при нас вспорол брюхо мертвой овцы, а там два ягненочка, они такие были беленькие в этом жутком сизом мешке, как снег. Я хотела их потрогать, только руку протянула, прямо к развороченному брюху, а Гэри ка-а-ак швырнет их в яму.

Пи Джей резко ставит свою чашку на стол, а у меня в памяти тут же всплыли два белых комочка и тот хлюпающий звук — когда они ударились о дно ямы.

— Наверное, с ним что-то было не так, он был совсем один, бедняга. В конце концов отравился, выпил химикат, которым мажут овец от клещей и блох. — Я поднимаю глаза. — А вы никогда не

пытались покончить с собой?

Мистер Уотерс очень пристально на меня смотрит, возникает противная пауза, а он все смотрит, не шевелясь, я жутко смущаюсь и начинаю ерзать.

— Нет.

Это все, что я в ответ услышала.

Очень серьезное, очень строгое «нет». Я пью свой чаек с молочком и думаю, как быть дальше, я больше — *так* — не могу. Он пытается запудрить мне мозги. То есть он гениальный сыщик, ему нужно вытрясти из безропотной дурочки все, что требуется, тон будет задавать он, а ей все равно сказать нечего, хоть она и смотрит на него с самодовольным презрением. Я зеваю.

— Так как вам Сидней?

Он обиженно отдувается: «пуф-ф».

— Ты уже спрашивала. Я же сказал, что не хочу говорить на эту тему.

— А я хочу.

— А я не хочу. Мне нужно целиком и полностью сосредоточиться на тебе.

Упершись руками в колени, он наклоняется ближе ко мне. Я изо всех сил стараюсь случайно на него не взглянуть. В комнате становится все темнее, уже почти ничего не видно. Меня тянет

уйти, и я сама прерываю молчание:

— Учтите, ничего у нас не получится, мы слишком разные. Не думаю, что смогу принять ваши взгляды.

Я поднимаюсь, но он не двигается с места.

— Ладно, — говорю, — пойду, что ли, лягу.

И тут же, не дожидаясь ответа, ухожу. Тактика, хорошо мной проверенная: действовать с ходу, не мямлить. Это жутко всех их напрягает, ведь как только ты делаешь первый шаг, ты уже не с ними. Одно движение — и ты снова ты.

Свобода! Теперь можно передохнуть. Дверь, естественно, закрываю. Ф-фу! Переворачиваю подушку, никто вроде бы по мне не ползает, никаких противных букашек. Ложусь на живот и расслабляюсь. Так, в полудреме, пусть и пройдут эти три дня, решаю я. Но скоро просто зверею от тоски, ну и скучища. Единственное развлечение — этот тип, нудила проклятый! Как же тут дерьмово! Все равно не выйду, все равно не стану с ним разговаривать. Нос у меня заложен, я лежу на спине, эти стены уже действуют мне на нервы, а окошко только одно — за моим изголовьем. Я таращусь на потолок, и в голове бродят вполне идиотские, ни о чем мысли — с потолка других не возьмешь.

6

5.40. Опять нашла коса на камень. Ну, ничего, как-нибудь переживем. Единственное, что меня действительно раздражает, это жара, все липнет, а я терпеть не могу, когда все липнет к телу. Предпочитаю прохладу. Все-таки возраст. Могли бы предупредить, что у них тут такое пекло.

Рут не так уж и хочется меня уделать, как она пытается изобразить, нет, хочется, конечно, кто спорит. Но я стараюсь играть осторожно, чтобы всегда чувствовать, кто кого. Кто кого на данный конкретный момент уделывает. Ну да, я мог бы отреагировать на химикат от блох и более живо. Мою сдержанность она могла расценить как черствость, и, в сущности, она права. Но ей ведь известно, что мы не за тем сюда приехали, чтобы обсуждать одиноких неудачников, лакающих всякие химикаты. Самое главное, вести себя не так, как ее бравые родственнички, найти другой тон. М-да, легко сказать, похоже, я и сам для нее — очередной клоун. Можно было бы и дальше использовать этот «имидж», но в шуты я не гожусь. Я могу, конечно, и поострить, «ехидный

весельчак», как называет меня Кэрол… все забываю ей позвонить. По мобильнику отсюда вряд ли дозвонишься, да и часовые пояса разные. Ну а главное, мне не до чего — пока Рут упивается мнимым своим триумфом. Вместо того чтобы войти в ситуацию, она пытается быть *над* ней, это особенность активных натур, но такие люди не переносят изоляции, замкнутого пространства, потому что оно их парализует. Какое уж тут погружение в проблему… Идиотская, парадоксальная ситуация. Я все больше понимаю: мы недостаточно далеки друг от друга, чтобы стать ближе.

Ладно, для начала включим единственный имеющийся тут вентилятор. М-да, на ферме мы даже уже беседовали, то есть я хоть примерно знал, что у нее на уме. Она уже слушала меня, и принесла же нелегкая этого Фабио. Тем не менее прежнюю тактику лучше пока отставить, а то еще решит, что я действую по соответствующей методике депрограммирования. Или все сведется к бессмысленным перебранкам относительно того, что законно и что незаконно касательно ее совершеннолетней особы. Надо угадать, какой ход самый верный. Не действовать — плохо, но действовать «в лоб» — ничего хорошего.

Минуты три блаженствую у вентилятора, остужаю свою потную физиономию. Потом, громко топая, направляюсь к ее двери, даю понять, что я иду. Стучусь, немного выжидаю и открываю дверь. Она вскакивает с кровати, подходит и захлопывает ее. Ба-бах! Великолепно. Я хватаю стул. Потом повторяю в той же последовательности: стучусь, выжидаю, открываю, она опять вскакивает, только вот захлопнуть дверь ей не удается: я быстренько ставлю в проеме стул. Сработало. Завязывается вполне светская беседа.

— Извините!

— А в чем, собственно, дело?

— Ваш стул мешает мне закрыть дверь, а я хочу лечь.

— Я знаю, но мне, прошу прощения, это несколько досадно. — Я усаживаюсь на стул верхом, кладу локти на спинку.

Я, разумеется, еще не все сказал, но она могла этого не понять, поэтому без всякой паузы продолжаю:

— Поговорим о Боге, вот это действительно интересная тема.

Ох, что тут началось! Мы бросаемся на постель, затыкаем ушки, зарываемся лицом в подушку и издаем громкие «вау-вау!», это уже даже не

вопли, а какое-то верещанье. Примерно этого я и ожидал. И заранее приготовил ответный пас.

— Отлично. Я не рассчитывал на легкую победу. Ты девушка умная, с твердыми взглядами, я был бы даже немного разочарован, если бы ты сразу сдалась.

Она не слышит меня, продолжая вдохновенно выкрикивать свои «вау-вау-вау», колотит ногами по матрасу, выбивая из него облачка пыли.

У меня першит в горле, я кашляю.

— Для этого, разумеется, требуется смелость. И знание предмета. Ты как, уже хорошо подкована?

— Ха-ха-ха! — доносится с кровати.

Я машу носовым платком, отгоняя пыль.

— Мы могли бы начать с понятия «продукт»: кто кого творит? Мы — Бога или Бог — нас? Кто продукт, кто — производитель? Или мы только участники бесконечных проектов? И неосуществимых. Как ты думаешь, Рут?

Она продолжает смеяться, «ха-ха-ха», ее ладони соскальзывают с ушей. Мне велено заткнуться, ну-ну, так я и послушался.

— «Искания чистого сердца превыше разума, ибо сердцем мы черпаем вдохновение». Как тебе это? Нравится?

В ответ мне — та же мантра: «ха-ха-ха, заткнись».

Ей-богу, надоело, и ноги затекли. Я снова начинаю говорить, хотя не уверен, что она уже в состоянии что-то услышать.

— Какое из этих высказываний принадлежит Баба, а, Рут? «Искания чистого сердца превыше разума, ибо сердцем мы черпаем вдохновение». Или: «Ум подобен пропеллеру: когда ты его выключаешь, лопасти продолжают крутиться, снова и снова». Так какое?

Там, на матрасе, на миг — полная тишина, потом раздается тяжкий вздох, потом еще один — это она перевела дух — и снова:

— Ха-ха-ха, заткнись, ха-ха-ха, заткнись. (Второе «ха-ха-ха» — чуть глуше.)

— Все?

— Ха-ха-ха, заткнись.

— Спасибо.

— Ха-ха-ха, заткнись.

Я жду. Рут утыкается лицом в матрас.

— И еще он говорил… вот это: «Чтобы возродиться, ты должна найти мастера, который очистит тебя от политической и социальной скверны. Только мастер способен сорвать эти путы, самой тебе не справиться, ты слишком

крепко привязана к прошлому». Ведь говорил?

Я слышу яростное шипение: «Ч-черт!» Рут, с пылающими щеками, вдруг садится и — бьет меня в самое больное место. Говорит, что фиг ее кто заставит слушать такого типа, как я, который красит волосы.

Рука моя непроизвольно тянется к макушке, к влажным реденьким волосам. Она этого жеста не заметила, по крайней мере никаких комментариев не последовало. Зато я сам тут же ее поддел:

— Чересчур поверхностный довод.

Рывок — ее ноги качнулись над полом, коротенькая перебежка к другой кровати. Очень ей не понравилось слово «поверхностный», я бы сказал больше: оно оборачивало ее безобразную реплику против нее самой.

— Так все-таки какое из высказываний принадлежит Баба?

Пауза, ну-ну. Нельзя позволять ей думать.

— Можешь угадать? Ну, давай, ты же знаешь его учение, верно?

Рут облокотилась на колени и подперла щеки кулачками. Долгие раздумья завершаются следующей фразой:

— Могу я получить свою обувь?

Это уже бунт, чреватый непредсказуемыми

поступками, а я тут с ней один, без помощника, который мог бы в случае чего подстраховать. Само собой, отвечаю категорическим «нет».

— Ты же сама согласилась здесь остаться, босичком тебе будет проще — никакого соблазна.

Тяжкий вздох.

— Как же это все меня раздражает!

— Еще бы не раздражало, и дальше будет раздражать, это я гарантирую.

— Нет! Я не про дом. Меня раздражаете вы.

Мои затекшие ступни соскальзывают под стул, носы ботинок елозят, нащупывая точку опоры. Услышав постукиванье моих ботинок, Рут разворачивается посмотреть, в чем дело, а может, просто притворяется, будто ей непонятно, что там за шум. Ее лицо вроде бы стало менее суровым, впрочем, при таком свете трудно что-то рассмотреть.

— Учтите: мне все равно, что вы скажете. Я имею право сама сделать выбор. Духовный.

— Безусловно.

— Вот и хорошо, — говорит она, сразу повеселев, — тогда скорее домой. — Вскакивает и начинает носиться по комнате, приговаривая: — Едем домой, едем домой.

— Пожалуйста, сядь. — Ноль внимания, но я

продолжаю: — Ты имеешь право на духовный выбор. Абсолютное. Проблема не в этом. Проблема в самом выборе — действительно ли ты его сделала.

Она уверяет, что сделала: выбрала саму себя. Я спрашиваю, как насчет того, чтобы перейти в другую комнату и вместе попить чаю. Какой выбор ей велит сделать ее разум? Выясняется, что в принципе она не возражает. Я, разумеется, пытаюсь снова въехать в нужную мне колею.

— Ну, это уже что-то определенное. Да, кстати, о разуме? Каким ты себе его представляешь? Нечто похожее на постель, с которой можно снять простыню и постелить новую, из другой ткани, с другой расцветкой? Или он монолитный и твердый, как кирпич?

Во время этой тирады я потихонечку отхожу от ее комнаты, но пячусь задом, готовый в любой момент получить очередной взбрык.

— Насколько я понял, по-твоему, он скорее как кирпич, который не пропускает ни солнечные лучи, ни капли дождя, ничего.

Мой взгляд натыкается на кнопку выключателя, хочется на нее нажать, но не решаюсь. Страшно оборвать те незримые тонкие нити, которые мне удалось протянуть между нами в

этой темноте.

— Ты уверена, что думаешь всегда именно о том, о чем сама хочешь думать? Вот я сейчас скажу: «Не думай о розовых слонах». Ну и как, получается?

Она выходит за мной на середину гостиной.

— Это всего лишь игра, ваши розовые слоны. Только игра.

— Тем не менее ты их все-таки упомянула.

Она чуть опускает веки:

— Хо-хо.

— Вот видишь, твой разум скорее бунтарь, а не послушный слуга. Значит, не я один хочу тебя преодолеть, но и твой собственный разум. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Евангелие от Иоанна, глава восьмая, стих пятый.

Я все же включаю свет. Она говорит, что из-за меня у нее в голове теперь розовые мысли, а перед глазами — розовое облако. И что нос у меня вырос, превратился в розовый хобот, она вытягивает правую руку и крутит ладонью, изображая хобот, выразительно посапывая. «Хобот» как бы дует на чай, предварительно с трудом подняв чашку: Рут приходится неловко растопыривать и выгибать пальцы.

— Ваш слоновый нос очень похож на пенис.

Я специально не реагирую на эту реплику — чистой воды провокация, и «хобот» Рут, изогнувшись, сопит прямо мне в ухо.

— Так ты из-за них сбежала в Индию, из-за своих родственников, с которыми действительно не соскучишься?

Сопение становится более громким и свирепым, только теперь Рут тыкается хоботом не в меня, а в подоконники, сдувая на пол мертвых мух. «Пуф-пуф», хобот машет мне, его кончик трепещет в воздухе, а потом, почти наткнувшись на меня, Рут опускает руку. Скажите пожалуйста, до чего увлек ее мой нос, ничего не видит и не слышит. Она отчаянно хохочет, сгибаясь пополам, она хлопает в ладоши, она продолжает трубно сопеть. Но я все-таки повторяю:

— Так это ты из-за своих веселеньких родичей сбежала в Индию?

Она говорит, что очень-очень занята и у нее нет времени отвечать на занудные вопросы.

Я наблюдаю за ней и пытаюсь представить, каково это: постоянно воевать с семьей. Разве мне самому это бы нравилось? Но что именно заставляло бы меня воевать? Чем именно меня не устраивал бы образ жизни этой семьи, что тут не

так? А не устраивал бы он меня в том случае, если бы я, на беду свою, умел думать. Не будем подводить под это всякую научную, философскую и психологическую базу (хотя искушение велико), слово «думать» и так достаточно емко. Все дело в банальности и легкости. Захотел — сразу получай. Проголодался — залезь в холодильник; стало скучно — прошвырнись по магазинам, включи телевизор, позвони, покури травки. Типовой прейскурант развлечений, в котором нет пищи для ума. Веселье создает иллюзию, что жизнь не стоит на месте, что что-то происходит. Кстати, Рут в этом смысле не исключение. Потому она так и разрезвилась: трубит во всю мочь своим «хоботом», все ж таки занятие.

7

Когда изображаешь слона, здорово входишь в раж. Сразу хочется лихо размахивать рукой-хоботом,[33] хлопнуть кого-нибудь по затылку. Или свалить парочку домов — это было бы совсем замечательно, — не оставив камня на камне. Хоботы у слонов очень сильные, и ты уже предчувствуешь эту эластичную гибкость, еще немного — и он дружески сдавливает твое запястье, но наставник тут же выкрикивает какую-то команду, означающую «нельзя!», и чей-то хобот отпускает твою руку. А ты в этот момент стоишь и гадаешь, за кого же тебя принял слон: за родственное млекопитающее или за досадную преграду, которую не жаль и сбить? Никто из нас не сделал особых успехов тогда в Джайпуре.[34] Мы наблюдали за наставником, как убедительно

---

[33] Примечания: 33

Упражнение явно имеет священный «подтекст»: образ Шивы — Разрушителя мира. Шива — божество, несущее и благо, и бедствия, имеет множество ипостасей. Одна из четырех рук так называемого Танцующего Шивы символизирует спасение, но еще трактуется как изображение слоновьего хобота.

[34] Примечания: 34

Джайпур — город на северо-западе Индии, столица штата Раджастхан.

он размахивает хоботом, даже покачивается. Главное — доверие, вот о чем мне говорит хобот, обвившийся вокруг моего запястья. И вот уже хочется погладить огромную голову, с такими маленькими и беззащитными глазками. Я не знала, как же с этими великанами обращаться. Тут уж либо веди себя как хозяин, либо подчинись. Но лично я никак не могла представить, что слон будет повиноваться такой пигалице…

Из того окна, что со стороны двери, видны желтовато-коричневые гряды холмов, не очень высоких. Если бы я знала примерно здешние расстояния, можно было бы примерно вычислить. На глазок — не меньше километра. Еще про моего пыхтящего слоника — сначала я просто дурачилась, а потом решила заодно поискать свои туфли — ни фига, облом! Ну хоть очистила от дохлых мух подоконник — сдула хоботом. Оказывается, краска на окнах вся потрескалась и расслоилась, своим пыхтением я нечаянно сдула еле державшиеся на деревянной раме чешуйки… Да, босиком к этим холмам не проберешься: камни, колючки, муравьи, все ноги изранишь, на них не останется живого места.

Ох ты… перед глазами до сих пор маячат эти проклятые розовые слоны, целое стадо, тут он

оказался прав. Ха-ха-ха, нос как пенис. Нос как пенис, а рот как вагина. Мне сразу вспомнился один из психологических тестов: определи, чей силуэт на рисунке. Почти все увидели профиль молодой красивой женщины, ну а я — старуху с острым носом. Но что интересно: как только учитель подсказал, что рисунок двойной, что там изображены две женщины, уже невозможно видеть только одну. А Пи Джей бесит меня как раз потому, что способен видеть все только в одном-единственном ракурсе, ни шагу в сторону.

Ладно, бесит не бесит, на ферму мне пока лучше не соваться. Перед отъездом я еще больше разозлила своего папулю. Это все из-за мамы, это из-за нее я брякнула то, о чем мои предпочитают помалкивать; конечно, это обсуждается, но — шепотком. Мама, наверное, в полном отпаде, наверное, подумала, что я ей мщу. Сама мне — и часто — проговаривается, а потом забывает об этом, а когда я что-нибудь брякну, обижается, изображая оскорбленную невинность. Да, я не умею хранить секретов, потому-то мне о них и рассказывают. О своей сводной сестрице я почти ничего до сих пор не знаю, знаю только, что она появилась на свет благодаря одному из папиных романчиков. И что она вроде бы блондинка и

живет в Брисбене.[35]

Когда мой слон слонялся по комнате, он заодно пофукал на макушку Пи Джея, волосики у него влажные и тонкие. Довольно-таки противные. Все равно я их взъерошила «хоботом», трубя, как веселящийся слон (так мне казалось). Пи Джей резко наклонил голову и скорчил недовольную гримасу. Я опять стала над ним трубить. Он легонько ударил меня по «хоботу» и кивнул:

— Может, хватит? Неужели еще не натешилась?

— А что в этом плохого? Чего вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы ты сосредоточилась, пристально посмотрела на себя и на свою веру.

…Как давит, давит, давит эта тяжесть: ожидание. До чего же тошно. Надо бы не очень поддаваться этой тяжести, почему-то она меня — вот идиотизм — слегка возбуждает. Не могу понять: я (всамделишная, без всяких прикрас) выше этого ощущения или эта тяжесть меня подомнет? Выше, ниже… какая разница, главное, что ощущение очень сильное, и вообще ты как в тюрьме, причем ты весь на виду, никакой дистанции. Я

---

[35] Примечания: 35
Брисбен — портовый город на востоке Австралии.

несколько раз пыталась говорить об этом, но нет, дяденька не понимает, я скоро совсем чокнусь. Как бы он меня ни грузил, я знаю, что есть другая дверь, ведущая из хаоса разрушения к чистому блаженству, но, возможно, только женщина способна пройти по этому пути. Я уже сделала первые шаги — с помощью Баба.

Нет, нестерпимо выжидать — сиди тут гадай, что же ему все-таки от тебя нужно, что он еще придумает, какой изобретет подвох… но зато я знаю, как усыпить его бдительность, чтобы он себя выдал. Надо сказать что-нибудь чумовое, это, конечно, здорово шарахнет ему по мозгам, зато — верняк.

— А знаете, у меня что отец, что братец — жутко долбучие.

Я секунду молчу, жду, когда до него доедет, но — никакого эффекта. Я продолжаю:

— Да, обожают порнушные журнальчики, не оттащишь. Девицы на природе, среди струй водопада, девицы в кемпингах. А Робби любит жесткое порно, чтобы все как есть, он считает, что чистый секс — это главное, без всякого сюсюканья и разных прибамбасов.

Чтобы не расхохотаться, я прикусила изнутри щеку, особенно меня распирало на «струях

водопада», ха-ха-ха. А он мне в ответ (не сразу, поизучав минуту-другую пол):

— А знаешь, к чему на самом деле призывает тебя твой гуру?

— Переспать с ним?

— Да нет… он призывает тебя отключить мозги… и слушаться только его.

— Можно мне взять из холодильника водички?

— Разумеется.

— Вам принести?

— Нет.

Авария: когда я стала вытаскивать бутылку, наружу вылез весь пластиковый контейнер, с молоком и прочими напитками. Кошмар, все-таки я не выдержала, пришлось сбежать сюда, к холодильнику, чтобы отхохотаться. Ведь только я начала нести весь это бред насчет порнухи, мне, как назло, вспомнился тот прикол с Деборой. Это мамина приятельница, которую поселили однажды в комнате Робби. Сдвинула она в сторонку всякие сувениры и прочую дребедень (хотела уложить свое бельишко в комод), а там — ух, какие картиночки! Бедняжка чуть не упала. О, ч-черт, никак не могу успокоиться, притворяюсь, что ищу в холодильнике что-то еще, давлюсь сме-

хом и пытаюсь снова по-слоновьи трубить, чтобы наконец заткнуться. Пи Джей будто ничего не замечает, так я ему и поверила, он же наверняка слышит мое хихиканье.

Такой хам, положил на кофейный столик свои ножищи в ковбойских ботинках, увидев меня, взбивает подушку. О г-господи, только этого мне не хватало, сидеть на взбитых подушечках… я начинаю с заумным видом ходить кругами по комнате, мелкими шажочками, повторяю «ом», священную биджа-мантру.[36] Голос почему-то меня не слушается и слегка дрожит, поэтому мне приходится перейти на тихое «м-м-м».

— Садись, — говорит он.

Так я и послушалась. Он будет еще мной командовать…

[36] Примечания: 36

Биджа-мантра — изначальный звук или слог, обладающий множеством мистических и символических значений. Ом (см. выше) — источник всех мантр и ключ к постижению.

8

18.22. Рут что-то мычит себе под нос, ходит кругами по комнате, круги сужаются, из-под сари виднеется кусочек голого тела, выше талии. Это одна мысль, вторая — хорошо бы сунуть голову в раковину с водой. Брови, уши, шея мокрые от пота, я весь — мокрый от пота. Жду, когда она притомится, по крайней мере когда проявятся признаки усталости. Надо реже говорить ей «садись». Звучит как команда. Надо действовать тоньше: не приказ, а предложение. А то получается, что я как бы разрешаю ей сесть. Она, естественно, не садится, может, позже соизволит, уже по собственной инициативе. Все эти мои мелкие ухищрения то действуют, то нет, однако всему есть предел, я тоже не железный. Ну, выманил я ее в гостиную, и что? Немного угомонилась, но это — одна видимость. Эгоизм, сплошной эгоизм.

Между прочим, редко кому удается (я о тех, у кого есть мозги) ломать комедию до бесконечности. Каким бы убедительным ни был придуманный имидж, человек то и дело сверяется со своим

истинным «я»: что оно поделывает в данный момент, что ощущает? Можно и запутаться. Прилежно демонстрируя мне свою непробиваемую жизнерадостность, Рут тем не менее все время на взводе. То ли уже не очень понимает, где она — настоящая, то ли боится, что еще недостаточно далеко отошла в своем лицедействе от оригинала.

Ага, возвращается, с бутылкой воды, без стаканчиков. Би-бип, привет вам от закоренелой эгоистки. Отхлебывает и подходит, не ко мне, но достаточно близко, даже не думая о том, что я что-то замечу. А на личике — ни следа от деланой безмятежности, и больше нет этих широко распахнутых, нарочито спокойных голубых глаз. Они теперь больше похожи на две миндалины с приподнятыми вверх уголками, а голубизна почти приглушена серым цветом. Брови сведены, губы решительно сжаты. Как же ей идет эта непокорность, как чудесна эта бьющая через край жизненная сила! Рут сразу становится неотразимой.

Освещенная лучами заходящего багровеющего солнца, она дьявольски напоминает выточенную из янтаря богиню, свет падает так, что виден золотистый пушок на коже, поэтому контуры

тела кажутся размытыми, Рут сливается с окружающим ее пространством. М-да, современные женщины довольно мускулисты, модификации трогательно хрупкой Одри Хепберн теперь почти не попадаются.

Она присаживается и ставит бутылку впритык к моим ногам.

— Хочешь, чтобы я убрал ноги?

— Хочу. Класть ноги на стол неприлично.

— Согласен. Но, понимаешь, я растер кожу на бедре.

— Тогда не убирайте.

— Спасибо, здоровую могу убрать. Можно? — Я указываю на бутылку.

Она передает мне ее, запотевшую от жары, как выясняется, очень скользкую. Поэтому мне все равно приходится убрать со стола и другую ногу и сесть прилично, чтобы плеснуть водички на носовой платок. Опустив подбородок и сложив на животе руки, она смотрит, как вода капает на пол. Я обтираю лицо, шею и руки. Это омовение — нечто вроде передышки, и для нее тоже. Угу, значит, можем проявить понимание, когда захотим, когда это касается насущных потребностей.

Глядя на нее, думаю вот о чем: бывал ли я когда-нибудь до такой степени поглощен соб-

ственной персоной? Кэрол считает, что да. Да! Она постоянно упрекает меня в назойливости, будто бы я вечно от чего-то там ее отвлекаю… от чего-то очень важного для нее «лично», так она это формулирует. Говорит, что у меня пунктик: «сверхценные идеи» — СЦИ, так что менее ценные, не мои, всегда побоку. Черта, свойственная законченным параноикам, вроде Гитлера, Наполеона, Пол Пота. Я не принимал всерьез брюзжанье Кэрол, до тех пор пока не умерла одна моя помощница. И потому мне вернули отправленные ей письма.

> Дорогая Джин!
>
> Спасибо, что позвонила. Знаешь, многие вирусы гриппа мы сами и породили, экспериментируя на животных.
>
> Я уезжал в Бостон, просили помочь люди, у которых сын подался в кришнаиты, очень тяжелый случай. В секту «Харе Кришна»[37] он вступил из-за гибели своей девушки. В автокатастрофе. Причем машину вел он сам. «Сломался» я, когда

---

[37] Примечания: 37

«Харе Кришна» — общеизвестное название распространенного на Западе индуистского движения «Международное общество Сознания Кришны», его аналоги известны с XV в.

он привел меня на ее могилу, почему-то это невероятно меня потрясло. То, как он лежал на могильной плите и плакал, плакал. Я старался взять себя в руки, но не смог, эти его рыдания — непередаваемы. Не знаю, что еще писать, как-то не пишется, да и дел по горло. Наверное, лучше на этом нам с тобой попрощаться. А мне — осчастливить кого-то возможностью поработать с такой ценной помощницей.

С наилучшими пожеланиями

Пи Джей.

Дорогой Пи Джей!

Спасибо за чудный эквадорский лес под дождем, наверное, вы с Кэрол купили эту открытку во время очередного вояжа. Очень мило с твоей стороны прислать мне такое буйство жизни и красок именно в печальный момент нашего расставания, ведь ты не собираешься больше со мной сотрудничать. Ты ясно дал понять, что не желаешь вспоминать о том мальчике-кришнаите. И все же позволь сказать, что меня очень тронули твои переживания, представляю, как

тебе было больно. Как тут не вспомнить Рильке: «О смерти знаем то лишь, что известно смертным: она нас ловит, чтобы увлечь в не-бытие». Мне было бы приятно думать, что когда-нибудь снова могу тебе понадобиться, вдруг захочешь — да-да! — пооткровенничать на эту тему. А я все никак не вылезу из гриппа.

С нежнейшими дружескими чувствами

Джин.

Интересно, почему мне тогда показалось, что ее письмо чересчур официально? Ума не приложу почему, но именно так я его воспринял. А сам-то хорош. Эта дурацкая открытка с гребаным Эквадором, не имеющим никакого отношения ни к Джин, ни к нашей с ней работе и дружбе. Она еще умудрилась обнаружить там «буйство красок и жизни», вот это добило меня окончательно. А я-то возомнил, что написал некое откровение, полное тончайших эмоций, и никак не ожидал, что Джин обладает даром сочувствия…

Рут смотрит на меня без всякой враждебности, взгляд — вяло-спокойный, даже мягкий. Это досадно. Я привык играть именно на враждебности,

а тут — разве что легкая ирония. Дескать, у тебя на руках все карты, ну и что?

— Ну, хорошо, хочу кое о чем тебя спросить. Что самое главное в человеческой жизни? Главная ее цель?

Она снимает со своего сари волоски, внимательно их рассматривает и выпускает, глядя, как они плавно падают на пол.

— Что скажешь?

— А если целей несколько?

— Погоди-погоди, пожалуйста, без ораторских приемчиков: задай свой вопрос, если не ведаешь ответа. Слышала что-нибудь о Сократе?

Она выпрямляется и скрещивает лодыжки.

— Да-а-а. — Голос не сказать чтобы очень уверенный.

— Платоновский Сократ в одном из диалогов — в «Федоне», — рассуждая о бессмертии души, говорил: «…душа не уносит с собою в царство мертвых, в Аид ничего, кроме воспитания и образа жизни, и они-то, говорят, доставляют умершему либо неоценимую пользу, либо чинят непоправимый вред с самого начала его пути в загробный мир».[38] Вот видишь? Так что давай

---

[38] Примечания: 38
Пер. с греческого П. Маркиша.

перейдем к фактам. Чему тебя учит Чидаатма-Баба?

— А какой смысл об этом говорить? У вас ведь уже сложилось о нем определенное мнение.

Она вырывает из головы волосок и медленно пропускает его между сложенными пальцами.

— Смысл вот какой: раз это касается тебя, мне важно уяснить, что сие есть.

— «Постигни: как только ты заглянешь в мое сердце, там увидишь то, о чем можно сказать: „я есть то, что есть“, — и большего тебе не скажут ни книги, ни всякие изречения». То, что есть. Вот чему учит Баба.

— Угху. — Я стараюсь не сорваться, говорить спокойно. — Ах, вот, значит, чему. «То, что есть», говоришь? Это его слова?

— Слова его, — сообщает Рут своему волоску.

— «Он один станет тем, кто восклицает: „Я есть то, что есть! И тот, кто должен пребывать, есть я!“ Только так можно постичь суть сущего». «Тат твам аси». Это, между прочим, «Упанишады»,[39]

[39] Примечания: 39

«Упанишады» (букв.: сокровенное знание) — многочисленные комментарии к ведическам текстам, представляющие собой философские беседы представителей религиозной и светской знати, гуру и учеников. Суть этих бесед сводится к формуле: «Познай самого себя — и ты познаешь Бога».

Рут.

— Ну и что? — Она переводит взгляд на меня. — Что это меняет? Кстати, кто такие эти чуваки? — Левая ее ступня начинает легонько покачиваться.

— Вообще-то это книга. Про древние тексты, которые называются «Веды».[40] Даже богоравный Бхагван Шри Раджниша,[41] даже этот «просветленный при жизни» подтверждает своими поступками, что «истина преткнулась на площади» — «Книга пророка Исайи», глава пятьдесят девятая, стих четырнадцатый, — даже он заимствует кое-что из источников. Сердцу, конечно, доверяй, но проверяй. Проверяй, что откуда.

Она поджимает нетерпеливо покачивающуюся ножку.

— Ну что, никак не можете пережить, что я обрела веру? Как же вы всего боитесь, у вас мозги совсем засохли от книжек, от этих ваших заум-

---

[40] Примечания: 40

«Веды» — свод древнейших священных текстов, написанных на санскрите: гимны, легенды, трактаты по ритуалам, магии, космологии и медицине.

[41] Примечания: 41

Бхагван Шри Раджниша (Ошо) (1931–1990) — культовая личность, философ по образованию и религиозный деятель. В 1974 г. создал в г. Пуне свой ашрам, куда съезжались тысячи паломников, чтобы послушать его лекции и побывать на занятиях по медитации, для которых он разработал особую технику.

ных источников, до такой степени, что вы больше не способны на глубокие чувства. Не способны поверить, что сердце мудрее вас и что без этой веры вы не сможете любить и не познаете истину.

Она вскочила и снова стала кружить по комнате, тихо — почти беззвучно — напевая детскую песенку: *«Ты скажи, барашек наш, сколько шерсти ты нам дашь»*.[42] Какое-то время пришлось ждать, когда она снова усядется.

— Стало быть, тебя не волнует то, что ты совершенно не знаешь текстов, которые, собственно, и стали основой всей восточной религиозной философии?

Рут с ногами забирается на кушетку, подложив под локоть подушечку, которую я для нее взбил.

— Они не держатся у меня в голове.

— Тогда на чем же ты медитируешь?

— На том, что предлагает Баба.

— И что же он такое предлагает?

— Ну… что-нибудь понятное нам всем.

— А поточнее?

— Говорю же, что-нибудь понятное, без зауми, я не обязана цитировать, мне вообще плевать, запомнила я что-то или нет. У Баба свои взгляды.

---

[42] Примечания: 42
Перевод С. Маршака.

Для него важно то, что ты испытываешь, а не сами слова. Отсиживать задницы за книгами — это многие умеют, обычно такие умники очень любят о чем-нибудь рассуждать, но это обыкновенный треп, на искренние чувства они не способны. Ура-ура, нас ждут великие дела. Как же, все их дела — загрузить разной мурой свой компьютер.

— В общем, ты образцовый зомби?

Ее глаза широко распахиваются, совсем по-кошачьи, только зрачки остаются круглыми. И заметно напрягаются окологлазные мышцы.

— Совершенно верно, я образцовый зомби.

— В твоем случае это, собственно, не так уж и важно. Мистер и миссис Баба — идеальная парочка, она не знает ничего о том, что он ей сообщает. А он очень этому рад. Ему достаточно время от времени изрекать общеизвестные цитаты из индийских философских трактатов, и ты все скушаешь, поскольку никогда не слышала о метафизическом подходе к понятиям «душа» и «поступок».

Рут перекладывает подушечку себе под ноги, делает это очень сосредоточенно и медленно.

— Итак?

— Итак, вы опять действуете мне на нервы.

— Почему?

— Все потому же. Все равно вам не удастся уничтожить то, что я узнала. Потому что это — во мне, я чувствую это всем нутром. Ясно? Похоже, вы не в состоянии постичь некоторые вещи. Ну нельзя же во всем подозревать притворство и розыгрыш. Когда он смотрит на меня, то видит меня — *всю.* И это для меня особая честь… что он так меня видит, это — абсолютная любовь.

В ее взгляде — ни малейшего смущения, ни намека на сомнение. Она хочет, чтобы я понял наконец, что сказанное ею — правда. Она водит по столу рукой, легонько царапая его согнутыми пальцами. Что это, вялое подобие игры в «слоновий хобот»?

Я откидываюсь на спинку кресла, продолжаю внимательно за ней наблюдать.

— Ну что ж, «абсолютная любовь» — понятие достаточно широкое… «Для того чтобы решиться на то, что я сделала с Тейт, нужно очень любить, великой Любовью, и она есть в моем сердце». Это заявила одна из рабынь Мэнсона, рассказывая, как она зарезала младенца актрисы Шарон Тейт.

— Хо-хо-хо. — Рут складывается от смеха пополам, почти касаясь ладонями ног. — Хо-хо-хо.

— Ты находишь это забавным?

Рут не отвечает, продолжая заливаться смехом. А когда наконец выпрямляется, то стонет от изнеможения.

— Это жутко смешно.

— Да, разумеется. Вырезать из материнской утробы младенца — это жутко смешно.

— Да мне не это смешно, смешно, что вы все это мне рассказываете. По-вашему, я на такое способна — убить ребенка?

— А Шарон молила их о пощаде, молила этих женщин не лишать жизни ее и ее ребенка. Но они не смели отступиться, они обязаны были ее прирезать, так полагалось. А потом смочили руки в ее крови и в крови остальных жертв. Для чего? Для того чтобы написать кровью на стене «свинья» и кое-что покрепче. На стене или на двери, этого я уже сейчас не вспомню.

— Послушайте! — Она резко откидывает голову.

— Да! Я весь внимание! И что же дальше?

— Послушайте! Может, вы заткнетесь, а? С какой стати вы все это мне плетете? Ну не собираюсь я убивать никаких младенцев, и отьеб… отвалите от меня наконец. Я не желаю выслушивать все эти мерзости.

— Значит, ты не знаешь, кто такой Мэнсон?

— Мне это неинтересно.

— Значит, все-таки уловила, в чем там было дело?

— Нет, не уловила.

— Ну, как же. Чарлз Мэнсон, суперзвезда шестидесятых. Объявил себя Иисусом-Сатаной и организовал свое «племя кочевников». Преданные ученики, главным образом ученицы, исполняя волю своего божества, действовали как «карателя» — его словечко, постепенно превращаясь в маниакальных убийц.

— Да, я что-то такое слышала.

— Я и говорю, что уловила.

— Нет, ничего подобного, я понятия не имею обо всех этих кошмарах и зачем они все это устраивали. Меня тогда еще на свете не было. Ясно? Как вы смеете обвинять меня в…

— Тебя я ни в чем не обвиняю. Я говорю об «абсолютной любви». Во имя которой все это делалось.

20.02. Слышится торопливое шарканье: это мы спешим разбежаться. Спонтанный порыв, острая потребность отдохнуть друг от друга. Рут идет в туалет, я наполняю раковину холодной водой. Нетерпеливо окунаю руки: вздувшиеся вены похожи на дельту реки, которая вот-вот

разольется. Я зажимаю пальцами нос и пихаю голову под воду.

Рут растянулась на полу, подняв вверх раскрытые ладони. Я выскакиваю наружу, прихватив с собой полцыпленка, на ходу отрывая от него куски. Несколько упавших на землю ошметков тут же облепляют муравьи, здоровущие, с ноготь величиной. Солнце уже у самого горизонта. Все вокруг — в теплых охристо-красных тонах. Кроме откуда-то взявшейся облезлой вороны, тоже огромной, с черным клювом.

Когда я вернулся, Рут сидела, поджав ножки, в кресле, держа дымящуюся чашку. Я сел напротив, слушая, как она осторожно потягивает горячее питье — единственный звук, нарушавший тишину. А я привык жить среди целого хора шумов, но здесь ни машин, ни факса, ни автоответчика, это слегка меня нервирует…

Судя по ее напряженной позе, сейчас меня порадуют каким-нибудь сюрпризцем.

— Я вот что решила. Я не собираюсь торчать тут целых три дня.

— Вот как.

— Вот так.

— Ну ты и фрукт.

— Какая есть. Так вот… я вас послушала, а те-

перь я сама хочу кое-что вам рассказать.

Она отхлебывает свой напиток. Это ее «а теперь» означает, что она, возможно, все-таки потерпит меня три, вернее, уже два с половиной денька, при условии (такие настырные очень любят ставить условия): давайте договоримся. Это означает, что я должен заткнуться, ни слова больше об извращенце Мэнсоне, долой все эти фильмы ужасов, *знай свое место, дяденька, теперь ты слушай мою команду.* В сущности, командовать мной ей тоже не очень хочется, боссы никогда сами не знают, чего именно им нужно. И еще они уверены, что им хорошо известны все возможности подчиненных, они и представить себе не могут, что эти люди способны на большее и подчас — непредсказуемое. Ну-ну, я тоже намерен преподнести ей сюрприз.

Я смотрю на Рут с забытым уже спокойствием и чувствую, как по моему телу разливается тепло.

Рут старательно откашливается.

— Баба не хочет, чтобы ученики его превращались в ненормальных, в фанатиков. Ему не нужно полное подчинение, он хочет, чтобы мы… чтобы человек подчинялся только самому себе.

— Понятно. Что ты и стараешься делать, верно? Но разве и в этом случае тобой не управляют?

Тебе не странно, что подобные мысли — кто кому должен быть подчинен — очень редко приходят в голову тем, кто живет у себя дома? И, наоборот, очень часто посещают тех, кто подался в религиозные общины. Видишь ли, там тебя угощают коктейлем из самых разнообразных эмоций: чьи-то воспоминания о прошлом, чьи-то исповеди, кому-то можно исповедаться в ответ. А это будоражит, как всякий алкоголь.

На этот раз она слушала очень внимательно. Поскольку солнце уже зашло и за окнами не было видно манящих гипотетической свободой тропинок.

— А оно не было тебе, так или иначе, навязано? — продолжаю я.

— Вы о чем?

— Ты же знаешь о чем. Я говорю о подчинении.

— Пф. — Она обиженно фыркает. — Пф. Знаете, я вообще ничего такого не хотела. Просто он оказался рядом. Я сидела с закрытыми глазами, а когда открыла их, смотрю, он сидит напротив. Глядя на меня, вернее, в меня, он медитировал и иногда что-то спрашивал. Спросил: «Что ты чувствовала?» Я ему: «Я видела слабый свет». Он говорит: «Действительно видела?» А я отвечаю:

«Нет».

Она поводит плечами, будто хочет стряхнуть с себя нахлынувшие воспоминания, вернуться сюда.

— Прости, я имел в виду другое… я хотел сказать, что община — это особое пространство. Ашрам Баба — это, в сущности, посвященный ему храм, все вокруг, сама атмосфера насыщена излучаемой им благодатью. Разговоры только о нем: Баба сотворил то-то и то-то, дал тому то, тому это. Ты все это постоянно слышишь. Потом кто-то подходит и интригующим шепотом тебе на ухо: «Ш-ш, этого не передать словами…» — благоговейное лицо, голова смиренно опущена, в знак вечной преданности… «Дорогая, если бы я могла объяснить». Твой мозг волей-неволей все это впитывает. Короче говоря, когда ты оказалась перед ним, он уже не был для тебя незнакомцем. Таким, как, например, случайный сосед в кафе, тоже забежавший выпить капуччино. Разве я не прав? Ты была уже на взводе, на грани истерики.

Рут резко наклоняется, придерживая свое сари, похоже, сейчас у нее действительно начнется истерика.

— Чуш-ш-шь, никакой ис-с-стерики, — яростно шипит она. — Я там была? Была. И я действитель-

но почувствовала нечто особенное. Я тут перед вами распинаюсь, рассказываю, что испытала совершенно новые ощущения, а вы говорите, что ничего я не чувствовала, что у меня, видите ли, была истерика. Так чего вам от меня надо, а? Я могу говорить, говорить, говорить о чем угодно, вы все равно не примете это всерьез. Просто дурдом какой-то…

— Дурдом, говоришь?

— А то нет.

— А если Баба попросит: убей себя? Ты смогла бы?

— Надеюсь, что смогла бы.

— И это, по-твоему, нормально?

— Вполне. Потому что он никогда такого не попросит.

— Но он же попросил тебя стать его женой. Как ты считаешь, что его в тебе так очаровало: твоя духовность или твоя красота?

Она чешет плечо — укусила какая-то мошка, скребет, скребет, на коже остается красная ссадинка. Вдруг замечает мой взгляд.

— Может, все-таки будете смотреть мне в лицо?

— Не понял?

— Вы все время пялитесь на мою грудь. Я пред-

почитаю, чтобы мне смотрели в лицо.

Вот это да! Удар нанесен точно. Я, натурально, тут же снова на них «пялюсь» — та-а-ак, теперь мой черед видеть розовых слонов. Разумеется, я посматривал на ее торс, не целенаправленно, но, поскольку грудь у нее высокая, взгляд невольно упирается в самую «выдающуюся» точку. Обычно я вообще не рассматриваю какие-то части тела, стараюсь воспринимать пациента цельно: вот он, вот пол, вот стул, вот глаза. При чем тут ее женские прелести? В последний раз я услаждал себя зрелищем женских прелестей дома, и это была промежность Кэрол: под тесными — очень тесными — трусиками видно было, как подрагивают и сжимаются *те* ее губки, словно что-то беззвучно шепчут. Но что это я, в самом деле! Надо быстренько взять себя в руки.

— А что тебя так пугает, Рут?

— Ничего меня не пугает, я просто не желаю, чтобы вы глазели на мою грудь.

— По-моему, я ничего такого не делал.

— Я не говорю, что все время, но иногда точно глазеете.

Я рассмеялся, но она даже не улыбнулась, упиваясь своим праведным гневом.

— Ну, хорошо, если тебе кажется, что я разгля-

дываю твою грудь, я постараюсь ни в коем случае на нее не смотреть.

Вообще-то я вряд ли прямо-таки *пялился*, и части моего обиженного «я» очень хотелось восстановить справедливость, доказать, что она не права. Мало ли что ей померещилось, у нее одна точка обзора, у меня — другая. Но раз ей захотелось провести «карательную акцию», валяй, девочка, валяй, я согласен. Я готов был пойти на попятный, это была в тот момент самая верная тактика. Никаких едких реплик, никаких битв, надо расстелиться перед ней, как мяконький пушистый коврик: топчи меня, топчи.

Мы сидим, выжидая, кто же первый не выдержит, ретируется с поля боя.

Тру-ту-ту-ту, бой продолжается. Рут вскакивает и с демонстративным видом отправляется на кухню, плотнее заворачиваясь в сари, знает, знает, что я за ней наблюдаю. Хлопает дверца холодильника, открывается кран, она швыряет под струю пучок латука. Потом очень сосредоточенно и вдумчиво его режет, все ее тело подчинено этому действу.

В эти мгновения мое собственное тело, в который уже раз, обливается потом, оно алчет прохладного душа. Но вдруг сбежит? А-а, будь что

будет. Не могу же посадить ее на цепь. Вот почему мы всегда и работаем в паре: чтобы не возникало подобных опасных ситуаций. Но я *должен* принять душ. Я встаю и говорю ей, что иду мыться. По ее глазам ничего не поймешь: собирается она и дальше трепать мне нервы или нет. Спрашиваю, нет ли у нее пшикалки от москитов. Она говорит, что есть зеленые спиральки: такую зажигаешь, и она будет дымиться всю ночь. На часах — 21.55.

9

Не хотелось мне никакого салата, мне просто нужно было что-нибудь резать, резать и кромсать в клочья. Говорят, латук полезен для кожи, мажу соком лицо. И это называется интеллектуальные дискуссии? Ничего похожего, решаю я, кромсая латук, и злюсь на себя: какого черта я в них ввязываюсь! Никакого продвижения к истине, вот что мне сказал бы любой, достигший просветления. *Если ты будешь продолжать в том же духе, ничего у тебя не получится.* Вот что я должна пойти и сейчас же заявить этому типу. *Не получится, потому что тебе неинтересно узнавать что-то новое.* Да, ему достаточно того, чего он успел нахвататься раньше. Считает, что ему больше уже некуда.

И еще: он так иногда бесится, даже страшно становится, просто рычит, как наркоман под дозой или я не знаю как кто. Ничего уже не видит и не слышит, когда заводится или… возбуждается? Не скажу, что это бросается в глаза, но что-то темное в нем играет — пониже пояса. Он даже не пытается этого скрыть, видимо, это часть его натуры. По

законам кармы, нам могут передаваться черты прошлых наших воплощений. Например, пса, который привык тявкать на все подряд.

Боюсь, он не совсем предсказуем. С предсказуемыми, конечно, не так прикольно, но когда оказываешься один на один с таким вот психом, понимаешь, что лучше уж поскучать… Я смотрю на нож, кромсающий сочные листья латука, и начинаю думать о разных других ножах. Вот у Гэри, например, было несколько, очень больших и острых, он резал ими овец и разделывал туши; интересно, не завалялся ли тут поблизости какой-нибудь, если да, я могла бы… прихватить его с собою в спальню. Да, было бы очень неплохо спрятать его на ночь под подушку. А утром можно потихоньку отнести назад. Фигово то, что я действительно никак не просеку, что это за тип, хотя обычно интуиция меня не подводила, ни разу. Но сейчас я в полной прострации, ничего не понимаю, никакой уверенности — нив чем.

Вода в душе все еще журчит, ну и что, может, он специально ее оставил, а сам сейчас… «Да заткнись же ты, заткнись, дура», — приказывает мне моя голова. Это ты заткнись, дурья башка. «Конфетти, — это уже я вспоминаю уроки Баба. — Мелкие кружочки качаются на поверхности, ну

и пусть качаются, не обращай внимания, это же на поверхности… разум всегда играет какими-то случайными обломками. Но попробуй очистить озеро».[43] Я стараюсь и — не могу, на поверхность озера то и дело всплывают мои туфли. Их я хочу сейчас больше всего на свете.

Его комната не лучше моей: грубые деревянные балки и штукатурка. Грязновато-розовый и тускло-голубой. О боже, как тщательно все развешено! Наглаженные рубашки, пять штук, все одинакового фасона: под горло, с отворотом, и цвета почти одинаковые, двое джинсов, тоже глаженых, те просто одинаковые: синие и синие. Подхожу к туалетному столику: маникюрный набор, набор для чистки обуви, набор иголок и ниток, это надо же. Все три аккуратненько разложены в левом углу, надеюсь, у него нет пингвина. Как же меня доводила Кэтти Бейтс, уже не помню точно, в северо-западной части столика она его ставила или в северо-восточной; стоило мне случайно сдвинуть этого ее дерьмового пингвина,

[43] Примечания: 43

Баба явно воспользовался словами Вивекананды, философа XIX в.: «Как только волны улягутся, мы видим дно озера. Как только разум успокоится, мы видим собственную природу и уже не смешиваем себя с порождением нашего разума». Под порождением разума подразумевается наша материальная жизнь.

она готова была меня убить. Представляю, с какой тщательностью он раскладывает по ящичкам краску для волос, строго в соответствии с каталогом образцов. В том, который я наугад открываю, лежит «Греция — светлый-2000» и — кто бы сомневался! — «Вазелин с усиленным эффектом». Жаль, нет дорожного несессера, люблю в них рыться, интересно же, какие лекарства, а может, и не только лекарства, человек употребляет. Ладно, мне бы отыскать свои туфли. Осматриваю дальний шкаф — ничего. Где же они могут быть? Под кроватью темно, ничего не видно, пытаюсь нашарить — фигушки. С собой он их, что ли, таскает? Ч-черт, здорово же я его запугала.

Какой он весь… организованный, жуть. А тот наборчик с иголками очень симпатичный, вот бы мне такой. Не в силах устоять перед искушением, я лезу внутрь. Маленькие катушечки, складные ножнички, кармашек с пуговицами. Не иначе как запасные, от купленных вещей. Миниатюрный узенький сантиметр, которым явно ни разу не пользовались. У меня были когда-то крохотные стульчики, кукольные, я просто их обожала. Мне нравятся миниатюрные вещицы.

Одна катушечка падает, — о боже! — заваливается куда-то внутрь моего сари, я прижимаю

подол к коленям, чтобы ее перехватить. Да чтоб ее… он все еще на улице? Нет, не похоже. Он уже…

Он уже здесь, в этой долбаной гостиной. Дьявол, вода уже точно не льется. Значит, уже вошел, или еще нет? Ну, ты, идиотка, конечно, вошел, раз зовет тебя.

— Рут, Ру-у-ут!

Вот это облом! Придется вылезать через окно!

— Привет. — Он входит — с вытянувшейся физиономией, обшаривает взглядом комнату.

— А-а, привет.

— Это, между прочим, моя комната.

— Я знаю. Я копалась в ваших нитках и иголках.

— Это еще зачем?

— Они очень хорошенькие.

— Тебе что-то нужно?

— Да нет, просто они клевые.

— Ну-ну… хм… хочешь принять душ?

Еще бы!

— Д-да, — киваю я, — а вода горячая?

— Только что была горячей.

— Спасибо.

О-хо-хо, ну и дура я. Надо было ему так и сказать: искала свои туфли. А теперь он думает, что

я абсолютная психопатка, тайком роюсь в его вещах. Не идти же, черт возьми, объясняться: вообще-то я не такая и в обычных условиях по чужим шкафам не шастаю. Глупо — мне не по себе оттого, что он меня застукал, не могу перестать об этом думать.

Вода действительно горячая, душ — на улице, из бака, бак из жести, из волнистой такой. Я усаживаюсь под струйки и начинаю медитировать. В принципе, я уже научилась отключаться, но сейчас — никак, это из-за этих его наборчиков, на фига было их трогать. Его бережное отношение к вещам заставило меня почувствовать, какая я сама распустеха. Мои-то одежки кое-как распиханы по целлофановым пакетам. Ч-черт! В конце концов, у меня просто могли начаться месячные, ведь никто не удосужился даже спросить, нужно ли мне что — на этой случай. Пока он тут рассуждает о высоких материях, я, несчастная, может, заливаюсь кровью. Надо сказать ему, что я искала «Тампакс». Да, так и сказать, и даже попросить, чтобы он собственноручно вытащил один тампон и засунул… куда полагается.

Я ложусь на кровать и напрягаю слух. Вроде не подслушивает и не подглядывает. Можно бы и заснуть, но — не получается. Я верчусь, пере-

кладываю с места на место подушку, обливаюсь потом, чувствуя легкое возбуждение. Ублажить себя, что ли? Но — с кем, кто будет моим воображаемым любовником? Первая мысль — про Баба, но это нереально, это было бы чересчур непочтительно. И вообще, он меня не заводит. Больше почему-то никто не приходит в голову, а словить оргазм просто так, ни о ком не думая, я не могу. Поэтому остается лишь таращиться на стену, на дырочку от гвоздя, аккуратную и кругленькую. Жаль, туда нельзя просунуть палец, зато она глубокая, прямо-таки бездонная.

«Это черное пятно будет расти, расти, как гноящаяся рана, до космических размеров, и в конце концов ты провалишься в него, как в бездонную пещеру». Вот что отвечала моя подружка Зоя на мое: «Какой смысл?»

И еще добавляла: «Сам вопрос — бессмысленный».

Но в пятнадцать лет этот вопрос был для меня самым важным. Какой смысл? Какой смысл в том, чтобы ходить в школу, покупать новые платья, и вообще: для чего я живу?

На стенке рядом с моей кроватью я нарисовала ручкой пятнышко; задавая себе изо дня в день один и тот же вопрос, я продолжала его подри-

совывать; когда оно стало размером с кулак, его заметила мама.

— Что это за черное пятно у тебя в комнате?

— Какое пятно?

Я всегда переспрашиваю, чтобы, пока она повторяет, просечь, какое у нее настроение.

— Чернильное пятно, Рут, размером с блюдце.

— Ах это…

— Да, это. Так в чем же дело?

— Это портрет моего отчаяния.

— Отчаяния? Тебя что-то тревожит?

— Нет.

— Вот и хорошо.

Однако на следующей же неделе мама потащила меня в магазин и накупила мне обновок, а после мы поехали к «Дэвиду Джонсу», в отдел обоев. Мама решила ликвидировать мое отчаяние посредством ремонта. Но я отказалась, сказала, что меня все устраивает, пусть все остается по-старому. Мама призналась мне, что ей самой это всегда помогало поднять настроение — покупка чего-нибудь новенького. Позже, когда мы сидели в «Макдональдсе», тянули через трубочки молочный коктейль, а мама втайне вздыхала о настоящем качественном обеде, я все-таки решилась:

— Мам, мне уже пятнадцать, и я хочу знать, в чем смысл нашей жизни.

— В чем смысл? М-м-м… Сложный вопрос, я бы сказала, очень интимный.

— Ты считаешь, что спрашивать об этом — неприлично?

— Ну почему же неприлично, очень даже прилично, но я как-то…

Она предпочла временно закрыть тему:

— Я должна подумать.

Пока мы ждали, когда перед нами рассосется пробка на парковке у магазина, мама вернулась к нашему разговору:

— Знаешь, это немного напоминает то, как мы пользуемся машиной. Я понятия не имею, почему она работает, но я точно знаю, что она должна работать, ты поворачиваешь ключ зажигания, и мотор начинает гудеть, переводишь рычаг переключения на задний ход — машина едет назад, переключаешь на передний — едет вперед.

Она искоса смотрит на меня.

— Видишь ли, смысл в том, что не нужно искать никакого смысла, нужно просто жить, жить, как живется, пойми это, и все станет на свои места. Наверное, есть какие-нибудь философы и специалисты, которые во всем этом разобрались, но

нам-то с тобой зачем ломать голову? Надо просто жить и радоваться жизни… понимаешь?

Она снова смотрит на меня, уже с широкой улыбкой.

— …самый прикол в том, — сказала мне как-то Зоя, — что в нашем существовании вообще нет никакого смысла. Вот такая фигня.

Я ей в ответ:

— Тогда почему все такие послушные и сознательные? Раз все мы обязательно когда-нибудь умрем?

— Ты имеешь в виду: почему люди придумали, что нельзя воровать и грабить и ничего не делать, день и ночь развлекаясь?

— В том-то и дело, что ни в чем они не уверены. Очень уж это страшно — думать, что тебя сожрут могильные черви, и все.

Черная отметина на стене неотвратимо разрасталась и в какой-то момент стала размером с мою собственную голову. Я уже подумывала о том, что это зловещее соответствие надо соответствующим же образом отметить: надеть на голову целлофановый пакет и затянуть концы. Обошлось без пакета… вместо этого я два дня подряд проревела. А реветь начала после того, как меня слишком сильно обкорнали, на пять

сантиметров короче, чем я просила, и вид у меня был кошмарный. Но не это было истинной причиной моих рыданий, ревела я из-за того, что не могла понять, зачем мне вообще жить… Зачем, если в людях гораздо больше подлости, зависти, суетности, чем доброты, щедрости и тепла? Зоя решила, что мне срочно нужно чего-нибудь принять, отвлечься, поэтому мы хватанули «экстази». Я смотрела в ее глаза и плакала — теперь уже от счастья. В глазах Зои сияли все звезды и планеты Солнечной системы, я гладила ее лоб, называла самой-самой лучшей и красивой, она была гениальной личностью, такой же, как я, да, глаза наши сверкали, она воспринимала мир так же, как я, и я смотрела на все ее глазами. Впервые в жизни я не чувствовала себя одинокой. Да, теперь я была не одна на этой планете, наконец-то — ура! — кто-то меня увидел… Правда, очень удручало, что этот классный кайф был всего лишь реакцией на наркотик. Зоя меня утешала:

— Брось напрягаться, если все фигня, если мы непонятно для чего живем, давай хотя бы оттянемся на всю катушку…

Так я лежала, ворочаясь, в полумраке, а перед глазами всплывали, снова и снова, стены моей детской, и я всматривалась в рисунок на обоях.

Когда мне это надоело, очень долго не могла сообразить, что я не дома, а в халупе своих родственников. Глянула в окно: деревьев почти не было видно, значит, до утра еще далеко.

Жутко захотелось освежиться водичкой. Я поднялась, стала искать свое сари: провела рукой по стулу — ничего… пощупала на всякий случай спинку: тоже ничего. Сари не было ни на кровати, ни на полу. Нет, это полный дурдом! Вышла в холл, зачем, неизвестно, можно подумать, что у сари есть ноги. Обернувшись полотенцем, потащилась на улицу, к душу, там его тоже не было. Прибежала назад в спальню, подняла подушку, а под ней — нож. НОЖ! Тут меня снова прошиб пот, этот нож меня завораживал и словно к чему-то призывал. Фу, какие мокрые ладони, тру-тру их о полотенце, и никакого толку. Тихонечко… ш-ш-ш… медленно-медленно открываю дверь его спальни; там — ни звука, не слышно ни дыхания, ни сопения, там… вообще никого! Вот гадство… это что еще за выкрутасы? О-о, как же я его ненавижу! Отхлебнув минералки, выскакиваю на улицу — никого. Присаживаюсь на корточки пописать. Сзади доносится шелест крыльев, я оборачиваюсь, но птицы не видно. Однако она вьется где-то рядом, кружится над одним местом

— я слышу шелест в листве. Я подхожу к дереву, это оно шелестит. Разглядываю ветви, поднимая голову все выше, и почти у самой верхушки замечаю что-то серое, похожее на сгусток дыма… оно колышется на ветру, как длинный-длинный флаг. Значит, вот где оно, это проклятое сари, забралось на дерево…

Ха-ха-ха, действительно дурдом. Но я, конечно, не такая дура, чтобы лезть за ним — слишком уж высоко. Этот долбаный нудила, наверное, не в первый раз так развлекается, или старому кобелю захотелось разучить новый фокус? Гав-гав. Жалкое ничтожество, нет, он хуже ничтожества. Пора отсюда сматываться… Мама не должна была соглашаться на это «лечение». Просто какая-то трепанация черепа, мне все время впаривают, что я не создана для религии, что не с моим умишком постигать духовные истины и вообще что это просто блажь. Я уже на последнем издыхании, ну ничего, хотя на данный момент он одержал верх, мы еще посмотрим, кто кого… Дяденька уверен, что я начну причитать, «ах-ах-ах», «ой-ой-ой». Не дождется. Что бы он ни вытворял. И нечего распускать нюни. Вот сейчас уйду и не стану больше об этом думать, проехало.

…Мне его подарила Рахи, мое сари. Из какого-то

особого хлопка, мягкое-мягкое. Так и хотелось зарыться в него лицом, ткань легкая, как пух, так приятно было его ощущать…

Я смотрю по сторонам. Действительно никого нет. Значит, мне не показалось и с мозгами у меня полный порядок, в отличие от моих родственничков. Возвращаюсь в дом и прикидываю, из чего бы соорудить новое сари. Занавески на окнах совсем короткие, одно название. Срываю со своей кровати простынку, надсекаю ножом и рву на две части. Потом сажусь пить чай, хотя мне совсем не хочется.

10

— Это кто? Здрасте.

— А вы угадайте. Ну?

— Ивонна.

— Точно! А как вы догадались?

— Это не так уж сложно, честное слово, я могу поговорить с Мириам?

— Но она спит.

— Ах, черт… простите. Понимаете, я очень спешу. Ивонна, выручайте, хочу попросить вас об одном одолжении… Вы не могли бы мне помочь? Да, я понимаю, ворвался среди ночи, но… Вы не могли бы ко мне выйти?

— Ну что, как идет лечение?

— Ивонна, милая, мне сейчас не до разговоров, в другой раз. Вы не могли бы дать мне какую-нибудь одежду — для Рут. Что-нибудь удобное.

— Что прикажете принести? Платья или брюки? Наверное, все-таки парочку платьев?

— Вам виднее, уверен, вы сумеете найти оптимальный вариант, кто же, как не вы.

Стою под деревцем на тропинке, уже стало чуть-чуть светлее, ночь безлунная, но звезды

еще видны. Южный Крест, Пояс Ориона, но не уверен, я не изучал карту южного неба. Что у них тут, Юпитер, Сириус, хвост Большой Медведицы? Очень оно у них тут ясное, небо, и это замечательно, ничего не скажешь. В Нью-Йорке никаких тебе звезд. Дьявол, куда эта тараторка запропастилась? Три сорок восемь, то есть почти четыре, бред какой-то, все мои мысли крутятся вокруг сари.

Это просто одежда или нечто большее? Некоторые из моих коллег считают, что отобрать «униформу» — устаревшая методика, примитивный прием, примерно то же, что отрезать косичку — *шикха* — у кришнаита. Тем не менее таким способом довольно часто *действительно* можно преодолеть тягу к секте — просто изъяв «священное одеяние». Слишком просто, если не сказать — грубо, но тут уж не до сантиментов, честное слово, не до мелочей, главное, вытащить человека из этого поганого ашрама, пока он совсем не пропал. Я все торчу под деревом и уже явственно представляю себе жуткую картину: как я два года без передыху бормочу свои мантры о поганых ашрамах.

Стрелки доползают до четырех, и меня прошибает пот. Болван! Я обязан был все это предвидеть!

Хорош: оставил Рут одну, без присмотра, как какой-то неопытный новичок… Дьявольщина, я становлюсь таким же заторможенным, как ее милые родственники. *А теперь представь, ЧТО ТАМ ДЕЛАЕТСЯ.* Представил… Рут наверняка успела дать деру, сразу после меня. Не выдержав, я ору «Ивонна!» и уже готов растерзать себя. Ага, идет: вид вороватый, грация прямо-таки змеиная. Главное, никаких комплиментов, любая банальность разожжет ее пыл, дай только повод, и тогда она уже не отцепится…

— Вы принесли вещи? — спрашиваю я.

Но уже сам вижу: принесла, и еще успела надеть туфли на каблуках и шорты, такие, что короче некуда.

— Да-да, вот они, и знаете, я прихватила для нас кофе.

— Я не могу, Ивонна, ни минуты…

— Но… но это мой вам подарок… мне хотелось немного вас подбодрить… вы ведь так стараетесь, столько напрасных усилий…

Ее глаза влажно блестят, и вот уже катится по щеке слеза, оставляя черную от туши полоску. О господи, я сдаюсь, тем более что мне давно хочется пить.

— Ладно, уговорили. Делайте свой кофе.

4.20, 4.21, 4.24. Наконец-то разливает по чашкам и протягивает одну мне, отводя назад локон, потом второй, третий, локонов у нее до черта.

— Ну что, рассказала вам Рут о своих сокровенных мыслях?

— Немного.

— О-о-о, как ей повезло, что она с вами. Есть с кем поделиться. А меня тоже иногда посещают странные мысли, правда-правда. — Она постепенно переходит на шепот и придвигается ближе. — Робби думает, что у меня кто-то есть, он нашел письма.

— Вот как. — Я сочувственно киваю.

— Да, Робби жутко бесится и хочет набить ему морду, только он никогда не догадается, кто это. — Она делает глоточек. — Хотите, я скажу кто?

4.35!

— Ну еще бы.

Ее щеки делаются пунцовыми.

— Я! Я сама их написала! Они ужа-а-асно красивые и ужа-а-асно романтичные.

— В самом деле? — бормочу я, немного растерявшись. Такая роскошная куколка, зачем ей все эти дешевые трюки?

— Поймите, — она вздыхает, — у меня с Робби никаких отношений, ну, понимаете, о чем я… Я

занимаюсь любовью только с кинозвездами.

Я настолько заинтригован, что наливаю себе еще полчашки. Ивонна закрывает глаза.

— Да-да.

Она признается, что вырезает из модных журналов фотоснимки своих кумиров и наклеивает их — изнутри — на стенки комодных ящиков. А когда ложится в постель к Робби, то оставляет один из ящиков открытым. И воображает, что ее ублажает Киану Ривз, или Том Круз, или кто-то еще из киношного бомонда.

— В темноте так легко представить, что меня обнимает не Робби, а один из этих чудных мальчиков. Что это их руки… и ноги. Знаете… я иногда немного путаюсь и уже сама не понимаю, с кем я в постели.

Разнервничавшись, она даже чашку выронила. Это и впрямь не очень весело: отдаваться комодному ящику.

Ну и дела… Оказывается, тут настоящая драма. Чтобы морально поддержать бедняжку, я тоже должен, просто обязан пролить кофе, что я и делаю.

— Да ну, не стоит так расстраиваться, не переживайте, нужно научиться дышать диафрагмой, и сразу станет легче.

Поскольку она не знает, где расположена диафрагма, я вынужден показать: кладу обе ладони чуть ниже ее грудей. Она пытается сдвинуть мои руки, но я не поддаюсь.

— Тут она, наша диафрагма.

Пальцы мои потихоньку перемещаются вверх, и вот мы уже в четыре руки массируем груди Ивонны.

— Большое вам спасибо, это так важно: уметь правильно дышать. И так трудно. У вас есть сайт в Интернете?

Мне наконец удается высвободить свои руки.

— Пора, пора.

Меня целуют, я отвечаю на поцелуй. Скоро уже появится солнце.

— А знаете, они заключили на вас пари.

— То есть?

— Я имею в виду родных Рут. Они поспорили, кто выиграет: она или вы?

— Вот даже как.

— Только Мириам отказалась в этом участвовать. Она сказала, что Рут скорее умрет, чем уступит.

11

Он притащился около шести, весь взмыленный. Я нарочно опустила все жалюзи, так что он тут же ворвался в дом и сразу — в мою комнату. А там — никого, до чего приятно было наблюдать, как он мечется, всюду меня разыскивая, просто бальзам на сердце. Боже, какой это был кайф! А потом он все-таки меня увидел, как я сижу в своем новом сари из разодранной простынки. Ну что остановился, не ожидал? То-то же…

Он подбегает и начинает выуживать из пакета вещи, ни одной моей: две мамины юбки, пестрые топики; еще есть бордовый, а к нему леггинсы, это уже Ивонна расщедрилась. Сбивчиво извиняется за то, что не успел раньше привезти вещи, тут, говорит, все, что нужно. Потом запихивает шмотье обратно в красный пластиковый пакет и трясет им перед моим носом. Я вышибаю пакет из его рук. Он поднимает его — ни слова упрека. Потом подходит, очень близко, настолько, что наступает на край моего самодельного сари. Как же он мне гадок… я пытаюсь освободить свой подол, слегка его подергивая. Заметив это, Пи

Джей смущенно отскакивает в сторону.

— У меня была одежда, но она чем-то вас не устраивала, мистер Кока-Кола? — говорю я, абсолютно спокойно, я репетировала эту фразу не один час.

Пи Джей несется на кухню и начинает наливать в кувшин воду, делая вид, что не услышал моих слов. Потом возвращается с кувшином, стаканами и нарезанными лимонами, в стаканах уже по кучке льда, все очень аккуратно — как положено. Лимоны нарезаны моим ножом из-под подушки: вдоль, и каждая половинка — поперек, вдоль и поперек. Да, если бы не огромное мокрое пятно на прилипшей к спине рубашке, можно было бы подумать, что он тоже абсолютно спокоен.

— Лимона-а-ду?

Ох-х, какая чушь, полный отстой. Да пошел ты… с этим своим гребаным лимонадом! Он протягивает мне стакан, подносит почти к самым губам. Я отталкиваю его руку, стакан выскальзывает, лимона-а-д выплескивается на Пи Джея, стакан катится по столу, летит на пол и — дзинь! — вдребезги разбивается.

Он улыбается своей обиженной улыбкой трудного подростка. Я даже не шелохнулась, пусть сам убирает. Он, сгорбившись, наклоняется и

начинает собирать осколки: все до единого на одном квадратике пола, потом на следующем — его рука действует как щетка пылесоса.

— Я хочу, чтобы мне вернули мое сари.

— Знаешь, я, безусловно, поторопился, я хотел позже это сделать, чтобы посмотреть, что ты на самом деле собой представляешь. Значит, ты полагаешь, что за сари можно спрятаться? Учти: даже тысяча сари не помогут скрыть того, что есть. Пока что ты преуспела лишь в одном: научилась закутывать себя в кокон.

Я пожимаю плечами:

— Чушь собачья. Вы сами все время меня провоцируете, а потом говорите, как я смею на что-то жаловаться. По-вашему, я должна сидеть тут и не рыпаться, пока вы будете доказывать, какая я дура…

— Ты — дура?

— …доказывать самому себе.

— Ты — дура?

— Я сказала, «самому себе». Послушайте, зачем вам все это нужно, а? Именно вам. Потому что лично меня все эти ваши рассуждения не колышут, понятно? Только напрасно теряем время. «Не обсуждай Господа с неверующим, чтобы тот из зависти не попытался убить Господа в тебе».

Он снова подходит.

— Ах-х-х, прости, и чьи это слова?

— Баба.

Он проводит пятерней по волосам и почти сквозь зубы:

— Ну, разумеется, какой мудрый совет, очень удобный: никому не позволено обсуждать иллюзорность Рут, закамуфлированной миленьким маленьким сари… без которого ее духовность стала не совсем духовной.

— А без хамства вы никак не можете, а?

Да, он постоянно мне хамит, хватит, больше никаких заумных разговорчиков… если он и впредь будет так на меня набрасываться. А-а, пусть мелет, что хочет, ему же за это уплатили. Вот только… никаких уже сил здесь с ним торчать. Я пытаюсь нащупать на столике какую-нибудь трещину, чтобы спрятаться в ней, пробраться сквозь нее. Но не могу, ни одной подходящей. Мне нужна довольно глубокая, а не просто царапина.

В комнате — тихо-тихо. Я молчу, Пи Джей опять высматривает на полу осколки. Заметил один возле моей пятки, наклоняется. Я одергиваю подол, чтобы прикрыть ногу, чтобы ни кусочка голой кожи. На дереве за окном дурными голосами надрываются попугаи. Орут и орут. Я предста-

вила, что нашла в земле нору, в норе дверца, я открываю ее, а там — винтовая лестница, и она ведет меня к теплому озеру, посреди которого я вижу сидящую на троне богиню. Мне так хочется рассказать ей о том, что со мной делают, что я забываю о всякой почтительности, утыкаюсь лицом в ее колени (о господи!) и плачу, плачу навзрыд, так, что даже не могу говорить. И еще я очень боюсь, что нечаянно что-нибудь переврy, говорю я ей, и сразу стану ей неинтересна. Так и получилось, я громко всхлипываю, и вот я уже в воде, а трон с богиней удаляется.

Я смотрю на Пи Джея, точнее, мимо него. Мысленно я еще там, в озере, с богиней, со своими рыданиями и страхом что-то не то сказать. Она показывает мне на ту меня, которая на берегу, та Рут что-то сердито выкрикивает, подпрыгивает, рвет на себе волосы… «Не тревожься о ней, — говорит богиня, — забудь ее», и обнимает меня. Я не могу, не могу жить взаперти, может быть, именно об этом кричу та я, которая на берегу. Богиня велит мне орать во все горло, чтобы как следует выкричаться.

…Пи Джей стучит по столу согнутым пальцем.

— Алло! — Он проводит рукой перед моими глазами. — Ну и что ты там обо мне думаешь?

Очень бы хотелось услышать, если можно.

Он уже расслабился, оклемался, капли пота на лбу и под носом не в счет, потеет он постоянно. Ну а я вся на взводе, ерзаю, верчусь: то потру руку, то почешу ногу, то голову, то поглажу колено, то подергаю носом. И снова: рука, нога, нос, голова — ничего не могу с собой поделать. О, ч-черт, если бы я была развита как надо (в смысле духовности), мне было бы по фигу то, что он думает, плевать бы мне было на его мнение. Да, окажись тут Баба, я бы спросила у него. Нет, я сама бы сразу поняла, что есть голос Бога, а что — туфта…

Ладно, так и быть, скажу этому типу…

— Я медитировала о сущностном отличии между вами и Баба.

Мне протягивают стакан с водой.

— А я знаю, в чем отличие!

— Ну и в чем?

— Я хожу в штанах, а он в юбке. Ха-ха-ха. Ха-а-а!

Он чуть ли не рыдает от хохота. О господи, тоже мне остряк, это же одна из затасканных шуточек про трансвеститов. Ха-ха, ну и кретин, говорю я про себя. Ха-ха-ха.

— Не в платье дело. Главное: он живет так, как учит жить других.

— Понятно, угху, ха-ха, и чему же такому особенному он тебя научил?

— Познавать Бога. Стремиться к совершенству.

Я отпиваю несколько глотков.

— Угху. Ну и к чему этот Бог призывает? Велит творить добро и вовремя платить налоги?

Пи Джей чистит апельсин, апельсинная кожура сползает вниз ровной спиралью. Говорю ему, что я пока еще только учусь. И что все мои жертвы никому не нужны, если я не познаю самое себя.

— Рут, ты испытываешь мое терпение. Хватит писать кипятком.

— Это вы о чем?

— Да мне уже в глотку не лезет вся эта высосанная из пальца чушь, меня уже тошнит. Вот о чем.

Опять играем в молчанку, оранжевая спираль становится все длиннее.

— А кто стащил мое сари?

Он уставился на меня — совсем не так, как раньше, его глаза смотрят будто сквозь меня. С запястий его капает сок. Он не говорит «угощайся» и все смотрит, потом, не отводя взгляда, достает носовой платок и вытирает запястья.

— Сари всего лишь реквизит. Я тебе уже сказал: мне хотелось посмотреть, что представляет собой

твоя духовность. И я понял, что это… кожура, под которой не оказалось апельсина.

Я смотрю на спираль, лежащую на столе, и думаю о том, что кожура слишком недолговечна, чтобы ссылаться на нее, но ничего не говорю. В ашраме нас учили не прибегать к подобным аргументам. Все эти аргументы и контраргументы отражают западное восприятие мира, они мешают сердцу. Чувство любви неподвластно логике, любовь — вот главный путь к пониманию того, чему учит гуру…

Он, наверное, кровожадный тип, вон как ловко срезал кожуру, ни клочка не оставил, и лимоны тогда одним махом, вжик — и две половинки, вжик — четыре дольки. Я присматриваюсь к его мясистым рукам: к тому, как они со всем расправляются, как эти блестящие от сока старческие пальцы сладострастно терзают апельсин. И что с того, что их каждую минуту обтирают платочком? Повадки убийцы.

— Америка — страна насилия.

— В самом деле? — Он бросает на меня косой взгляд.

— А то нет. Тридцать тысяч убийств ежегодно; я-то, по крайней мере, никогда не пойду убивать своих соседей.

— Угху, понятно. «Страна насилия»… какая дивная чушь. Кстати, что еще говорил великий Баба? Внушал, какая ты добрая, какое открытое и щедрое у тебя сердце и что ты просто не можешь вести себя как стерва?

От этих слов я вся вспыхиваю, огонь вокруг, огонь внутри меня — от тайной радости, что он попал в самую точку, так сказать, уличил.

Я смотрю на него и чуть-чуть улыбаюсь, и он тоже в ответ — чуть-чуть. Я пью, хотя воды осталось только на самом донышке, и виду меня наверняка идиотский. Но я не сразу заметила, что в стакане нет воды. И вот он уже несет кувшин, а мне делается не по себе, потому что я не могу решить, как лучше действовать: просто взять у него кувшин, будто бы и не пыталась напиться из пустого стакана, или рискнуть налить себе еще воды? А вдруг промахнусь?

— Вы циник.

Бамц! Он с жутким грохотом ставит кувшин на стол.

— Ну, разумеется, циник, потому что смею совать свой нос в святое, верно? Только все ли наши помыслы так уж святы, а, Рут? Ты уверена, что в тебе самой нет никакой суетности? И не она ли привела тебя к гуру?

Я смотрю на стол, только на стол…

— Вам-то какая разница? Вы же совсем меня не знаете! А к Баба я пошла вовсе не за тем, чтобы удостовериться, какая я особенная. Умнее всех. Это мне вообще по фигу.

— Ты, наверное, первая у него такая скромница.

В ответ я не то чтобы киваю, но вроде того.

— А если даже и так, что плохого? Я надеялась, что это, наоборот, поможет мне, ну-у… моему духовному росту.

Помолчав, он кивает, и еще раз.

— Угху… Превосходно, Рут. С этого и начнем.

Он наливает в мой стакан немного воды, это почему-то жутко меня расслабляет — и его ловкие, точные движения, и возникшее (естественно!) удивление: а почему сама я не могу даже пальцем пошевелить? Я чувствую, что должна немедленно собраться, иначе от меня вообще ничего не останется, и поэтому вяло из себя выдавливаю:

— А во что верите вы сами?

Снова пауза, очень долгая.

— Зачем тебе это знать?

— Все-таки любопытно, над чем мучились вы сами, какие нашли объяснения и нашли ли…

— Ага, значит, иногда меня можно и послу-

шать? Прости, солнышко, но у нас с тобой речь не обо мне.

И так он все это сказал, будто перед ним какая-то овца, которая только и может, что покорно ему поддакивать. Бе-е, бе-е. И чувствую: к щекам моим приливает кровь. Зачем, зачем я так глупо подставилась?! Нельзя было раскрываться… А теперь получается, что я уже во всем сомневаюсь, что он меня подмял и теперь запросто может мной командовать. Щеки, наверное, уже багровые, точно их натерли свеклой. Я пытаюсь остудить их ладонями, чтобы он не просек, как я нервничаю, но ничего не получается.

А этот еще и успокаивает:

— Все нормально. Рут, не нужно смущаться.

И… и я уже ничего не понимаю, что нужно, как нужно… снимаю с шеи четки, которые мне подарил Баба, перебираю их, сосредоточенно глажу, не видя ничего вокруг. Глажу, пока не устают пальцы, глажу эти (такие приятные на ощупь!) кругленькие шарики. Потом… зажав четки в горсти, слегка замахиваюсь, подскакиваю к Пи Джею и — швыряю их в физиономию, прямо в потную его физиономию, а потом — бегом на улицу.

Одно, только одно желание: спрятаться. Но он несется за мной следом и вскоре нагоняет, еще

бы не нагнать, сам-то в ботинках. Я резко оборачиваюсь, и мы сталкиваемся, от неожиданности он в меня врезается и хватает за руку, чтобы не свалиться. Опять я проигрываю, безнадежно. Я бы так и так проиграла, зачем же он меня еще хватает?

— Я уже как-то вас просила: не смейте меня трогать. Никогда. Мое тело принадлежит мне! И только мне — понятно?! Что лезешь, старый мудила? А не прошвырнуться ли тебе в город, там и найдешь себе подходящую дырку, усек?

Я отворачиваюсь и делаю рывок вперед. Все равно не отстает, я слышу равномерное шуршание под его подошвами.

— Вот было бы классно, вот бы я за тебя порадовалась!

— Вообще-то тебе полезней было бы поплакать, — говорит он.

— Ха-а! — Я смотрю на него через плечо и начинаю картинно хохотать. — Боже, какая была бы трогательная картинка… вот что вам нужно? Да?

Он пожимает плечами, обе руки засунуты в карманы.

— Нет, не так. Просто, почему бы и не поплакать, если хочется?

— Да катись ты… — Я иду дальше, он идет за

мной.

— У меня и в мыслях не было как-то тебя унизить… ущемить в правах. За этим отправляйся назад, в объятья Матери Индии. Вспомни, как *там* обращаются с женщинами. Ну да, ты не замечала все эти тихие хмыканья, гул, это витающее в воздухе неодобрение, любое ничтожество может войти и сказать: «О, да тут девчонка», и бедняжка, вся красная, пулей вылетит вон.

Я смотрю на него, какой-то еще гул придумал… Мне-то что? Мне обидно, что я сейчас чувствую себя второсортной дешевкой, оттого что я женщина. Ну что ж, пусть… лучше бы они вообще нас уничтожили, тогда их величествам мужчинам, по крайней мере, некого будет обливать помоями…

Пинаю камень, второй, третий…

— По крайней мере, они там честные. — Я поддеваю носком большой ком земли.

— Прости, не понял?

Такой умный, а не понял. И я очень медленно и четко выговариваю:

— Они там, в Индии, более честные, не скрывают своей ненависти к женщинам.

— Лично я не испытываю к женщинам ненависти, люблю милых дам.

— Да что вы? — говорю я, делая вид, что еле сдерживаю зевоту. — Дамы — это не для вас, вы наверняка предпочитаете иметь дело со смазливыми куколками. «Ой, какой ты умный, ты просто супер. Жутко хочу в какой-нибудь шикарный ресторан, пусть мне все обзавидуются, а уж после того, как я высосу из тебя кучу денег, может, так и быть, пососу и что-нибудь еще…»

Никакого впечатления, только скользнул по мне глазами. Я сворачиваю в сторону и сажусь на большой плоский камень. Чувствую, как стучит в висках.

— Могу я наконец побыть одна? Совсем одна?

Он осматривается, настороженно вглядываясь в каменистое плоское пространство.

— Ладно, только скажи, в какую сторону мне надо идти.

12

Рут хочет взять тайм-аут — да ради бога! Середина дня, часа два. Идет наш второй день, сегодня двенадцатое декабря. По-моему, вторник. Вот что занимало мои мысли, когда она вошла и заявила, что ей хотелось бы перекусить на воздухе, — да на здоровье. Честно говоря, я даже благодарен ей за эту передышку. Надо же, все продолжает отчаянно защищаться, сводить со мной счеты. То, с чем она так носится, мало меня трогает, вернее, вообще не трогает. Если разобраться, все ее поиски Абсолюта замешаны на гордыне и кажутся мне совершенно никчемными. Когда топаешь ножкой, стоя в трясине и почти ничего не зная про свое болото, рано или поздно непременно увязнешь. Так-то, милая девочка.

Скучно тут или весело? Весело. Мне — точно. Она ревниво отвоевывает свой маленький клочок пространства, мечет громы и молнии, никого и ничего не замечая вокруг. Ситуация такова, что приходится на многое закрывать глаза. Ее во всем слегка заносит, причем амплитуда настроений очень велика: то вся вибрирует, как

натянутая струна, то шалит, то агрессивна до грубости, то просто агрессивна… Когда как струна и просто не подступись, это разжигает мой азарт; когда начинает буйствовать и шалить, я знаю: боится случайно слишком себя раскрыть. А агрессивность, в сущности, просто каприз, лишь бы назло мне. Но нам, специалистам, не положено сердиться на жертву психического насилия: ее разум загнан в капкан, она пленница ашрама и готова кишки из меня выпустить, если я посмею хоть намеком задеть сию священную обитель.

Не давать воли своей злости — это не единственная проблема. Вторая куда серьезней. Женщины строптивы и изворотливы, ни одному мужчине не дано окончательно укротить эту непредсказуемую стихию. Все твои прежние «смазливые куколки» и их болтовня не в счет. Нынешние девицы куда более уверены в себе, умеют добиваться цели, им уже не требуется изображать милое воркование за чашечкой кофе, и все равно эти бесконечные выверты, ей-богу, это часть их натуры, на генетическом уровне. Возможно, природа помогает женщинам таким образом восстановить справедливость: они доводят нас своими выкрутасами до умопомрачения, и мы уже готовы уступить им в чем угодно.

Не скажу, что меня порадовал этот ее выпад относительно ненависти к женщинам. Это я-то женоненавистник? Если честно, мне было горько все это выслушивать, тем более что в гневе она просто восхитительна, это я успел заметить. Конечно, мне же спокойней, что она не замирает от восторга при виде моей персоны. Но ощущать, что я ей противен, обидно, и весьма. Как она вырвала свою руку — даже не скрывая отвращения! Это уже перебор. Я не претендую на роль неотразимого мужчины, впрочем, если говорить об обаянии интеллекта, то все-таки претендую. Да и смотрюсь я совсем не плохо, отнюдь не уродец.

Ну ладно. *Раз ей нет до тебя дела, то и тебе нет до нее, ясно?* Яс-с-с-сно. Вот и спасибо. От этого и будем плясать. Никаких личных чувств, только работа. Повесь перед собой табличку «Опасная зона», чтобы не провалиться в какой-нибудь люк.

Кстати о работе, фокус с умыканием сари кое-что прояснил: для истинного адепта, помешанного на духовности, всякие балахоны и сари дело десятое, а она вон простынку нацепила. И еще я доволен тем, как сложился разговор о природе веры, цитатки привел убедительные. Хотя не уверен, что мои выпады в адрес Баба хоть немного ее растормошили, что она не так истово

будет твердить: «я просто чувствую, значит, так оно и есть».

Большинство верующих именно просто *чувствуют*, не вникая в суть того, что с ними проделывают, они жаждут либо свободы, либо любви — в зависимости от того, чего раньше недополучили. Они не хотят думать о том, что их упоительно-новые переживания вызваны вульгарным обманом. Что это подтасовка и умелый расчет, то есть самое настоящее манипулирование. Как бы то ни было, оно действует безотказно.

Помню, как самозабвенно рыдала одна моя приятельница, билась в истерике оттого только, что ее приголубила Святая. Причем эту Святую она видела в первый раз и до этой минуты ни во что не верила. Ни во что! Ни намека на религиозную экзальтированность или склонность к мистике. И тем не менее не поленилась отстоять кошмарно длинную очередь, на самом солнцепеке. Пока стояла, много чего насмотрелась и наслушалась, и тех, кто проливал горькие слезы, тоже. Короче, когда она явилась пред очи Святой, то у нее тут же вылетели из головы все заранее приготовленные вопросы. Она сказала мне, что почувствовала себя совершенно голой и беспомощной, не знала,

что ей дальше делать. Святая тоже ничего не делала и не говорила, только безотрывно смотрела ей в глаза. И что же? Моя приятельница вдруг начала вдохновенно выкладывать ей все свои грешки и дурные качества, все то, что скрывала годами: какая она бывает лицемерка, как много в ней зависти… зависти и злобы. Все это она изливала, припав к коленям Святой, после чего та крепко ее обняла. И тут знакомая моя испытала полный катарсис и разразилась слезами, теперь уже припав к груди Святой.

Позже она рассказала мне, что у нее в те минуты возникло такое ощущение, что эта женщина давным-давно ее знает и готова принять на себя всю ее боль, и главное, понимает, откуда эта боль. Короче, это сочувствие и абсолютное понимание было как целительный бальзам. Бальзам для ее душевных ран. Но я должен добавить к рассказу моей милой Джойс один штришок: в шесть лет она лишилась матери. И Святая мгновенно определила, в каком ключе нужно священнодействовать.

Рут зачем-то собирает средней величины камни, придирчиво каждый рассматривает, складывает их в кучку, уже довольно большую, все ровные и беленькие. Я спугнул ее, когда от-

правился по надобности, она тут же плотнее запахнула свою простынку. «Кар-кар» — вдруг доносится из туалета: туда залетела та тощая облезлая ворона. Усевшись, я начинаю бросать в нее скатанные из бумаги пульки, но она даже не боится, тюк-тюк клювом о дерево, скачок, и снова — тюк-тюк. Не собираюсь никому навязываться. Подожду, когда эта девчонка сама подойдет и первой начнет меня клевать: тюк-тюк.

В холодильнике имеется торт со взбитыми сливками, выглядит как домашний, а не покупной. Хотел отхряпать кусище, но не стал, нарезал торт пристойными клинышками. А то вдруг Рут захочет полакомиться, особенно если решит, что я не ожидаю от нее не подобающего «познающим Истину» чревоугодия. Хуммм…[44] натуральные яйца, поистине золотые, драгоценное, без всяких консервантов, варенье… ммм… обожаю варенье и взбитые сливки. Теперь женщины больше не пекут, по крайней мере, моя… Говорит, что если хоть раз что-нибудь испечет, я от нее потом не отстану. Так-таки не отстану? Точно, она абсолютно права. И еще говорит, что лучше тоже будет

[44] Примечания: 44

Биджа-мантра «хум» — символ освобожденного разума. В данном контексте обыгрывается как часть «лотосовой» формулы «ом мани падме хум», одно из значений которой: «Слава драгоценности в лотосе».

зарабатывать деньги и что это мне понравится больше, тем более что я не привык иметь дело с работающими женщинами. М-да, теперь дамы очень сообразительные, требуют: долой рабство, подавай им независимость. Кэрол утверждает, что все эти споры о женской независимости стары как мир, но не так уж и бессмысленны.

С трудом оторвавшись, засовываю оставшуюся четверть этого чуда обратно в холодильник, с полочки скатывается помидор и летит мне под ноги, на пол. Ба-а, да его давно пора подмести, а еще лучше вымыть. Подметаю, потом прохожусь шваброй. Отлично, люблю наводить чистоту, это процесс сугубо творческий: чем больше делаешь, тем больше обнаруживается дел.

А в этих культовых резервациях сплошная рутина и строжайшая дисциплина, все кришнаитские общины придерживаются примерно одного распорядка:

3.30. Подъем, водные процедуры.

4.15 — 4.30. Обряд утреннего, «предрассветного» поклонения *(Мангала-аратри-*

ка[45]*).*

5.00. Пение *джапа*[46] (мантра «Харе Кришна»).

7.30. Чтение священных книг и проповедь (иногда опять поют).

8.30. Завтрак. Завершение утренних обрядов.

9.00–12.00. Решение всяких хозяйственных и прочих насущных проблем.

12.00. Дневная трапеза *(Прасадам*[47]*).*

13.00–15.00. Хозяйственные дела, обсуждение планов на завтра.

16.15. Дневные молитвы.

17.30. Душ, обед, свободное время.

19.00. Вечерние занятия в храме.

20.00. Отход ко сну.

---

[45] Примечания: 45

Аратрика — обряд поклонения. Обряд включает в себя (в зависимости от времени суток): радостные песнопения, подношение вкусной еды, воскурение, украшение алтаря цветами, зажигание масляных светильников.

[46] Примечания: 46

Джапа *(санскр.)* — ритуальное повторение мантры, должно производиться непрерывно без какого-то либо осмысления.

[47] Примечания: 47

Прасадам состоит из приготовления пищи, подношения ее алтарному изображению (мурти) Кришны, затем — общая трапеза. Поскольку Кришна в земном своем воплощении (аватаре) заявлял, что готов принять «лист, цветок, плод или воду, если кто Мне приносит с любовью», адепты не употребляют мяса, рыбы, яиц и консервов. Считается, что

Прасадам, совершенный в храме, вкупе с распеванием гимнов и зачитыванием сцен из жизни Кришны, невероятно просветляет разум.

Примерно то же самое у мунитов, четыре-пять часов на сон, то же жесткое расписание; если выбираются наружу, то толпой, продают всякие безделушки, побыть одному в принципе невозможно, любить положено всех без изъятья, говорить каждому и о каждом только хорошее. «Ты такой(ая) замечательный(ая), энергичный(ая), добрый(ая), красивый(ая), умный(ая)». В целом все очень напоминает армейские порядки, но есть несколько принципиальных отличий: в армии нет единого всевластного лидера, нет столь полной изолированности от внешнего мира, а идеологическая обработка личного состава не подразумевает строжайшего запрета иных точек зрения. Я знаю, о чем говорю, — сам служил во флоте.

Снова украдкой наблюдаю за Рут. Все возится со своими камешками, теперь уже раскладывает их, очень аккуратно, получается нечто вроде рокария. А что, сюда бы еще низеньких кустиков, и отлично будет смотреться.

Особого выбора для нас с Рут не осталось, пора найти верный путь. А мы все еще в темной пещере и почти не приблизились к выходу. Но скоро она поймет, что заблудилась, и сама захочет опереться на мою руку, захочет, чтобы я вывел

ее на свет.[48]

15.05. Заварил чайку. Небо — невероятной голубизны, оно кажется мне неестественным, не привык я к таким чистым краскам. Все очень яркое: терракотово-красная земля, отливающие серебром травы, зверье всякое, будто только что сошедшее с Ноева ковчега. Да-а, просторы, черт возьми. Очень мне это нравится, я и Америку люблю за широту и размах… нужно бы звякнуть Кэрол, сколько часов у нас разница? Что-нибудь запредельное, наверняка не меньше четырнадцати. Дьявольщина, значит, у нас там сейчас пять утра, она же разнесет меня в клочья. Так что перебьешься, лучше следи за Рут, не отпускай поводья, того и гляди, натворит что-нибудь еще.

Выношу поднос с чаем, Рут даже не оборачивается в мою сторону, с неистовостью пылесоса обихаживает свои камешки, убирает лишние комочки земли. Ага, увидела-таки. И не собираюсь к ней подходить, еще чего, усаживаюсь на ступеньку и пью чай. Она — топ-топ-топ ко мне, хватает свою чашку, бурчит «спасибо» и — отбегает. Я иду

---

[48] Примечания: 48

Косвенная ссылка на философский миф Платона о пещере («Государство», гл.7). Узники, прикованные к стенам пещеры, настолько привыкли к темноте (невежества), что когда их освобождают, чтобы вывести наверх, они сопротивляются из-за страха ослепнуть от яркого солнечного света (т. е. света знания).

в дом, она следует моему примеру.

В доме тепло, это радует. Мы рассаживаемся по привычным уже местам. Она, поджав скрещенные ножки, устраивается на зеленой кушетке, я плюхаюсь в кресло (ноги уже не задираю, чинно ставлю на пол), оно обито кожей, не то красной, потемневшей от старости, не то бордовой. Я красные тона не очень хорошо различаю. Нет, я не дальтоник, просто плохо знаю названия оттенков.

— Опять будете задавать всякие вопросы? — спрашивает она.

— Если хочешь, могу, — старательно изображаю полное равнодушие.

— Валяйте.

— Все-таки немного любопытно?

— Немного.

— Ладно, поехали. Чтобы попасть в ашрам, обязательно нужно быть красавицей?

Долгий глубокий вздох, чувствую, что опасается подвоха. Большим пальцем и указательным левой подпирает голову, локоток — на правую руку. Опять вздыхает.

— Красота существует сама по себе… нужна она кому-то или нет, откуда мне знать? — А у самой лицо каменное — как, впрочем, и у меня.

— Ну а если и нужна, то только всяким засранцам?

— Может, и так.

Я в ответ выразительно развожу руками.

— Ну что ж, каюсь. Были и в моей жизни красавицы, топ-модели. Моя бывшая жена была манекенщицей. Немного сумасшедшая, имелся у нее один пунктик: обожала говорить всякие гадости о толстяках. Правда, сама она выглядела отлично.

— Вот умница.

— В каком смысле?

— В таком, что выглядела отлично.

— Что-то я тебя не пойму.

— Как это печально.

— Да что ты, неужели? Можешь считать меня тупицей, но я действительно не понимаю, на что ты намекаешь.

Опять глубокий вздох, быстрый взгляд из-под опущенных ресниц. Указательный палец, упершийся в висок, начинает нетерпеливо крутить прядку волос.

— На ваше отношение. Вы говорите, что она отлично выглядела, и поэтому ей простительно было говорить гадости о толстяках.

— Почему простительно? Я просто сказал, что

она их говорила.

— Вы сказали: «Правда, сама она выглядела отлично».

— Да, выглядела. А сама ты никогда никого не критикуешь?

Думает.

— Толстяков — никогда.

— С тобой когда-нибудь поступали нечестно?

Молчаливый кивок.

— Значит, ты знаешь, как это бывает больно?

Чувствую, я здорово пал в ее глазах после своего пассажа о красоте, вот она и решила меня, похотливого «засранца», подловить: уличить теперь уже в женолюбии. Забавно. Откашливается и крутит несколько раз головой, не глядя на стол, передвигает правой рукой чашки, я наливаю чай, Рут наливает себе молока и снова садится в свою излюбленную позу, скрестив ноги, берет сэндвич, потом крекер, — все только правой, как положено индусским женщинам. Подходящий момент рассказать что-нибудь о себе, внести «личную» ноту.

Да, давно пора, а то уже тошнит от роли занудствующего всезнайки, надоело… Бытовые подробности и антураж Рут ни к чему, сосредоточимся только на Адаме и Еве. И, разумеется, ни

слова о толстяках.

— Брак наш был не самым удачным, если честно, в нашей с ней жизни было гораздо больше вражды, чем любви. Жена моя. Тони, все время старалась мне за что-то отплатить, но выяснить — за что, мне так и не удалось. Она терпеть не могла, когда я о чем-то спрашивал, почему-то мои расспросы пугали ее, и она становилась еще более нервозной. «Давай об этом не будем». Давай. Можно и о другом. Но опять: «давай об этом не будем». В конце концов накопилось столько запретных тем, что разговаривать стало почти не о чем. До того дошло, что она предложила считать наш брак свободным. Ладно, решили. И началось. Вечеринки с запиранием в чужой спальне, несусветные выходки, причем я в сравнении с ней был просто дилетантом. У нее — дружки, у меня — подружки. И вдруг умирает ее отец и оставляет ей немного деньжат. Мы отправляемся в Индию. Но — угораздило же — не одни. Вшестером нанимаем маленький автобус. Она строит из себя неизвестно кого и в то же время вульгарно заигрывает с моими приятелями. А потом я узнаю, что она успела где-то переспать с Томом, с лучшим моим другом. В общем… избил я его, забрал свои вещички, дальше автобус отправился уже

без меня.

Периферийным зрением я вижу, как Рут водит ступней по полу. Потом снимает с подошвы впившийся туда камешек и кладет рядом с собой. Движения ее ступни вызывают в моей памяти жуткие кадры и тогдашнее ощущение распирающей ярости… Вот женщина у дороги, продающая арахис, и следующий кадр — моя собственная ступня на шее у Тома, я прижимаю его к земле, потом — мой же кулак, бьющий в то же место, в кадык. Его руки, пытающиеся заслонить лицо. Мои кулаки, дорвавшиеся таки до его скул и подбородка. Рука женщины, судорожно сжимающая двойной, похожий на младенческую попку, орех. И повсюду вокруг — кровь…

— Мне хотелось одного — сдохнуть.

— Почему?

— У меня ведь ничего не осталось: ни жены, ни друзей. Представь: ты совсем один и никому не нужен. Тогда меня и занесло к некоему Сингху, в Гоа. Там у него было что-то вроде своего собственного Диснейленда. Свое уличное освещение, свое кафе, своя больница, своя школа, свой молитвенный дом. Когда я к ним завалился, жара была невыносимая, ну, они накормили меня, дали мне мятной воды и рису. Я потом практически не

вылезал из туалета.

Никаких комментариев… сосредоточенно похлопывает по губам прядкой волос.

— Впрочем, это детали… Что было дальше. А дальше все мы, американцы, в полном составе собирались под крылышко Сингха и, не сводя с Учителя преданных очей,[49] начинали травить всякую затасканную ахинею, причем каждый старался выбиться в любимчики. Садились в круг, и — кто кого переболтает, зубрилы хреновы, а-атличнички. А что обсасывали? Как правильно кланяться, каков индекс интеллектуальности Благословенного Первоучителя, доказывали с пеной у рта, что чувственный мир — это сплошное мошенничество, так сказать, иллюзия, и хвастались, кто что пожертвовал, какие безделушки. Сингх любил нас больше, чем сто тысяч братьев. Куда до него западным мамашам и папашам, те заняты только собой. Дедули и бабули тоже не лучше — порхают где-то на стороне, вместо того чтобы пасти своих внучат. «Твое „я“ должно постичь, что его не существует; а душа твоя только тень». Вот что было у меня на уме, до того допо-

[49] Примечания: 49

Второе название сингхизма — «гурумата», что означает «решение гуру». Из поколения в поколения гуру передают друг другу «откровение» Первоучителя, то есть самого Бога.

стигался, что окончательно зациклился на Боге. «Хочешь знать Истину? Тогда верь: „Бог един, Он — имя Истины, Он — Создатель“». И я верил.

Встаю и иду к холодильнику за водой. Потому что горло все пересохло, хотя только что пил чай. Рут — сама! — хватает бутылку и наливает и мне, и себе. Я жадно пью и продолжаю свою исповедь:

— Окончательная моя капитуляция свершилась в тот день, когда он пришел к нам на веранду, где спали мы, американцы. Кроме меня там было еще четверо жаждущих познать истину бродяг, но он направился мимо них прямиком ко мне. Начал о чем-то вполголоса балагурить, и я уже больше ничего вокруг не видел и не слышал, млея от блаженства и благоговения. Я уже не сомневался в том, что он посланец Господа. Мы заключили друг друга в объятья, он остался со мной. Сколько это длилось? Не знаю. Но для меня это время пролетело, как несколько минут, если не секунд. Ни слова не помню из того, что он вещал, помню только, что меня всю ночь лихорадило от восторга, а утром я был уже целиком в его власти. Я делал все, что ему было угодно. Перепечатывал на машинке его переводы, помогал проводить молитвенные сборища, мне все было

мало, хотелось совершить что-то еще и еще. Если случалось какое-то, скажем так, недопонимание, несправедливые претензии, я кротко терпел, я знал, что Учитель испытывает меня: достаточно ли я предан. Все, что бы он ни делал, было благословенно и иным быть не могло. И вот настал день, поистине исторический, когда он позвал меня в свои личные апартаменты и тут же сердечно обнял. Я понял, что я действительно его Избранник, что он отличил меня среди прочих, и чуть не умер от счастья. Но в следующую минуту он расстегивает мне ширинку, извлекает на свет божий мужские мои причиндалы и начинает их гладить и ласково так разминать…

В комнате вдруг стало тихо-тихо. Рут смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Оказывается, она способна сидеть абсолютно спокойно: не почесывает руку, не качает ногой, не подергивает носом. Это в первый раз.

— А вы что?

— Погоди минутку.

Я отпиваю из стакана воды, немного расплескивая, и приходится вытереть дрожащие пальцы.

— Ну? И что же было дальше?

Я снова начинаю говорить, но снаружи, откуда-то сверху, доносится характерное механическое

жужжание. Я умолкаю на полуслове. Мы смотрим на потолок, потому что звук мотора становится все громче, это — самолет. Рут, разумеется, тоже его слышит. Из окна видно, как он снижается.

— Что это с ним?

— Не знаю.

— Тут где-нибудь поблизости посадочная площадка?

— Понятия не имею, наверное, он что-то разбрызгивает.

Она слышать ничего не хочет о самолете, ее интересует лишь то, что у нас с Сингхом происходило дальше.

— Что я? Да ничего. Собрал вещички и сбежал из ашрама, причем побег мой был обставлен в духе третьесортного триллера. Два года… целых два года я там проторчал и сам не понял, как превратился в жалкого раба. Боже, как я тогда трясся, кожей чуял, что он где-то рядом меня подкарауливает! Я выскользнул через черный ход на грязные задворки. Оглянулся — никого. Иду, а сам думаю: закрыты ворота или нет? Только дойдя до последнего дома, разглядел, что они закрыты, но боковая калитка — ура! — распахнута настежь. Прибавил шагу, только что не бегу. Как назло, меня замечают несколько моих знакомых,

я пытаюсь быстренько от них отвязаться, на ходу треплю загривок нашего пса, Манги. И тут появляется ОН, Сингх, преграждает мне путь. Он грозен в своей красной хламиде, он смотрит мне в глаза, и мне сейчас придется его обходить. Но только я делаю первый шаг, он начинает рычать, очень громко и натурально, настоящий лев. «Уррр, уррр». С каждым моим шагом он рычит все громче, а когда я оказываюсь рядом, рык становится до того свирепым, что сердце у меня уходит в пятки. И в этот момент он шипит: *«Твоя любовь была только видимостью, истинной же любви не было, ты — лицемер».*

Р-р-р-р-р-р-р — опять тот самолет. Я прислушиваюсь, Рут спрашивает:

— О господи, что же он имел в виду?

— Он? Ну… я так понял, что… гм… он обиделся на то, что я не воспылал и ему не удалось меня трахнуть.

Рут обдумывает мои слова, водя пальцем по ободку стакана.

— А вам не кажется, что он действительно вас любил?

— Рут! Мне казалось, что он — Бог!

— О-о!

Еще немного подумав, она наконец вроде бы

меня поняла. Следя взглядом за самолетом в окне, бормочет:

— Да-а, как-то фигово вышло.

Дры-ЫЫЫнь!

Это заверещал мобильник, мы подскакиваем от неожиданности. Я вынимаю его из кармана. Звонит Мириам, голос у нее дрожит, она еле дышит.

— Как вы там, как Рут?

— Она слушает, сейчас очень ответственная стадия.

— Да? Прекрасно. Вы слышали мотор самолета?

— Да, слышал.

— Прекрасно, а то… ха-ха, тут такой кошмар. Ха-ха-ха. Нам позвонили из диспетчерской, служба дорожного авиаконтроля. Знаете, им только что позвонил летчик.

— Понятно. А в чем, собственно, проблема?

— Они… ха-ха-ха… спрашивают, не требуется ли помощь, что будто бы там у вас рядом с домиком — какой-то знак.

— Что?!

— Ну да, слово, сложенное из камней…

— …Они сейчас приедут?

— Нет-нет, я сказала, что это просто шутка. Больше ничего не пришло в голову.

А, черт, что же делать? Выскакиваю и несусь к камешкам, которые Рут сегодня раскладывала. Действительно из них сложено нечто, хорошо заметное сверху — белые камни на фоне терракотово-красной земли: «ПОМОГИ». У «и» не хватает последней палочки (не успела!), оно похоже на латинское «V». Victoria, победа. Ясно: «вау, мы победим». А я-то, хорош, куда смотрел! Это уж совсем… Окончательно потерял бдительность, кретин. Вот она, месть за сари… Я обязан был предвидеть какую-нибудь ответную выходку. М-да, наш договор относительно трех дней Рут интерпретирует слишком вольно. Я готов бросить ей вызов, сделать нечто неожиданное для всех.

Тихонечко вхожу в дом, глаза мои какое-то время привыкают к свету. Рут лежит на полу, на животе, болтает ногами. В руках у нее — фотография. Я вижу, как она прижимает ее к губам. Неслышно подкрадываюсь. Осторожнее… останавливаюсь почти рядом с ее головой.

— Что сделал бы гуру с непослушной ученицей?

Она пылко целует фотографию с изображением стоп Баба, даже не замечая, что я рядом.

— Не зна-а-аю, — с вялым равнодушием.

— Сказал бы что-то вроде: «Пока предупреждаю,

но чтобы больше ничего подобного!»? Или сделал бы вид, что ничего не заметил?

Она переворачивается на правый бок, не выпуская из руки фотографию.

— За систематическое непослушание он просто вышвырнул бы из ашрама.

— И по-твоему, это было бы справедливо?

Она на миг задумывается:

— Да, в общем, да.

— Отлично. — Я опускаюсь на колени и — пытаюсь ее поднять. Сначала она весело хихикает, потом начинает злиться и отбиваться. Хватаю ее за руки и тащу к двери, она даже пытается меня укусить, но — не удается. Потом кричит, чтобы я не смел, не смел ее трогать. Похоже, каждое мое прикосновение она воспринимает как домогательство. Ну а я швыряю ее на землю, посреди каменных букв.

— Ты… ты ведешь себя нечестно, — говорю я.

— А вы… вы хотите со мной переспать, — парирует она.

13

Конечно, хочет. Как он меня швырнул! Наглый тип! Я, видите ли, нечестная. «Ты ведешь себя нечестно!», и трясет передо мной пальцем — *ты… ты.* Это все из-за того, что я никак не расколюсь. И конечно, он не просто так меня хватал, то за руки, то за талию. Разве *просто так* станет кто-нибудь липнуть? Вот это самое противное, когда имеешь с ними дело, с парнями. Сижу среди камней и рассматриваю ссадину на руке, коленка тоже ободрана. О-о! Как же громко я ору:

— А то нет! Ты, притворщик хренов! Распускаешь, чуть что, руки, потому что я не собираюсь пластаться перед тобой, как все эти твои цыпочки.

Щелк-щелк — это я, не помня себя от бешенства, ломаю пальцы, нервно щелкаю суставами. Я точно знаю, что он хочет со мной переспать, потому так прямо и сказала. А он пристально смотрит на меня, ледяным взглядом, и молчит. Я отвожу глаза… растущие вразброд деревья, холмы, все вдруг стало холодным и смурным, как будто он призвал их ему посочувствовать, поддержать его

справедливые упреки. Так тянулось и тянулось… потом он наконец подошел и, глядя на меня сверху, сказал такую пакость, хуже не придумаешь. Сказанул, ни разу даже не запнувшись:

— Не всякое прикосновение означает желание. Но ты, — и он опять потыкал у меня над макушкой указательным пальцем, — ты не можешь даже вообразить, что бывает что-то иное, верно? Потому что вбила себе в голову, — он выразительно постучал себе по виску, — что все тебя хотят. Ты нещедрый человек, Рут. Среди моих знакомых мало кто может потягаться с тобой в черствости. Не могу себе представить, чтобы ты просто так, без всяких расчетов, кого-то обняла, подарила себя.

Это здорово меня задело. Я совсем не такая, просто он меня не знает.

— Мы заключили договор, Рут. А ты его нарушила.

Подумаешь! Да, я пыталась вырваться на свободу. Сволочи поганые, затащили меня обманом, потом еще и в эту халупу упрятали. Что, дяденька, забыл? Договор… тоже мне Мефистофель… хи-хи-хи, можно подумать, душу мою купил… Нет, на дьявола он явно не тянет. Так я ему и сказала. Эффект был чумовой! Понесся как ошпаренный к

дому, но на середине пути его вдруг застопорило. В тот момент я здорово струхнула, ну, думаю, сейчас изобьет. Лежу ни жива ни мертва и только считаю про себя: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь… Смотрю, он разворачивается и идет… и сейчас — вот сейчас! — на меня наступит… одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать…

— Как тебе известно, я люблю, чтобы был порядок. Будь добра, положи эти камешки так, как они лежали раньше!

Вот идиотизм, и с чего он так распсиховался, сам же первый начал, не наговорил бы мне гадостей, я бы и про дьявола не ляпнула. Если честно, он здорово меня обидел, можно сказать, плюнул в душу, и религия тут ни при чем. Оттаскиваю камни — пока снова в кучу, хоть это меня и бесит. Почему оттаскиваю? Не хочу, чтобы он считал меня безнадежно черствой, неспособной «просто так» кого-то обнять. Глупо. Глупо было приплетать дьявола, ведь в тот момент победа-то была моя. Дура я, дура, подбросила ему такой козырь! Пусть говорит что угодно, я умею быть щедрой, отдавать себя всю… У меня уже было это.

Складываю камни в кучу, а в голове: «…закрепим тему: итак, ты создаешь свою собственную

реальность».[50] Но при этом Баба сам говорит, что только на Западе «я» подменяет Бога, и еще про то, что «я» — это зеркало, которое бесконечно все искажает. Я пытаюсь вспомнить, что он говорил о единстве, о том, что все мы едины. Концепция неделимости[51] жутко интересная, но только почему-то сразу вылетела из головы.

Паршиво, что мистер Глаженые Джинсики впихивает мне в глотку свои представления о том, что такое реальность, впихивает, хотя сам повторяет только чужие слова.[52] А самое отвратное вот что: мои собственные знания, полученные в результате коллективного постижения, — какие-то рыхлые, клочья разрозненных сведений. В наших брошюрках ничего конкретного. Действительно, начнешь сомневаться в том, что нужно

---

[50] Примечания: 50

Видимо, речь о том, что воспринимаемой нами — на чувственном уровне — реальности на самом деле не существует, материальный мир, если следовать философским системам индуизма, лишь иллюзия (майя).

[51] Примечания: 51

Согласно одной из интерпретаций древних трактатов «Упанишад», индивидуальное «я» (атман) неотделимо от Абсолюта (Брахмана). Освобождение от «майи» состоит в том, чтобы преодолеть свою «самость», разрушив барьеры невежества, достигнув таким образом Истины, которая включает в себя «чистое бытие», «чистое сознание», «чистое блаженство».

[52] Примечания: 52

По индуистским канонам духовный наставник должен передавать

ученику лишь то, что постиг сам через интуицию и опыт.

заглатывать всю эту ерунду, что она выведет на правильный путь. Я ведь никогда и ни о чем не спрашивала, если интуитивно чувствовала, что Учитель прав.

А что, если Пи Джей специально сбивает меня с толку? Чтобы заманить в постель? Доказывает, что я чересчур эгоистична, втайне надеясь, что я поддамся и тогда он сможет меня трахнуть. Одна часть моего сознания твердила: «А ведь он прав, я жадина, все только себе, ни с кем не считаюсь, никому ни в чем не уступаю»; другая ей возражала: «Да мало ли что он несет, не напрягайся». Такая раздвоенность — участь всех, у кого сильная интуиция, вечно ищешь подвох и все пытаешься вычислить, права ты или нет, и так противно даже думать о том, что этот подвох есть. Попробуй-ка тут защитись…

Тащусь в дом, где, урча от удовольствия, накидываюсь на оставленную мне четвертушку торта. Какой обжора, а ведь не подумаешь, что он из тех, кто заедает стресс сладеньким, вроде бы такой волевой, не то что я… Опять уже перемыл всю посуду, еще одно доказательство моей безалаберности и эгоизма. Мне делается стыдно. А этот тип уже развалился в своем кресле, ждет. Ну а мне-то что делать? Сесть напротив? По его милости мне

так не по себе, словно я должна быть еще и благодарна ему… за то, что он сюда притащился.

Разболелась голова, дико неохота клянчить у него таблетку, но — придется. Господи, до чего же грязные у меня ноги и до чего же я устала.

— У вас есть что-нибудь от головной боли?

У него есть аспирин, ему велели постоянно его принимать, аспирин разжижает кровь. Беру три таблетки. Говорить вроде бы особо не о чем. Смотрю Пи Джею в глаза, оказывается, они у него карие. Он улыбается мне, и тогда я говорю:

— Я пойду посплю.

— Давай, еще успеешь.

— То есть?

— Иди и спи, если хочешь. Они подъедут только в семь тридцать.

— Кто?

— Твои. Тим, Мириам, Ивонна. Заберут нас, посмотрим там, на ферме, одну пленочку.

— Какую еще пленочку?

— Увидишь.

— Что-то вроде «Я оставил свои мозги в Индии»?[53]

Он даже не улыбнулся, только изобразил апло-

---

[53] Примечания: 53

Намек на известную американскую песню «Я оставил свое сердце в Сан-Франциско».

дисменты. Давай, давай, пожалей бедняжку, ведь ничего у него не клеится, еще охмури его… он по крайней мере пользуется дезодорантом.

Иду в душ, предварительно кротким голоском поклянчив: «А можно мне, ради Христа!» Но сначала надо зайти в спальню. Шкаф — нараспашку, и я натыкаюсь взглядом на свое отражение в зеркале, приклеенном к дверце изнутри. Настоящее привидение, и сама не очень понимаю, что меня так тревожит. То, что эта комната такая… безликая, или мое собственное лицо, которого тоже как бы нет, лицо призрака? Здесь жарища, но меня почему-то слегка знобит… какая-то смутная мысль бродит в моей голове. Короче, прикидываю, как определить, когда тебя *действительно* любят. И насколько можно быть в этом уверенной… если даже я сама испытываю чувство любви, значит ли, что то же самое чувствует тот, кого любишь? И что для меня все-таки было бы важнее? Что Баба, предположим, не любит меня, что ему нет до меня дела? Или что он не оценил мою любовь, не прочувствовал ее глубину? Или… или постепенное понимание того, что любовь сама по себе — лишь иллюзия, абсолютно бессмысленная. Я резко захлопываю дверцу шкафа.

Все, пора кончать с привидением, прочь простыню. Что же выбрать? Мамину, со сборочками, юбку из батика и цветной топик? Или то, что дала Ивонна: бордовый топик и леггинсы? Ладно, да будет юбка. Напялив ее, ощущаю себя нелепым манекеном, вещью, куклой в крохотном домике. Вот и хорошо, буду их куклой, а все мои страхи пусть останутся внутри моего деревянного тельца, как в сейфе.

Побалдев под душем, захожу в гостиную. Пи Джей нетерпеливо рыщет взад и вперед. Он тоже приоделся. Вырядился в чистые (точь-в-точь такие же!) джинсы, желтую рубашку и свои ковбойские башмаки. Увидев, что я не в простыне, изо всех сил старается сдержать улыбку и вдруг не хмыкнуть от удовольствия. По-моему, он даже хочет… готов встать на колени и поцеловать край моей юбки, бедненький.

Ч-черт! Как неохота уезжать! Сейчас все будут глазеть, как в театре. Я почему-то начинаю суетиться, меня слегка подташнивает, короче, психую. Пи Джей приносит мне воды, я пью стоя, даже не сажусь. Нервничаю ужасно. Тоже начинаю метаться по гостиной. О-о г-господи!

— А можем мы не ехать на ферму? Ну, пожалуйста…

— Нет, не можем.

Вот вредина. Так и знала, что скажет «нет». Какая довольная у него физиономия. Но почему? Почему я должна соглашаться на этот гнусный, никому не нужный спектакль? От злости пинаю ногой кушетку.

— Противно! По-вашему, это — демократия? Совсем со мной не считаетесь…

Он медленно проводит языком по нижней губе.

— Можешь ты прямо, без всяких фокусов, сказать: чего ты так боишься?

В том-то и дело, что не могу. И не хочу, чтобы он на меня давил.

— Нет.

— Ладно, нет так нет.

Тоска-а-а… Беру прядь волос и обертываю ими нос, нюхаю. Пи Джей — в который уже раз — вытирает платком лицо.

— Когда они должны приехать?

— Я уже сказал: в половине восьмого.

— А сейчас сколько?

— Без двадцати.

Как же мне фигово! Сесть, что ли? Неохота тащиться в спальню, не хочу оставаться с собой наедине. Сажусь, хлопаю себя по икре, смотрю

на свою ступню: носок ее крутится и крутится, помимо моей воли. Мы оба молчим, безнадежно молчим. Уже даже собираюсь уйти, но вдруг у меня вырывается:

— Интересно, а как обычно себя ведут другие люди?

Он пожимает плечами:

— Смотря какие, все разные.

Я и сама знаю, что разные… Я гляжу на него какое-то время, потом опускаю глаза. Какой смысл финтить? Я тяжко вздыхаю.

— В принципе да. Но я имею в виду тех, кто… с кем вы вот так же разговариваете.

— Я готов ответить. Интересно только, чем это тебе поможет?

Я до боли прикусываю губу. Чем-чем… а тем — узнаю хоть, как мне самой себя вести.

— Ну что ж. Как правило, после трех дней занятий мои подопечные ведут себя со мной примерно так же, как вели бы со всеми остальными, из «внешнего мира». Те же установки, тот же подход.

Он был прав… толку действительно никакого. Почему-то хочется плакать, но я сдерживаюсь, потому что слезы тоже штука бесполезная.

Он вдруг пытливо смотрит на меня, ну просто

пронзает взглядом. Машинально щупаю пуговицы на груди, украдкой провожу по ним пальцем. Нет, он просто смотрит, не на грудь. Сидит, чуть наклонившись, широко расставив ступни. Снаружи еще светло, но в доме — темень.

— А мы не могли бы поговорить на улице?

— Это слишком утомительно.

— А здесь слишком темно.

— Включи свет.

Я встаю, медленно пересекаю комнату, чувствуя на себе его взгляд. С трудом нащупываю выключатель, я вся напряжена, это похоже на изощренную пытку. Мог бы и сам включить, не заставлять меня перед ним расхаживать, как на подиуме.

Ламп тут всего две: одна над раковиной, другая над столиком. В результате — свет падает только на макушку Пи Джея, лицо его затемнено. Еле-еле плетусь назад — боюсь споткнуться, а все из-за того, что он за мной наблюдает. Сажусь и беру стакан с водой.

— Насколько хорошо ты себя знаешь, Рут?

Хо-хо, как рука-то трясется, с опаской ставлю стакан на стол…

— Без всяких рассуждений, просто ответь, — говорит он.

— Но я не хочу без рассуждений.

— О, я вижу, ты делаешь успехи. — Он хохочет.

— Я знаю себя, но недостаточно хорошо, — говорю я.

Тут он буквально заходится от смеха, даже хлопает себя по ляжкам. А в промежутке между стонами и «ха-ха-ха» спрашивает, как, на мой взгляд, вела себя я.

Я притворно зеваю, но на самом деле разговор начинает меня увлекать.

— Вам виднее, сами мне и скажите.

В ответ он резко откидывается назад: «ни за что», читаю я в его глазах.

Ну и ладно, могу и сама ответить…

— Вредной была и… мнительной.

— Чересчур мнительной. Сплошные подозрения.

— Ладно, проехали. Отьеб… отстаньте от меня.

— Много сквернословишь.

— Ну да, бывает.

— И частенько. Слишком часто. Итак, эта твоя подозрительность… в чем тут дело, а? Нежелание подчиняться, сопротивление, это естественно. Или тебя смущало что-то еще?

Я не понимаю, что он имеет в виду, поэтому напускаю тумана:

— Ну, не знаю. Наверное, мерещились какие-то слабости…

— Угху, — он тычет в меня пальцем, — в других?

— Не только в других.

— Это правильно, — говорит он. — Чужой дом невозможно переделать по своему вкусу.

Дом… я тут же представила, как я все тут переставляю, переделываю. В этом огромном кукольном домике. Вот было бы здорово. Явственно вижу, как хватаю своей ручищей злого карлика Пи Джея и зашвыриваю его на верхушку дерева, чтобы понял, кого ему нужно слушаться. И еще классная сценка: пальцы мои стягивают с него трусы, и я хлещу по маленькой заднице спичками. Пусть плачет, пусть заливается, а я, так и быть, дам ему пачку бумажных носовых платочков.

— А у Баба тоже есть слабости?

Я издаю недовольный стон, мне сейчас все по фигу, я все еще в кукольном домике.

— Ну да, естественно. Он же Просветленный, значит, виноват во всех грехах, ах он мошенник!

— «Ху-у-уммм»… — облизнув губы, он долго гудит эту мантру, уткнувшись в свой желтенький воротник. Издевается. Дескать, слава «Просвет-

ленному мошеннику»…

— Простите, — зачем-то говорю я.

— «Простите»? Да ты попала в самую точку. Они и есть мошенники. И дурят прежде всего самих себя. Куда приятней податься в святые, чем корячиться на пыльной фабрике. Почему бы не рискнуть? Почему не придумать себе что-нибудь большое и чистое? Надоело Чидаатме ходить с мозолями, и его — осенило.

— Как это — осенило?

— Очень просто. Решил объявить себя святым, постепенно вжился в роль Божьего человека… тут главное — хорошо все просчитать…

— Хватит. Заткнитесь. Думаю, все не так уж просто, кто бы ему поверил, если бы это была обыкновенная ху… гм… лажа?

— Как кто? Ну, вот ты, например. Как все происходило? Ты заранее внушила себе, что у тебя есть некое особое предназначение, что тебе необходимо посетить тех, кто сподобился благодати и стал святым при жизни или святой. Тебе захотелось увидеть их воочию, послушать проповеди. И когда они там в ашраме вцепились в тебя, ты тут же уверовала. Лиха беда начало. Ты возжаждала принести себя в жертву, это не ново. Люди любят жертвовать своими душами. Вау, я совсем уже

не я, вау, как мне теперь легко, ОНА забрала все мои тяготы, ОНА, божественная, знает, что и как. Теперь мне нужно только сесть вот здесь или здесь и предаться медитированию, вот под тем хорошеньким деревцем.[54] Ура!

— Ур-ра! — Я вскакиваю и, задрав юбку, показываю ему задницу. Он сует себе в рот два пальца — будто его тошнит, потом подставляет ладони под невидимую блевотину и швыряет ее в меня. Гадина. Это я о себе. Ведь даже не попыталась поймать, позволила себя забрызгать, но я тут вроде и ни при чем, снимаю с себя ответственность. И я вдруг понимаю: это же намек на то, что меня, дуру, просто заманили в ашрам, хотели меня поиметь. Но с какой стати я должна ему верить, а где доказательства? А у него сейчас неплохое лицо, твердое, даже решительное. О, черт, ну не то чтобы не верю, просто мне все равно. Господи, куда это он? Вдруг утопывает в свою комнату.

Шур-шур-шур.

И вот мне уже протягивают черную пластиковую папку, на обложке внизу, в прозрачном

---

[54] Примечания: 54

Намек на миф об основателе буддизма, принце Гаутаме (IV в.). Он шесть лет был аскетом, надеясь постичь причины и смысл человеческого страдания. И лишь в момент медитации под деревом «бодхи» его посетило «великое просветление», с того момента он и стал Буддой (*санскр.*, пали), что означает «просветленный».

прямоугольнике — бумажная полоска, на полоске напечатано: ЧИДААТМА-БАБА. В папке фотографии пятнадцатилетней девчонки: до и после. Произошло все, когда ей было тринадцать. «До» — девчушка в сари, с роскошными белокурыми волосами, держит в руке микрофон, да, славная малышка, длиннющие ресницы, ярко-голубые глаза. «После» — черная кожаная куртка, пирсинг: колечки, «гвоздики». На губе, на щеке, от щеки тянется цепочка к уху. Изнасиловали ее в тринадцать, когда она с родителями жила в ашраме. Запись: девчушка рассказывает, как телохранитель Баба привел ее в особую комнату с розовыми стенами и ковром. Посреди нее сидел маленький золотой Ганеша, она хорошо его запомнила, потому что ей захотелось такого же.

Ой, я же видела — точно! — дверь в эту комнату, но меня туда не приглашали, видимо, потому, что я уже старушка. Хи-хи-хи.

Ну и дальше, те же ой-ой-ой, ай-ай-ай… ей было велено лечь, поскольку она стала избранницей Баба. Ей выдали особую тогу, которую он потом снял, когда мазал ароматическим маслом ее груди, живот и то, что под животом. Сначала ввел внутрь пальцы, потом пенис; а когда она закричала, запихал пальцы ей в рот. Обошлось

без скандала, пока Баба не призвал ее снова. Тут уж Сьюзен раскололась, все выложила родителям. Те пожаловались в инстанции. Там им было сказано, что они «не так все поняли», после чего, засрамив, выставили. Потом последовали угрожающие звонки, обещания подать в суд за клевету.

Плюхаю папку на грудь, Пи Джей в одной футболке маячит на уровне холодильника, опять моет какие-то стаканы и чашки, а сам ждет, что будет. Вижу, как он ставит чашку на стол — стараясь не шуметь. Я снова вглядываюсь в фотографию Сьюзен: два нежных локона вдоль щек — совершенно одинаковой длины и абсолютно симметричные линии завитков. Я провожу пальцем по плавным изгибам этих локонов, сказочно прекрасных, обвожу глаза… как она, наверное, потом его кляла, бедная девочка, мне хочется крепко ее обнять и пожалеть.

Я переворачиваю страницу, с громким шелестом, специально, чтобы он услышал. Ага, услышал. Примерно такие же откровения. Монстр Баба сует свой член куда не положено, запугивает фанатеющих адептов. Внизу страницы небольшая пометка: один парень, француз, отдал концы, потому что вместо антибиотиков прини-

мал пыль, по которой прошел благословенный Баба. Умер от инфекции, от которой его вылечил бы любой уролог. Следующая страница: ферма, на которой жили еще прадед и прабабка адепта, отдана в дар… я листаю все медленней, все тише шелестят страницы.

Мысли начинают путаться, и я закрываю папкой лицо. В обычной жизни тоже чего только не бывает (уж мне ли не знать), но почему-то все предпочитают об этом не распространяться. В ашраме хотя бы никто не лицемерит, не прячет свою похоть. Боже, как разозлились на меня те двое парней, заранее — были уверены, что я их отошью. Один тогда мне сказал, с бешеным видом: «Я злюсь, потому что я урод, а мне хочется тебя поиметь».

Я почти готова была согласиться, меня легче всего взять честностью. Думаю, я могла бы подпустить к себе даже какого-нибудь хорька, если бы он вдруг сказал: «Да, я хорек, я вообще другой породы, но мне так хочется тебя трахнуть!»

Ей-богу, я бы полюбила его — за искренность.

14

Тра-та-та, тра-та-та, едут клоуны сюда, едут-едут наши братики. Откуда я это узнал? Ну кто еще будет так орать и каждую минуту давить на гудок! Жаль окрестности, завыванье гудка нарушает их мирный покой. Поразительно: Рут продолжает спать. Да, покоя осталось считанные минутки, поддержки *никакой* (в который раз уже я готов рычать из-за того, что меня так подвели с помощником!), мучительно стараюсь сконцентрироваться. Быстренько подвожу итоги и сочиняю резюме: *твоя истовая вера прекрасна, но нужно уметь на все смотреть трезво, иначе последствия могут быть чудовищными.* Та-а-ак, пробежаться по разным сектам, это можно, есть видеозаписи. Пока что дал ей досье на Чидаатму. Она думает, что хорошо его знает… нет, детка, я знаю его *гораздо лучше*, вот что я мог бы ей сказать. Или: *зло везде остается злом,* можно и не так категорично, в форме вопроса: *разве зло не везде одинаково?* Ты давай обдумывай, взвешивай, не стоит все принимать за чистую монету, мало ли что тебе наговорят. Некоторые утвержда-

ют, что зла вообще не существует, это высосанное из пальца понятие, условность, придуманная, чтобы добро выглядело более эффектно. Я бы им ответил: «Посмотрим, что вы скажете, когда сами столкнетесь со злом — нос к носу».

Слава богу, она сняла эту драную простыню, естественно, не потому, что охладела к Баба или разочаровалась в прелестях ашрама, нет, конечно. Но хорошо хоть сняла. Будет *знак* семье: есть успехи (надеюсь!). Да-да, я нашел подход, иначе и быть не могло. Итак. Никакой вивисекции, только полное внимание. Вытаскивать из этого помешательства надо очень-очень осторожно, чтобы твой подопечный не ощущал душевного дискомфорта. Тут уж будь любезен, выложись до конца, полная собранность, ни на миг не отвлекаться от объекта. Объекту же до того лестно твое внимание, что он оттаивает и перестает напрягаться. Бродит по комнате кругами, мычит, изображает слона, в чем-то помогает, чаще не изволит помогать, но, так или иначе, все больше становится самим собой. Особенно это заметно, если не позволять чересчур залеживаться на кровати, тогда человечек устает (и немудрено — всякие «слоновьи» и прочие игры утомительны), все виды напряжения спадают, защитные

рефлексы отключаются, и он уже тепленький, готов пойти на контакт. Примерно такая последовательность. Плохо, что я и сам устал не меньше, но зато нащупал много важных ниточек, и главное, все они — у меня в руках, чего не было бы при «перекрестной» схеме, то есть если бы мы работали в паре с помощником.

Чтобы подобрать ключик к Рут, мне пришлось делать ставку на ярко выраженную личностную доминанту. Этой девочке свойствен здоровый интерес к самой себе, вряд ли ошибусь, если скажу, что она готова до полного изнеможения копаться в своем «я», исследовать свой собственный мир, *внутренний.* Важный момент: она крайне негативно воспринимает мир внешний, существующие межличностные отношения, но при этом очень чутко реагирует на все, что вокруг нее происходит. Однако парадокс в том, что в ашрамах никого не волнуют твои персональные терзания и проблемы, в этом смысле там все довольно примитивно, ставка на стадные инстинкты. Не важно, кто ты и что ты. Туда порой заявляются жутко самодовольные кретины, и такими же самодовольными кретинами оттуда выходят, зато очень преданными своему божеству. Вот на это я и должен напирать, и еще на

старинное мудрое изречение: «Каялся дурак, что дураку кланялся», что некоторым образом означает — «не бойся развенчать кумира», точнее, идола.

Досадно, что постоянные нападки Рут не позволили мне действовать по апробированной методе, то есть потешить эту гордячку разговорами исключительно о ней самой. Слишком часто нас выносило на другие темы, достаточно отвлеченные, если честно, но зато в эти моменты я знал, что она меня слушает, а не разыгрывает прилежное внимание. А какая настойчивость! Видите ли, ей интересно, как другие чувствуют себя в критических ситуациях… Меня лично совсем не тянуло все это обмусоливать, поскольку речь шла обо мне, любимом. Хотя наблюдать за тем, как она *сама* ведет себя в неординарных обстоятельствах, за ее слабостями и фобиями, безусловно, очень любопытно. Хоть что-то проясняется, а то ведь от моих обкатанных на прежних клиентах бесед пока никакого толку.

Но (и это очень меня тревожит) при подобных «отходах в сторону» теряется динамика. Простая констатация того-то и того-то имеет определенный психотерапевтический эффект, что, разумеется, тоже входит в мою задачу, но лишь

постольку-поскольку. Теперь я, кажется, понял, чем эту девочку так очаровал ашрам: там просто болтают, не особо вникая в твое копание в себе, и это Рут как раз устраивает.

Я пошел у нее на поводу, потому что здорово устал, а все это неврастеническое надувание пузырей, пережевыванье жвачки воспоминаний все-таки помогает лучше наладить контакт. Теперь, пожалуй, лучше выбрать другую тактику: исподволь начну выяснять, почему это ее, вроде бы благополучную и независимую особу, потянуло в ашрам, перед кем-то пресмыкаться. Скажу, что в принципе поступок не самый экстравагантный, учитывая особенности ее семейства и ближайшего окружения. Не стоит зацикливаться на модификации поведения. Культ, секта, механизмы ее воздействия, благодаря которым удается стереть индивидуальность адептов, свести к нулю личностный потенциал, — вот на чем нужно играть. Сосредоточиться непосредственно на психологическом кризисе. Это не означает, что я теперь вообще отказываюсь от эксперимента,[55] но всему свое время.

---

[55] Примечания: 55

В психологии — один из методов исследования. Отличается от *наблюдения* активным вмешательством в ситуацию со стороны исследователя.

Украдкой смотрю на Рут, сладко посапывающую под «тяжкими уликами». Черная папка скрывает от меня ее лицо, ее дивное, невероятное лицо, настолько живое и выразительное, что на нем мгновенно отражаются все эмоции, любые перемены настроения. Сейчас перед моими глазами только тело. Я чувствую, что должен использовать шанс и вволю «поглазеть» на ее груди, поэтому подхожу поближе и смотрю, смотрю… Ей-богу, не стал бы, я и думать забыл про ее забавные претензии. Не стал бы, если бы не чуял, что она продолжает опасаться моего похотливого любопытства. Какие плавные линии… В сущности, все очень невинно: я вижу лишь, как они тихонько вздымаются от дыхания и — опускаются, причем полностью прикрытые плотной тканью. Но только представляю, как чудесно было бы ощутить их в своих ладонях, как…

Би-и-п! БИ-И-И-ИП! Бах!

Итак, наши дурачки прибыли. Что ж, по крайней мере их присутствие заставит меня сосредоточиться на запланированном спектакле. На сей раз на моем. Пришлось перегонять эти проклятые записи под систему «ПАЛ», тошно, но что поделаешь. Почему-то не хочется затевать этот треклятый просмотр. Вдруг остро ощущаю свое

одиночество и усталость, а мысль о просмотре только усугубляет чувство растерянности… при сложившейся ситуации крайне нелегко сохранять уверенность в себе. Я точно знаю, что не сумею с притворным мужеством принять окончательное поражение, если придется… Раньше до этого как-то не доходило. Да-а, интересно было бы посмотреть на валяющиеся вокруг кирпичи, если пробить-таки стену лбом. Но когда имеешь дело с таким специфическим семейством, хоть кто-то должен иметь здоровую голову, а кроме меня, тут, похоже, некому об этом помнить…

Тим тут же несется к Рут, будит ее, смачно чмокнув в щеку, ни секунды раздумья: смахнул папку, отер пот со своего рта, чмокнул. Бедная девочка никак не может проснуться, мы поим ее кофе. Протягиваю ей горячую влажную салфетку. Рут вытирает лицо. Робби, тот прямо с порога топает к холодильнику, я даже не оборачиваюсь, все мы вообще в основном молчим. Спрашиваю, работает ли видик. Работает. А проверяли? Проверяли. Тим отпускает комментарии по поводу вымытого пола и с подозрением осматривается, неотесанный тип.

Выходим, солнце садится, мы тоже садимся — в машину. Теплынь, бродят эму, все плавно

покачивается, мелькает и скачет. Это успокаивает. Снимает стресс. Солнце — огромное, золотая круглобокая тыква. Рут сидит рядом со мной на заднем сиденье, я ободряюще улыбаюсь, она отвечает мне фальшиво-веселенькой улыбкой, но косточки пальцев, вцепившихся в сиденье, совсем белые.

Мимо почти на нашей скорости, посверкивая перьями, проносится эму — что лишний раз напоминает мне: я все еще в дурдоме. Надеюсь, это ощущение немного приглушит горячая еда.

— У нас есть чем подкрепиться?

— Не-а, я все слопал. Не мог остановиться.

— С чем вас и поздравляю, Робби. Но где-нибудь по дороге можно будет перекусить?

— Ну, такой вкусноты, как у Пусс, конечно, не обещаю. Как вам кукурузные пирожки с мясом и острым соусом?

— При чем тут пирожки?

— При том. Тут можно купить эти «тако» и прочие мексиканские лепешки.

— Это пусть ваша сестра решит.

— Ну ясное дело. Но как, по-вашему, годится?

— Годится.

Он зажигает две сигареты и одну протягивает Тиму.

— Заметано. Значит, в Америке мексиканские забегаловки все еще на плаву? «Фирма „Тако Белл“: отведайте острых ощущений». Слышал, у вас там ой-ой какая попадается начиночка… можно и взорваться.

— Ну что ты как псих пристал со своими «тако». — Тим шлепает Робби по руке. — Никому не нужна эта перченая отрава в пакетиках.

— Я просто решил узнать.

— Тогда прочисть уши! Мы желаем, чтобы все натуральное, без пестицидов, и никаких трансгенных мутантов… О-ой!

Чтобы нанести достойный удар, Робби выпускает руль, и машину слегка заносит в сторону. Удар — ответный удар, обмен жеребячьими прибаутками, еще удар, наезжаем на камень, голова Рут, откинутая на спинку сиденья, чуть-чуть подпрыгивает. Тим подытоживает потасовку:

— Да катись ты куда подальше…

— Сам катись, выродок, обязательно тебе надо было вмешаться… все должно быть только по-твоему, да? Имею я право поговорить с человеком, а?

А вокруг — все такое розовое и нетронутое, такое живое и огромное… нагромождения каменных громад, и среди них невероятные, затейливо

изогнутые деревья. Тем временем этот, с позволения сказать, диалог позорный продолжается:

— …Я из лучших побуждений… ну хочет человек заскочить в травиловку, пусть. А ты…

— О боже. Шуруй дальше. Рассказывай ему про свои «тако» с мясом, «тако» с фигасом. Не хватает, чтобы меня обвинили в том, что я лишил кого-то такого удовольствия.

— Какого черта надо было перебивать, сказал бы после…

— Значит, все-таки надо было?

— Потом бы — еще ладно, сказал бы, что они очень дорогие.

С «тако», слава Всевышнему, покончено. 20.04

Мне чертовски хочется выпить, настолько, что при виде уродской телеантенны, торчащей над их домом, я готов был пасть на колени. Фонтанчики поливной системы, стриженые газоны, цветочки — вот они, чудеса цивилизации. Выбегает Ивонна, на ней блестящее розовое платье, разумеется обтягивающее, чистенькое, ни пятнышка, улыбки все и поцелуи все мне отворили двери. Меня ласково-преласково гладят и жмут мне руку, снова и снова…

— Ах, бедненький, представляю, как вы устали!

Она проворно тащит меня в гостиную, там Билл-Билл поднимает вверх стакан: дескать, хочешь промочить горло?

— Если можно, виски со льдом.

Ба-а, как они тут все разукрасили, я, конечно, привереда и зануда, но… это же не дом, а логово Санта-Клауса: искусственный снежок, блестки на оконных рамах, картины на стенах опутаны цветными лампочками. Когда я вхожу, все встают, тут же подбегает Тодди и с гордым видом показывает свою сломанную руку, упакованную в картонные шины. Билл-Билл уважительно стучит по картону и протягивает мне стакан с виски.

— А где же Рут?

— За вашей спиной.

— Дорогая моя, ты восхитительно выглядишь! — неожиданно раздается голос Мириам, которая хочет расцеловать дочь, но эта паршивка отворачивается. — Нет, ты только посмотри, Гилберт, ну разве она не восхитительна?

— Да, Рути, мама права, ты действительно отлично выглядишь, тебе чего-нибудь налить? Какую предпочитаешь отраву?

— Джин. — Рут, скрестив руки под грудью и опустив голову, направляется к Робби.

— Мы можем положить тебе ледку, правда,

Билл-Билл? Тебе положить лед, Рути?

Самое же интересное происходит в том углу, где шаманит Йани, отрекомендованный мне как «близкий друг Тима». Близкому другу слегка за тридцать, видимо, помесь с аборигенами: смазливое и очень чувственное лицо, под тесной футболкой проступают колечки на сосках, густые волосы смазаны чем-то липким. А шаманит он над головой Пусс, которой только что осветлил волосы, она демонстрирует мне пряди разных оттенков, пока еще не расчесанные.

— У него потрясающее чутье, смотрите, как он смело комбинирует цвета. Сама до такого не додумаешься, совсем другой имидж.

Йани подходит ко мне и бросает взгляд на мою скромную шевелюру, говорит, что и мне не повредило бы разнообразие, — я вздрагиваю!

Телеящик уже взгромоздили на коробки, прикрытые мохнатыми, похожими на колбаски гирляндами, среди красуется кошмарная пластмассовая фея с пышным букетом настурций. Вот оно, привалило наконец счастье, момент для моей эпохальной лекции. Я нахожу взглядом Рут, которой уже успел нацедить еще какого-то пойла пошляк Робби, этот профессор порнографических наук. Еще что-то неразбавленное — для Ивонны.

Себе он набухал — в огромную кружку — рома с колой. Виски Билл-Биллу, Гилберту, Йани, «мамуле», Тиму и Пусс.

Почему-то не видно Фабио.

— А где же Фабио? Он все еще с нами?

— Нет. Этому выродку пришлось поехать на работу, бедняжке.

— Ах, какая жалость, — говорю я с загадочно-скорбным видом.

Чтобы привлечь внимание, я громко стучу по телевизору и требую, чтобы сейчас же увели Тодди, слышится злобный шепот — это переругиваются Ивонна и Робби. Потом отправляются доругиваться на кухню. Кресла расставлены двумя полукружиями, не очень удобно, приходится кое-какие переставлять, на это тоже уходят драгоценные минуты. Пусс — с вязаньем — усаживается в первом ряду, Гилберт и Билл-Билл подставляют под ноги приземистые табуретки. Мириам подвигается ближе к столику, чтобы поставить стакан с виски, Тим и Йани притаскивают нечто похожее на расплющенный елочный колокольчик, но на самом деле это пепельница из донышка пивной бутылки, с оплавленными посеребренными зазубринами. Они вдвоем устраиваются в кресле, которое просто создано

для педиков.

Возвращается Ивонна и садится рядом со мной, Робби с кислой физиономией маячит в дверном проеме, нет одной Рут. Она у холодильника, помогает Билл-Биллу колоть машинкой лед. Клинк-клинк-клинк, мы ждем, это длится вечность, клинк-клинк-клинк, она наконец входит в комнату, глаза потуплены, еле-еле переставляет ноги. Потом целую вечность (минуты две, не меньше) ощупывает кресла, выбирая, на которое сесть. У одного подходящая подушка, у другого — подлокотники. С черепашьей скоростью перекладывает подушку на то, что с подлокотниками, нет, это ее не устраивает. Подушка снова перекочевывает на прежнее место. Не надо ей подушечек. Боже, какая мука…

Я начинаю.

Фанатики мечтают построить рай для избранных.

И дикари в блаженном забытьи о небе тоже грезят.

Но ни пергамент, ни листок древесный

Не сберегли хотя бы тень, хоть отзвук

От сих фантазий сладостных. Увы!

Увы мечтателям, не знавшим вдохно-

венья,

Плененным беспросветной суетою.

Поэзия! Одной лишь ей подвластно

Мечты свои волшебной силой слов

Вложить в твое воображенье,

Развеяв чары зла и немоты.

Раздается утихомиривающее «ш-ш-ш… ш-ш-ш» — спасибо Китсу.[56] Никак не ожидал, что этот отрывочек произведет столь ощутимое впечатление, «волшебство Поэзии» теперь трогает очень немногих. Ивонна аплодирует; как восприняла мою декламацию Рут, понять невозможно. Раздаются ритмичные глухие щелчки по пачкам — это все в едином порыве достают сигареты.

— Чье это?

— Китса.

— Да, я сразу про него и подумала, — говорит Мириам. — Китса обожаю. «Оду соловью»:

И мрак поет, и уж в который раз

меня пронзает сладко мысль о Смерти…

Робби (с порога кухни):

---

[56] Примечания: 56
Цитата из первой части поэмы «Гиперион».

— Пыльное старье.

Я:

— И что?

— И то. Они, видите ли, цитируют Китса.

Я:

— И что?

Тим:

— Они вызубрили его наизусть: «В прекрасном — правда, в правде красота…»

Мириам, с упоением продолжая «Оду соловью»:

— …«Пора, пора покинуть мир скорбей»…

Тим, Пусс и Мириам подхватывает тоже:

«…Вот все, что нужно помнить на земле».[57]

И вразнобой:

— Поразительно, он умер совсем молодым. Замечательная судьба.

Я — всем им:

— Угху. Я тоже люблю «Оду греческой вазе». Дивный финал. А судьба действительно неординарная. Теперь о том отрывочке, с которого я начал. В нем точно отражены методы, которые используют в ашрамах. Они хорошо знают возможности языка и выворачивают слова, наделяя

---

[57] Примечания: 57
Перевод Г. Кружкова.

их другим, необходимым гуру смыслом. Тоже, так сказать, развеивают «чары зла», вы согласны?

Все дружно кивают.

Я всматриваюсь в полосу света над их головами, волшебно-розового, и продолжаю свою лекцию о методах контроля над сознанием, очень напоминающих гипноз. Китс, можно сказать, делает весьма прозрачный намек на то, что механизм действия слова сродни магии.

— Словесное воздействие может на какое-то время нейтрализовать мозг. Могли бы вы сами привести какой-нибудь пример? — говорю я.

Все опять дружно кивают, не сомневаясь, что могли бы. И пусть не сомневаются, я же не полный идиот, чтобы действительно ждать от них ответа.

— «Майя». Это понятие обыгрывается почти во всех восточных культовых общинах. Наш мир — лишь некая грубая материальная иллюзия, в которой каждому из нас заранее отведена определенная роль. Вот что оно означает. Настоящая же реальность скрыта за этой обманчивой завесой. Теперь, чтобы окончательно сбить вас с толку, добавлю, что это понятие вполне органично для индуизма с его особой системой символов. Но! Уроженцы Запада — кое-кто из них — склонны

воспринимать подобное отрицание реальности мира чересчур буквально. Вот они-то и кидаются в крайности, до бесконечности, отринув и заклеймив собственное — никчемное, как им начинает казаться — прошлое. Так, вступая в ряды общества «Харе Кришна», вы подвергаетесь великому соблазну: отдать всю оставшуюся жизнь исключительно *на милость Кришне.* Теперь, что бы с вами ни происходило, на то его воля. По сути дела, вам мало-помалу навязывают упрощенное решение всех острых и спорных проблем, отныне никаких угроз, никаких душевных терзаний, никаких страхов и чувства вины.

Я тыкаю пальцем в свой стакан.

— Никто не хочет выпить еще?

— Нет, спасибо… пока неохота…

— Видите ли, мне бы не хотелось прерывать показ, так что лучше налить себе чего-нибудь заранее.

Раздается легкий ропот, но все сидят на месте.

— И все-таки… никому не хочется налить себе еще?

— Можно…

— Нет-нет…

— Попозже…

— Учтите, то, что вы увидите, потребует полной

эмоциональной отдачи, ведь манипулирование сознанием людей напрямую связано с жестокостью… и будет очень досадно, если кто-то кинется искать бутылку…

— Нет, все нормально, никаких проблем.

— Но вдруг вам захочется снять нервное напряжение, — продолжаю давить я.

— Погодите!

Билл-Билл все-таки нехотя встает и направляется к столику с напитками. Мы все наблюдаем, как он сначала берется за бутылку с джином, потом, передумав, хватается за водку, потом, чуть отступив, подходит к виски. За ним гуськом плетутся Мириам, Пусс, Йани.

— Ха-ха, ну что, теперь понятно? — Я подмигиваю остальным. — Кап-кап-кап на мозги, суперсредство. Вроде рекламы, действующей на подсознание, когда вам пытаются впарить какую-нибудь дрянь, чипсы или очередное газированное пойло… «это то, что вам нужно»… «истинный вкус блаженства»… Ну ладно, теперь все по местам.

— Что-что?

— Сказал же вам человек: «по местам».

— А как же насчет выпивки?

— Да на черта она вам сдалась; он нарочно вбил

вам в башку, будто вас обязательно потянет снова промочить горло.

— А зачем ему?

— Чтобы мы поняли, как дурят головы во всех этих святых поселениях.

— Термин «промывание мозгов» пришел к нам из Китая, — продолжаю я. — Впервые введен в обращение американским журналистом Эдуардом Хантером. Ему сообщили об этой… м-м-м… методике китайские осведомители из окружения захватчиков-коммунистов. В Европе о ней узнали в период корейской войны, обнаружив, что некоторые из попавших в плен американцев абсолютно уверовали в то, что совершили какие-то мифические преступления против китайцев.

Тим и Йани находят это необычайно забавным. Когда я спросил их, что тут такого смешного, оба синхронно посылают мне воздушные поцелуи.

Кресло Рут пусто. Я вставляю в магнитофон кассету.

…Тысячи и тысячи невест в белых платьях замерли от напряжения, вцепившись в руку своих одетых в соответствующие парадные костюмы женихов, и происходит все это на огромном стадионе, серые бетонные плиты, ни единого цветочка. Часть пленки потрачена на то, чтобы

запечатлеть это массовое венчание мунитов; в тот момент, когда они со строгим торжественным видом совершают поклон, на экране появляется врезка: верхушки деревьев медленно склоняются над джунглями Гайаны. И вот уже наплыв, деревья растворяются, их сменяет сцена массового самоубийства в Джонстауне. Раздувшиеся трупы на дощатых тротуарах, тела, кое-как наваленные одно на другое, тела в грубо сколоченных хижинах, тела у трона из винила и хрома.

Финальный кадр — горы раздутых трупов при беспощадном свете солнца. Замечаю у двери Рут, слабо освещенную экраном, на котором все еще Джонстаун. Мириам передает ей тарелку с едой, она что-то берет, я не вижу, что именно, но вижу, как она кормит кошку. Дьявол, да это ОВЦА. Бяша-бяша, с ярко-красной полосой вдоль хребта.

Восемнадцатого ноября 1978 года конгрессмен от штата Калифорния, мистер Райан и трое журналистов были сбиты выстрелами на взлетной полосе около Джонстауна, в Гайане. В тот же день в половине шестого преподобный Джим Джонс произнес свои последние слова: «Раз мы не можем жить в мире, то давайте с миром умрем… Пусть каждый выпьет смертельное питье, как это делали в Древней Греции. Это будет

беспрецедентным актом, какого еще не знала история человечества». И очень скоро девятьсот тринадцать членов возглавляемой им калифорнийской секты «Народный храм», в том числе двести шестьдесят детей, выпили какую-то бурду с добавкой цианистого калия. Матери лили ее в рот младенцам с помощью шприца… Тех, кто проявил слабодушие, пристрелили на месте. Почти все дети были под опекой администрации Калифорнии. Их усыновили и удочерили члены калифорнийского «Народного храма», до того как переселились — по призыву Учителя — в джунгли Гайаны. Ловкий ход: обеспечить себя дотациями на детей и бесплатной рабочей силой…

Рука Ивонны на моем колене, она крепко его сжимает, она не желает смотреть, как убивают детей. Я успокаиваю ее: у нас на пленке нет таких сцен, веки ее дрожат, она шумно вздыхает, обдав меня теплым дыханием. Я слегка отстраняюсь и снимаю с колена холеную ручку, в ответ Ивонна притискивает к моей ноге свою не менее холеную ножку. Пол-экрана вдруг загораживает жирный овечий зад. Проклятая скотина забрела в комнату. Где же Рут? Я оборачиваюсь и вижу: сидит в своем кресле, скрестив ноги и подперев щеки ладонями.

А на экране постепенно проступает изображение молодой женщины лет тридцати с лишним, на ней костюм из кримплена, фасона семидесятых, она сидит очень прямо, как дикторша, и, глядя прямо в камеру, уговаривает:

— …вот где вы встретите самых настоящих, самых преданных друзей, и они приведут вас к самым нежным и добрым, способным любить сердцам. И вы наконец обретете духовного наставника, вдохновляющего, понимающего и сочувствующего. И то, о чем нельзя было даже мечтать, станет явью. Не оставляйте дерзких надежд — и вы найдете свою прекрасную радугу.

Перерыв. Робби подливает мне виски, Гилберт хватает мой стакан, чтобы добавить льда и содовой. Пусс протягивает три куска куриного рулета и праздничную, в рождественских колокольчиках и остролистах салфетку, после чего восхищенно поднимает вверх большой палец. Мириам гладит меня по руке, ей кино тоже очень понравилось.

— Как трогательно, до слез. Эта женщина… как сложилась ее судьба?

— Ее сбили машиной наемные убийцы.

— Боже мой! — Она качает головой. — Это вы нарочно меня заводите, Джон!

— Ну что вы… я бы никогда не осмелился.

— Ха-ха-ха, — хохочет она. — Гм-м.

Тим и Йани, как примерные ученики, тянут руки. Я не реагирую, но они все равно кричат:

— А где же была школа?

— Да, где? И куда смотрели родители?

Ну, заладили… знакомая песня.

— Идеальных социальных условий вообще не существует. Мы сейчас говорим не о том, как все должно быть, мы обсуждаем деструктивное воздействие…

— … сект, — хором завершают они.

— Мой отец, дорогой мой папочка, когда-то сказал мне, да-да, так и сказал: «Два сына растут, и оба с придурью».

— Заткнись, ты…

— А сам заставлял меня надевать девчоночьи платья, жутко было противно.

— Ха-ха-ха… — Пусс хохочет громко, во все горло, не может остановиться.

Ивонна просит рассказать о трансцедентальной медитации, о контактерах (с космосом) и об НЛО. Я оборачиваюсь на Рут: она слишком уж внимательно смотрит… нет, не на меня — на свою мать, затем переводит взгляд на отца, затем — на Билл-Билла, на Пусс, на Ивонну, на Йани.

И взгляд этот — оценивающий и отстраненный. Опасный взгляд.

15

Мне было видно все, я хорошенько все рассмотрела, чего стесняться-то. До мелочей. Колечки в сосках Йани, выцветшую махровую рубашонку Билл-Билла, его волосатые ноги и такие же волосатые — моего папочки. Папочкины мосластые ступни, большой палец у него короче соседнего. Мамин затылок, два волоска, прилипшие к ее блузке. Низкий потолок, желтые кресла с прямыми подлокотниками. Стакан Ивонны, ее сигарету и его самого. Пи Джея. Я увидела, как он снимает со своей ляжки руку Ивонны и перекладывает снова ей на колени. Вот в этот момент я и поняла, что мне нужно предпринять. Каким образом, я пока не знала, но сама идея — просто идея — возникла, и это давало какую-то надежду…

Стоило мне только пошевелиться, Пи Джей тут же это чувствовал, словно кожей чуял. Только привстану, он оборачивается, ищет меня глазами. Мне все время приходится ерзать, потому что я здорово набралась и меня тянет в сон. И вообще как-то погано, все втайне на меня злятся. Это ведь из-за меня, все-все. Вот Робби, например, тор-

чит как приклеенный в дверях кухни и даже на меня не посмотрел, когда наливал мне выпить. А мамуля и Пусс, похоже, здорово прибалдели, представив, как их «проказница Рут» подыхает в Джонстауне или, вооруженная до зубов, отстреливается от полицейских, вконец помешавшись на своей вере (ах, ах, совсем поехала крыша у их девочки!). Я измаялась, совершенно не знала, что с собой делать, слонялась, просила какую-то еду, никак не могла сосредоточиться, улавливала только отдельные куски и кадры, покормила овцу, погладила кошку, зачем-то стала мусолить в памяти историю Сьюзен, той беленькой малышки из Черной Папки. Какие у нее чудесные глаза, огромные, ласковые… Очень живо представляю, как она лежит на постели Баба, а он круговыми движениями трет ей живот, спускается все ниже и ниже, и вот его пальцы уже протаранивают детскую промежность… Зажмуриваюсь, чтобы отогнать этот кошмар.

Родичи мои будто вдруг отстранились, будто они не мои, совсем чужие, рты у них ни на минуту не закрываются, сколько всяких звуков — ля-ля, мня-мня, и буль-буль из стаканов, и сигаретное пых-пых. И еще они с топаньем мотаются по комнате, взад-вперед, вправо-влево… зачем — сами

не знают, и это мне теперь даже нравится… А в детстве не нравилось. Тогда мне хотелось иметь правильных родителей — чтобы у них все по полочкам, и тоже маникюрные и прочие наборчики. Мне бы более продвинутых родителей, у которых маникюрные, и прочие мини-наборчики, и все по полочкам… Все заботливые, все тебя любят, и ты всех. А тут если кому и есть дело друг до друга, так только Йани и Тиму, остальные сами по себе. Даже в сектах порядка больше. У них там с этим иногда даже перебор. А вот община Дэвида Кореша,[58] на мой взгляд, вообще полный отстой. Все какое-то… невсамделишное. Не дома, а старые курятники, понатыканные среди серого пыльного загона, — в самом деле страшновато. Само ФБР призвали, чтобы все это спалить. Вот что меня просто доконало… Какого черта! Никого они там не трогали. Нечем и некем больше, что ли, этим фэбээрщикам заняться? Подумаешь, бывший заправщик с бензоколонки сколотил бездарную рок-группу, никому не известную. Ну бренчали всякую муть, вроде: «В башке — аут». Думали, что

[58] Примечания: 58

Дэвид Кореш, уроженец Техаса (1959), в юности был приверженцем секты «Адвентисты Седьмого дня», в 1990 г. возглавил секту «Ветвь Давидова», существующую с 1935 г. Прославился вооруженными «разборками» с соперником, претендовавшим на место главы секты, и не слишком успешными рок-концертами.

сочинили что-то убойное, но ни одного хита не получилось. «В башке — аут. Всех нас Бог послал в нокаут. Тра-ла-ла. Наложи камней в носочки… бумпи-бух… рок — Бог, ля-ля-ля, Бог — рок, пой — и точка, чух-чух-чух…»

…Пусс посматривает на меня, проверяет, как мне эта их тусовка, этот шум-звон-гам. Я через силу улыбаюсь и отхлебываю глоток из своего стакана. Как же всем им хочется, чтобы я тоже расслабилась, поддержала веселье. Кошка Пусс лижет и сосет мои пальцы, она часто ночью им с дядей спать не дает, сосет мочки ушей, видимо, считает, что это тоже пальцы. Я отбираю у киски свою руку, чтобы не мешала слушать печальную китаянку с «промытыми» мозгами. Ее бровки домиком, страдальчески сведены к переносице, над ними — тоже домиком — две продольные морщины — как вторая пара бровей. Она и ее друзья тащились от западной классической музыки, но коммунисты назвали это увлечение «очень нездоровым» и стали гонять ее на всякие митинги и диспуты:

— Там нам говорили, что французские композиторы, Дебюсси всякие, порождают порочные мысли и представления. Что, когда слушаешь Дебюсси, начинает казаться, будто ты очутился

под водой или что перед тобой волны и море. Нам говорили, что раз просто кажется, значит, эта музыка формирует неправильное мышление. Им нравятся песни, которые про настоящих живых героев, например, про Мао. Нам говорили, что только эти песни учат людей воспитывать в себе здоровый дух… Я не знала, как мне быть… Наверное, песни про героев очень хорошие и здоровые, но в них совсем нет задушевности.

Она бубнит и бубнит как заведенная, на одной ноте, а я смотрю на ее бровки домиком и думаю: «Зачем она вообще слушает этих профанов? Ну что может знать о Дебюсси кучка зацикленных вояк, солдатня?» Постепенно начинаю беситься… ну согласилась бы для виду. Притворилась бы, что ли, если уж совсем достали. Родичи мои опять зачарованно уставились на экран, опять задымили своими вонючими сигаретами, перестали звякать вилками о тарелки. А китаяночка вещает дальше, совсем уже загробным голосом. Говорит, что друзья-то ее уже перековались и все поняли. И теперь стараются и ее перевоспитать.

— Они сказали мне, что когда увлекались западной музыкой, это сужало их кругозор и они могли думать лишь о собственном удовольствии. Я такая была расстроенная… чувствовала себя

такой одинокой… я постоянно думаю, что слишком многого хочу… лично для себя. Может быть, потому мне и так плохо, так все время грустно? Когда я была моложе, я всегда ждала от жизни чего-то очень хорошего, это были слишком большие ожидания… а теперь я жду только самого плохого.

Как же все-таки страшно! Особенно эта фраза: «…Слишком многого хочу». Все молчат, а что тут скажешь? Эта Грейс Ву и так уже заговорила их, наболтала на целый том. У Грейс были слишком большие ожидания, у Рут тоже были слишком большие ожидания… заветные мечты, закончившиеся насильственной промывкой мозгов. Семейство ликует, приятно согретое ощущением родственной сплоченности. Как они все правильно сделали, слава богу, что увезли эту глупышку сюда. Ведь страшно представить, что с девочкой могло быть. И спалить могли, и заразить какой-нибудь чумой, и еще этот тип силой затащил бы ее в постель! Их горячий интерес (вот уж не думала!) ко всей этой галиматье — просто меня доканывает, мне хочется визжать от злости. Мне нужно выйти, но знаю, что все сразу тут же на меня уставятся. «Чокнулась, окончательно чокнулась» будет написано в их скорбных взглядах.

Несколько минут собираюсь с силами, чтобы подняться, я действительно боюсь, что они что-нибудь вытворят, например, погонятся за мной с ножами. У двери шепчу: «Я в туалет», Робби дозволяет мне протиснуться мимо него в кухню, и уже оттуда, через другую, занавешенную сеткой от москитов дверь выхожу наружу и бреду к уличной уборной, сразу за клумбой с барвинками — пахнут обалденно, их аромат немного меня успокаивает. Срываю несколько цветков, усаживаюсь на стульчак и время от времени их нюхаю.

Чидаатма-Баба… мне постоянно не дает покоя одна мысль. Если мое чувство к нему (там, в Индии) было настоящим, то почему теперь я не ощущаю прежней остроты, когда — взахлеб? Он сказал, что всегда и везде будет со мной, где бы и с кем я ни оказалась. Но я не умею любить вообще, абстрактно. Я не знаю всяких магических заклинаний, которыми нашпигованы мозги умника Пи Джея. И потом, почему Баба мне не позвонит, у него есть мой телефон, сиднейский мой номер? Но ведь не позвонил. Эта мысль гложет меня все сильнее. Это все из-за него, из-за Пи Джея. Что же получается? Можно кого угодно вывести из равновесия, можно торговать любовью, сказать, что

люблю, совсем не испытывая ничего похожего. Я никогда не думала о том, что с любовью можно вот так играть, но Пи Джей рассказал мне, как это делается. Чьи-то шаги за дверкой, интересно, кого это сюда принесло? Не видно, слишком уже темно, и вообще мне видны только ступни, точнее, пальцы с длинными ногтями. Я нарочно начинаю попискивать и шмыгать носом, шмыг-шмыг, ступни удаляются. Вставляю в рот палец и (вот им всем за «душевные терзания»!) исторгаю из себя все выпитое прямо на стенку.

Когда я возвращаюсь, видеоужастики про злых бяк сектантов уже закончились, все старательно мне улыбаются. Засланный ими агент наверняка уже поведал о моих горьких «шмыг-шмыгах», и поэтому я замечаю легкое смущение на распаренных лицах.

— Чего бы еще тебе хотелось выпить, Рути? Только скажи.

— Воды, если можно…

— Сию минуту, золотко, — говорит Пусс. И — цок-цок каблуками — идет к холодильнику.

— …и мою косметичку.

У мамы от радости вспыхивают глаза.

— О-о-о. А где она, солнышко?

— У Тима в машине. Маленькая прозрачная

сумочка.

— Робби! — вдруг верещит Ивонна.

Это Робби тащит ее за руку, а она упирается, не желая уходить.

Пи Джей смотрит мне в глаза, я смотрю на него и впервые за этот вечер не прячу взгляда, и мы одновременно друг другу подмигиваем. Он бродит по комнате, собирая грязные тарелки, стопками относит их на кухню. Потом начинает их споласкивать и не отходит от раковины до тех пор, пока не вымыты все до единой. Остальные участники сегодняшнего мероприятия у него на подхвате. Я собираю пепельницы, не выношу сигаретного дыма, если бы мне велели подложить куда-нибудь бомбу, я бы с удовольствием взорвала какую-нибудь табачную фабрику. Увидев, что я помогаю Пи Джею, мама просто в восторге, какая я сегодня умница-разумница.

Она тянет меня в прихожую и с тревогой заглядывает в глаза, просит, чтобы я честно сказала, как я себя чувствую *на самом деле.* Я смотрю на нее и не знаю, что сказать. Ну признаюсь: «Все совсем не так уж замечательно» — и что? Фиг угадаешь, что еще она придумает для моего спасения…

— По-моему, — говорит она, машинально по-

дергивая себя за пальцы, — уже гораздо лучше, это видно с первого взгляда.

Мы обе не знаем, о чем дальше говорить. Обсуждаем какую-то муть, не имеющую ни малейшего отношения к *главному*, к тому, из-за чего вся эта кутерьма. Не знаю почему, но нам с ней всегда было трудно находить общий язык, хотя мы действительно друг друга любим, возможно, когда-то все было иначе, но я этого уже не помню.

Мама обнимает меня дрожащими руками.

— Все хорошо, — бормочу я, — не волнуйся, мамочка.

Обратно едем в полном молчании, при свете фар и звезд. Я прошу Тима включить радио, и кто-то из старых кумиров, еще сладкоголосых, с чувством выводит (в первый раз слышу эту песню):

> *Прощай, Марианна, он пробил, наш час*
> *смеяться и плакать, и снова — над тем,*
> *что связало нас.*

Тим спрашивает, не холодно ли мне, нет, конечно, мне жарко, как и всем остальным. Я молча мотаю головой, которая занята в данный момент исключительно разработкой моего грандиозного

плана. Йани развлекает нас байками о своих родителях, они у него «ревностные» безбожники. Любимая цитата его отца — высказывание О'Хейра[59] по поводу Господней молитвы:[60] «Жалкий лепет придавленных червяков-параноидов, которые выклянчивают милостыню жалкого существования». Тим хохочет. Стоило Йани спросить про Санта-Клауса, про Пасхального кролика,[61] про прочих затейников-волшебников, предки его говорили, что все это туфта и чушь. Отец однажды даже приплатил рождественскому магазинному Санта-Клаусу, чтобы тот так и сказал сыночку: «Это просто карнавальный костюм, и борода у меня приклеенная». Тим снова хохочет.

Мы подъезжаем к домику. Ни Тим, ни Йани даже не выходят из машины, молча нас высаживают. Тим гладит меня по руке.

---

[59] Примечания: 59

Имеется в виду сыгранный американским актером Майклом О'Хейром командор Джеффри Синклер (фильм «Вавилон-5»).

[60] Примечания: 60

Господня молитва — другое название молитвы «Отче наш», единственной, слова которой были произнесены самим Христом (Евангелие от Матфея, 6, 9–13).

[61] Примечания: 61

По народным поверьям, пришедшим в Америку и Австралию из Европы, именно кролик (явная параллель с европейским «пасхальным зайцем») приносит раскрашенные пасхальные яйца.

Ну и темнотища… надо было оставить хоть одну зажженную лампочку, но ни он, ни я не сообразили. И снова я жду, что он сам включит свет, и снова злюсь, что стесняюсь сделать такую простейшую вещь, собственный кретинизм выводит меня из равновесия. Я вообще почти не помню, как я отсюда уезжала. Вот и сейчас брожу туда-сюда как привидение, сонная и вялая. Нет, он точно сосет из меня энергию. Так часто бывает. Стоит к человеку немного привязаться, он сразу начинает тебя использовать. Ч-черт, я все больше злюсь, наблюдая, как он поочередно щелкает всеми выключателями. Мне вдруг становится жутко обидно, я вскакиваю и кидаюсь к ближайшему выключателю.

— Я и сама могу включить свет.

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

— Не сомневаетесь? Тогда, интересно, почему вы так себя ведете, будто вы один тут умеете все делать?

Он проходится по комнате.

— Значит, ты так меня воспринимаешь?

— Я? О г-господи, вам только этого и нужно: подловить меня на чем-нибудь, чтобы я заткнулась, чтобы я перестала психовать.

— Вот-вот, успокойся, — говорит он.

— Ну уж нет! Не дождетесь!

Чувствую, теперь он сам начинает злиться.

— Что-что? Ну а тебе-то самой что нужно? Что тебя не устраивает?

Он наверняка сам знает, что меня не устраивает. Меня не устраивает… мне даже думать противно о том, что меня не устраивает, поэтому я спрашиваю его:

— Джон, скажите… скажи, только честно, что тебе на самом деле нужно?

— Хорошо, Рут, я буду с тобой честным.

— Ты — честным? Кстати, спасибо тебе огромное, шоу получилось грандиозное, все эти религиозные фанаты, и как им удается быть такими тупыми… Делай, как я, делай вместе с нами, главное — не останавливаться и действовать дальше. Придурки…

Он вытаскивает носовой платок, подходит к раковине и сильно его смачивает. Возвращается назад, капая на пол, обтирает лицо и руки.

— Спасибо тебе. Спасибо за то, что сказала… Я знаю, как тебе было тяжко. И поверь, я уважаю твои чувства.

Потом он встает и отправляется прочь, даже не обернувшись! Ни разу! Утопывает в свою спальню, черт его возьми!

Пытаюсь заснуть, но я слишком возбуждена, в голове — чумовые мысли, я жажду мести… воображаю, как найму банду свирепых тагов, пусть они схватят Пи Джея, пусть его исколошматят. Вот было бы классно… представляю, как он открывает дверь, как, вытаращив от изумления глаза, отбивается от своры тагов, а они поднимают его, беспомощного, и несут и привязывают к кушетке. А я сижу рядом, попивая чаек, и на мне платье из миленькой тафты, и я смотрю, как они стаскивают с себя ремни и наотмашь хлещут его по жопе; раз, два, три, четыре… пять. ДА! ДА! Я чокнутая, и что самое отвратное, а-а… блядство, никак не могу отвлечься от этого нудилы, продолжаю себя распалять, бормочу какие-то слова, угрозы… Мне нужно, чтобы хоть что-то происходило. Пусть самое плохое, страшное… плевать…

Лежу в темноте, медитирую; мозги вибрируют и плавятся от напряжения, они переполнены словами, этот поток — не остановить. Я додумываю свой план. Начну действовать в три часа. Первый этап — дверь. Хлопанье входной дверью. Сразу после трех выйду наружу — голая — и начну ее раскачивать: назад — вперед, на счет «раз-два, раз-два», скрип-скрип.

…Бэнг! И еще раз — бэнг! И она снова распа-

хивается и снова хлопает. Надо мной вверху полощется — тоже с хлопаньем — мое сари, извивается, так похожее на языки пламени!

И еще один дверной БЭНГ!! Уже очень громкий, такой не может не разбудить… о-ох, господи, — и правда проснулся, в окнах вспыхивает свет. Я прячусь за дерево. Пи Джей выкрикивает мое имя, и вскоре в светящемся квадрате окна возникает черный силуэт.

— Рут?

Сари мое — просто класс, фантастика. Пламенеющий искрящийся всполох, огненный дух, осветивший небо. Пи Джей в полном ступоре, с отвисшей челюстью смотрит на дерево. Он подходит как раз к тому месту, где я спряталась, но это не страшно, он все равно меня не видит, его вытаращенные глазки прикованы к сари.

— Рут, Рут??

А сари продолжает полыхать, извиваться, трепетать над верхушкой.

Он кричит — уже изо всей силы:

— РРРУУТ! РРУТ!

— Я здесь, — очень спокойно говорю я.

— О-ох. Черт возьми, Рут, как же ты меня напугала. — Он с потерянным видом переминается с ноги на ногу. Да-а… видно, здорово перетрухал.

— А все-таки они очень странные, эти чуваки, правда?

— Кто-кто?

— Ну, те фанаты, из сект. — Я хватаюсь руками за живот и хохочу.

— Люди иногда бывают очень жестоки. А где твоя одежда?

— В шкафу. Но ведь совсем не холодно, правда?

Он начинает стаскивать с себя рубашку.

— Ой, как болит голова. М-м-м… раскалывается. Помоги мне, ну, пожа-а-алуйста, помассируй мне виски. — Я начинаю жалобно стонать, даже поскуливать, я протягиваю к нему обе руки.

Он ощупью находит мою голову и осторожно стискивает ладонями виски… из глаз катятся слезы, капают на его большие пальцы, легшие мне на скулы.

— Все хорошо, Рут, у тебя действительно все хорошо.

— Никто меня не любит.

— Перестань, они очень тебя все любят.

— А ты не любишь.

— Ну что ты, конечно люблю.

— Тогда поцелуй меня.

— Послушай, ты мне нравишься, но я не могу этого сделать.

— Я так расстроена, нервы — на пределе.

— Знаю. Только мой поцелуй вряд ли тебя успокоит. Пойдем-ка лучше домой, баиньки, потихонечку, топ-топ.

Я подхожу совсем близко и целую его в шею, в подбородок, он, резко вскинув руку, пытается отгородиться, но я перехватываю его руку и, развернув ее, прижимаю к своей груди, не сводя с него умоляющего взгляда.

— У меня некрасивое тело? Тебе противно на меня смотреть?

Он качает головой:

— Нет, Рут, изумительно красивое. Но тебе необходимо одеться.

— Мне необходим ты.

Он закрывает глаза и, отступив Назад, разворачивается.

— Нет. — И направляется к домику. Если он войдет внутрь — считай, все пропало. Ничего у меня не получится.

— Постой! Постой же! — кричу я, мысленно добавляя: «Все равно я тебя заполучу, все равно!» Я так зациклена на своем отчаянье, что нет сил себя контролировать, все, больше не могу… раздается журчание, и настолько громкое, что Пи Джей останавливается, вконец ошарашенный.

Я и сама в жутком шоке и представить себе не могла, что могу вот так… описаться. Я нагоняю Пи Джея и впиваюсь в него поцелуем, протиснув ему в рот язык, глубоко-глубоко. Он с судорожным всхлипом переводит дух и жарко выдыхает мне в губы:

— Мы еще должны позвонить твоей маме.

Но ни он, ни я не двигаемся с места и снова целуемся.

— Ладно, — говорю я, — давай позвоним, раз должны.

Его постель какая обветренная кожа… Он дальше хочет целоваться и целовать, мне же охота царапаться, драть его ногтями, я закрываю глаза. Обхватываю пальцами член. Эту штуку надо теперь гладить. Никогда не могу угадать, где лучше, там ли я тру, вечно они начинают канючить. Пи Джей стоит на коленках, рядом с моей задницей, гладит мне ноги, по собственной инициативе. Я-то предполагала, что ласкать-гладить придется мне, но он почему-то воспротивился, ладно, я могу и просто так полежать, не суетиться, пусть сам раскладывает мои ноги-руки, как считает нужным… О-о, да он молоток, вон как наяривает, и раз, и два, и три… в меня, в меня, в мен-н-ня, это в моем вкусе. Я постанываю, но вяло и редко,

по идее, он должен это просечь. Куда уж, он и так кайфует, все, что ему требуется, — поскорее снова загнать в меня свой кол; но в конце концов и я не выдерживаю, сама кладу ноги ему на плечи и прошу, чтобы глубже…

16

— А вдруг я сделаю тебе больно, — волнуюсь я.

— Не сделаешь, — говорит она. — Давай же скорее, давай.

И я уступаю. Я не могу устоять. Я почти на подходе… Какая *она* у нее дивная, какое упоение быть там, внутри… Я замираю, не двигаясь. Ведь Рут тоже должна успеть. Я закрываю глаза и убираю ладони с ее грудей — в этой позе их слишком трудно ласкать. Потом обхватываю ее запястья и прижимаю их к кровати. Она явно этого не ожидала, но теперь я чувствую малейший ее отзыв… и зов… теперь я могу двигаться и в такт ей, и внутри нее. Я очень крепко, до боли, впиваюсь в ее рот, пусть терпит, она заслужила немного грубости, о-ох, чувствую, как она колотит меня по спине пятками. Я внедряюсь в нее до упора, и еще, насколько могу… весь переполненный жаждой мести и жаждой любви, одновременно… толчок и еще толчок, это моя жестокая нежность… это я нежен до жестокости. Я слышу: «Подожди…» И о боже! Конечно, в тот же миг кончаю, все мое тело помогает этому завершению, я каждым нервом

впитываю огонь, опаливший мой пах.

Я в изнеможении откидываюсь на спину, придя в себя, чувствую рядом легкое, ритмичное шевеление. Накрывшись простынкой, Рут ласкает себя между ног. Я отталкиваю ее руку:

— Я сам могу это сделать.

— Ты не знаешь как.

Она снова хочет запустить руку под простыню, но я накрываю ее ладонью.

— Я попробую, вдруг получится.

Она готова поэкспериментировать. Смочив слюной два пальца, я протягиваю руку к ее промежности. Я знаю, что такое клитор, и умею с ним обращаться… минуты две она прилаживает мои пальцы туда, куда ей нужно. Пускай, я хочу этого, я хочу того, чего хочет она. Я больше всего на свете хочу узнать, что ей нужно… И вот она уже стонет от оргазма, ритмично погружая в себя мои пальцы. Порываюсь ее обнять, ласково успокоить. Но она резко отодвигается и натягивает на себя простыню.

Просыпаюсь поздно, и то от звука мотора вдалеке. Нечаянно уткнувшись ногой в ногу Рут, снова закрываю глаза. Мммммм — в чьей мы, интересно, комнате? Вроде бы в моей… Черт, а

что, собственно, происходит? Как ЧТО! Ты спишь вместе с Рут… Господи!

СОВСЕМ ОХРЕНЕЛ… Живее шевелись, кретин! Я вскакиваю и, резко выдохнув, натягиваю джинсы. Мои руки воняют терпкими соками совокупления. Бегу на кухню. Отворачиваю оба крана и мылю руки жидкостью для посуды, потом с той же тягучей дрянью кое-как мою физиономию. Хватаю дезодорант и провожу шариком под мышками, отфыркиваясь, натягиваю футболку, несусь в комнату Рут, собираю ее вещички и тащу их к себе, а свои перетаскиваю к ней. Лучше ее пока не будить — будет еще хуже. В спальни они не заходили, не знают, где чья. Чищу зубы, выпиваю наспех воды, и вот я уже на пороге, встречаю дорогих гостей.

— Сюда посторонним вход воспрещен, — ласково говорю я.

Тим пытается рассмотреть, что там за моей спиной:

— Как она, ничего?

— Она спит.

— Нормалек.

Подходит Ивонна, в руке у нее лоточек с круассанами, затянутый целлофаном.

— Ну, входи, — говорит она Тиму и чуть его

подталкивает.

— Он не хочет нас впускать.

Она от растерянности приоткрывает розовые губки.

— Но мы ей все-таки не чужие.

Лоточек с круассанами упирается в мою грудь: Ивонна настроена решительно.

— Или вы так не считаете?

Именно, черт возьми, попала в самую точку. Она старается прошмыгнуть сбоку, Тим, естественно, намерен проделать тот же маневр. Как я могу им помешать?

— О чем речь! Все великолепно, в конце концов, это ваш дом…

— Ну не надо, — мурлычет Ивонна, когда мы уже сидим за столом, — не надо на нас сердиться, какой же вы чудак.

Она кокетливо грозит мне пальчиком и продолжает мазать круассаны маслом. Один съедает Тим. Я, похрумкивая, уплетаю второй.

— Боже, какой у вас тут беспорядок.

— Вот спасибо, Ивонна. А я-то старался, мыл полы.

— Гмм, правда? Гмм. А где же Рути?

Говорю, что до сих пор не проснулась, они в унисон изумляются: «О-о!»

Тима интересует, признала ли она, что все они там — «просто прикалываются»?

Я смотрю на него, слегка прищурившись, но сам он смотрит куда-то в сторону, есть у него такая милая привычка.

— Вы понимаете, что эти люди искренне веруют?

Да, да, это ему ясно, он имел в виду только главарей сект.

— Вы понимаете, что между ними есть некоторая разница?

Да, да, конечно, он понимает.

— А сеструха-то моя что? В каких она чувствах?

— Чувства немного взыграли, — говорю я и ощущаю, как у меня подергивается щека.

Пока Ивонна разливает чай, Тим напряженно обдумывает то, что я сказал. Она протягивает мне чашку, я обхватываю ее пальцами, но отдергиваю руку — чертовски горячая, и прошу Ивонну поставить ее на скамеечку.

Тим, даже не охнув, берет у нее свою, ну просто настоящий мачо! Он сообщает мне, что попозже они заедут, с сеструхой Йани, они хотят отвезти Рут в одно местечко.

— Там у них сегодня будет классная тусовка.

Поехали.

— НЕТ.

— Чего?

— Я сказал, нет. Никаких тусовок, она и так очень взбудоражена и… уязвима.

— Но почему бы ей все-таки не поехать?

— Как почему? Потому что вы должны оберегать ее покой… что такое, в чем дело? — Я вижу, как у Ивонны округлились глаза, вдруг упершиеся во что-то за моей спиной. Ч-черт, Рут… Неужели голая? Оборачиваюсь — она стоит в дверях спальни, закутана в полотенце.

— Мне хочется поехать, — говорит она. — Я думаю, это пойдет мне на пользу.

Мы, раскрыв рты, смотрим, как она, помахав Тиму (меня будто не замечает), возвращается в спальню.

— Но там будет прикольно, повеселится хоть. — Тим пожимает плечами.

Ивонна гладит меня по руке, уговаривая:

— Рут нужны и положительные эмоции, какие-то желания, иначе она опять уедет в свою Индию. Каждому из нас необходимо время от времени расслабляться, так все медики говорят, что стресс — убивает. Но люди не желают этого понимать, а чтобы справиться со стрессом, нужны эндорфи-

ны, вот. И вообще, на первом месте должен быть человек, а не работа, — работа она и есть работа.

Она внимательно на меня смотрит:

— А вам нужно что-то увлажняющее. У вас есть мыло для лица? Специальное?

— Нет.

— Что ж вы так. А вот у Тима есть, правда, Тимми?

— Правда.

Она лукаво мне подмигивает, убирая со стола пустой лоточек.

— Ну, до свидания, пока.

Я возвращаюсь в дом и еще раз умываюсь. Значит, Рут собирается куда-то ехать, и я ничего не могу поделать. Я переспал с ней и теперь должен быть тише воды, ниже травы, она только что могла меня заложить, но не сделала этого — пожалела. Нам надо поговорить начистоту, я должен попросить прощения и… и… и то, и се, и пятое, и десятое… залпом допиваю остывший чай. Ладно, успею, времени полно, почти целый день впереди…

За все двадцать три года работы я ни разу не позволял себе такого — переспать с клиенткой. Не то чтобы вообще, но никогда — во время работы. После — да, бывало. Четыре раза, пять, если

считать Кэрол, которая до сих пор имеет статус «старой любви», но, в сущности, это ни к чему не обязывает… *Ну, ты, трепло, хватит строить из себя праведника.* Верно. Если быть до конца честным, я не раскаиваюсь, абсолютно.

Стучусь. В ответ — молчок.

— Рут?

— Ну что?

— Можно войти?

— Нельзя.

— Извини, но нам нужно поговорить.

Вхожу. Окно открыто. Она одевается, сидя на кровати. Рядом лежит расческа, и я вдруг остро ощущаю, как Рут еще молода, и это сейчас — важнее всего. Сажусь на краешек постели, как можно дальше и как можно осторожней… Какие мы нынче сосредоточенные, нет, не могу я спокойно видеть это сердитое личико… меня снова к ней тянет.

— Прости меня, Рут, я не должен был… Не знаю, что на меня нашло… Со мной никогда не было ничего подобного, клянусь.

Она хохочет, прямо мне в лицо. Я действительно отмочил глупость.

— Ну да, да. Ты права. Я имел в виду — ничего подобного в подобной ситуации.

Она водит — и раз, и два — расческой по скомканной простынке и — молчит, молчит…

— Не переживайте, считайте, что ничего не было.

Она расчесывает волосы, занавесив ими все лицо, в солнечном луче пляшут всякие пылинки и ворсинки. На простынях — влажные пятна. Мне тяжко их видеть, особенно после этих ее слов. А солнечный свет делает их такими… очевидными. Мучительно подбираю слова, чтобы случайно не брякнуть какую-нибудь гадость.

— Я, конечно, тоже виноват, но, видишь ли, это было не просто… это. Мне хотелось тебе помочь, успокоить.

— Очень любезно с вашей стороны.

Она не смотрит на меня, и мне совсем не видно за пологом волос ее лица… не могу понять, что огорчает ее на самом деле.

— Мне тоже было хорошо.

Нервный смешок, недоверчиво качает головой.

— Я схитрила, — говорит она. — Нарочно, чтобы заманить вас.

Она сообщает об этом с гордо поднятой головой, тыча себя в грудь пальчиком: Я, Я, Я. Разумеется, только с большой буквы.

Гляжу на нее и думаю: ну ладно. Хоть ты этого не хочешь, я готов изобразить паиньку, подчиниться. Меня отрезвил этот душ, и я принимаю твою игру, моя девочка, да здравствует притворство. Никаких благостных бесед, ни гугу, можешь продолжать любоваться собой. Мы можем называть это… то есть она может называть это все как угодно, клиент всегда прав, пусть фантазирует, выдумывает всякие небылицы. Но все-таки, как мне самому воспринимать вчерашнее? Как мелкий, но все-таки проигрыш? Или, наоборот, как удачу? Как нечто, что отвлекло ее хоть на время от главного «соперника» и от поклонения тем новым для нее трансцендентным категориям, которые она отождествляет с этим аферистом гуру?

Весь день она усердно прихорашивается. Долго намывается в душе, долго сушит волосы. Просит у меня ножницы, чтобы обкромсать леггинсы. Отныне они превращаются в лосины. Я — в сладкой полудреме, наблюдаю за ящерицами, млею вместе с ними на солнышке. Какая благодать… слиться с матерью-природой… оказывается, вокруг столько всего интересного, жизнь кипит. Ползают огромные жуки, летают стрекозы, видимо, есть и змеи, впрочем, пока еще ни одной не видел (если не считать меня самого). И потом,

плохо ли еще разок полюбоваться на эму, на пересохшую извилистую речку, полную источенных стихиями плоских камней… Они почти горячие, эти каменные — с пылу с жару — лепешки. Коротаю время тем, что выискиваю самую ровную и круглую лепешечку, хочу прихватить ее с собой в Америку — на память.

При нормальных отношениях и обстоятельствах мы бы уже доползли до четвертого уровня. Это когда клиент умоляет: «Не надо так говорить, очень вас прошу! Мой гуру ни капельки не похож на этих ненормальных, на всех этих Джонсов, Корешей, Шри Раджнишей и прочих придурков. Нет, нет, он совсем не такой!..» Ответственный момент, когда у твоего подопечного должно наконец открыться второе дыхание. Я наношу удар, и весьма ощутимый. «Твоя вера прекрасна, но тот, кому ты поверил(ла), недостоин твоей преданности, пойми это». И — аргументы, аргументы, при каждом подходящем случае.

Весь ужас в том, что я тоже оказался типом не слишком достойным, с гнильцой. 18.45. Перед Рут и передо мной — тарелки с сэндвичами, она заваривает чай. Ну а я в данный момент стараюсь справиться с двумя трудными испытаниями: не прятать от нее глаз и преодолеть гложущее меня

чувство вины. Если я от него не избавлюсь, все мои дальнейшие психологические дивертисменты просто бессмысленны. И, в конце-то концов, она грешна не меньше моего. Когда все это более или менее «рассосется», я смогу продолжить, а пока… я обречен на бездействие. А ее вся эта история, похоже, взбодрила, вон какая веселенькая… М-да-а, сдается мне, этой девочке уже вряд ли кто сумеет помочь…

— Еще чаю?

— Спасибо, не откажусь.

— Вы поедете на вечеринку?

— Исключительно ради тебя.

Она протягивает чашку, точнее, ставит ее на стол, словно боится нечаянно ко мне прикоснуться. Надо, надо было бы у нее спросить: «А если бы я тебя не отпустил, ты бы им рассказала? Все-все?»

19.55. Они прибыли. Мы с Рут при полном параде. На Йани — прозрачный плащ-накидка на молнии. Непромокаемый. Он знакомит меня со своей сестрой Мерил. Да, похоже, та еще штучка. Жара, а у нее совершенно сухая ладонь, на запястье поблескивает какой-то странный жетон — или брелок? Бледное от природы лицо слегка подрумянено солнцем. Черные, коротко подстриженные волосы, черное платье, черные

босоножки на каблуках, натренированное литое тело и развязные манеры.

— Приветик, я столько всего о вас слышала.

— Надеюсь, не очень плохого?

— Ну, не знаю, я никогда не полагаюсь на чужое мнение. Ну что, двинем? Чур, я с Рут.

— В таком случае я с вами.

Мы направляемся к двум обвешанным рождественскими прибамбасами машинам: разномастные, немыслимой яркости, блестящие гирлянды (жуть!), к бамперу форда Робби прикручена проволокой хрупкая самоделка из папье-маше — голова олененка Рудольфа из рождественского мультика. Та-а-к, понятно, сегодня у них там продолжится предпраздничная гульба. «Мы их каждый год так наряжаем, обе машины». Робби с Ивонной — на «форде-фэлконе», остальные набились, просто нечем дышать, в «мазду» Тима. Мерил шутливо дергает Рут за прядку волос:

— Эй, ты как, похудела, пока там жила? В Индии все худеют. Хочу вот туда смотаться, там есть что-нибудь стоящее? Хочу пройти курс йоги в каком-нибудь клевом местечке, так там есть на что посмотреть?

Рут молча отворачивается.

— Ох! Ну, прости, моя лапонька. Замнем, ни

слова о грустном. — Оборачивается ко мне, ее сияющая улыбка вдруг тускнеет. — Кстати, о грустном. Детка, у тебя бледноватая помада. У меня есть «Версаче», купила в Лондоне, здесь такой не найдешь. Розовая с перламутром, имей в виду. У всех нас, конечно, помады — завались, но почти все цвета быстро приедаются, на фиг их тогда покупать, верно? У тебя губки что надо, Рут, тебе не мешает слегка их оттенить, и никакого силикона не потребуется, ты не представляешь, до чего это больно, когда его закачивают. Приоткрой ротик, я кисточкой, так будет ровнее.

Мерил достает длинные помадные футлярчики, потом косметический набор — целый арсенал, извлекает разнокалиберные кисточки. Она нарочно загораживает собой Рут, одна нога на полу, вторая — на сиденье, коленка почти вплотную у бедра Рут.

На шоссе (в данный момент, как я понимаю, мы где-то в сердцевине Австралии) никаких машин больше нет, поэтому Тим вдруг резко подает в сторону, и теперь мы едем борт о борт с Робби. Ивонна радостно выкрикивает: «Привет!» Робби энергично крутит рукой, что означает: «Сбавь скорость». Между пальцев зажата огромная самокрутка с марихуаной, он раскуривает ее, потом,

всю обслюнявив, дважды глубоко затягивается, Тим резко подъезжает еще ближе. Мерил, потеряв равновесие, падает на Рут. «Эй, вы там, вылезайте!» — с этим кличем Робби наполовину высовывается из окошка, нависая над мельтешащими внизу — то чуть правее, то чуть левее — белыми разделительными полосками. Йани начинает выкарабкиваться через люк в крыше, при этом маневре его зад упирается в мою физиономию. Ну что же, милости прошу… Выбравшись, он вдруг резко откидывает голову — как от удара. Не ожидал, что снаружи такой ветрище. Просто ураган, пришлось мальчику ретироваться внутрь кабины и протянуть руку через окошко. Пересевшая за руль Ивонна чуть притормаживает, чтобы окна оказались друг против друга, Йани наконец выхватывает самокрутку у Робби. Трюк благополучно завершен. Первым делает затяжку Тим, потом сам Йани, потом он передает ее Мерил, та заботливо подносит ее к губам Рут. Рут, курнув, протягивает самокрутку мне. Я — вышвыриваю их обмусоленный косячок в окошко.

Припарковавшись, мы ждем, пока Мерил доведет облик Рут до кондиции полной неотразимости, творческий процесс в самом разгаре. То, послюнявив палец, подправит ей бровь, то

размажет очередной слой помады, вернее, нежно разгладит. Я сижу молчу и пытаюсь понять, почему меня этот процесс так раздражает. Сдается мне, что все это здорово смахивает на флирт, на самый откровенный флирт! Меня гложет ревность собственника: Рут моя, она моя клиентка, я за нее отвечаю и должен решать, что с ней следует делать, а что — нет.

Ивонна тащит меня за руку из машины, мы всем стадом бредем к соседней улочке, застроенной низенькими, раздавшимися вширь домами, с нависающими лоджиями, опирающимися на мощные колонны из кирпича. Надутые пластиковые бассейны, цветочки-газончики, собаки, машины, и, разумеется, всюду торчат огромные тарелки антенн. До чего же уродливы, снести бы их к чертовой матери. Ивонна то и дело хихикает. Улочка упирается в Площадь Граждан. Тут тебе и сады, и монументы, и бурная ночная жизнь.

Слышу, как Рут шепчет Мерил: «Мне жутко жарко, я вся в поту, все тело влажное». Это звучит как зазывный страстный лепет, я автоматически мысленно фиксирую: «вся в поту… влажная».

У входа жирный малый предлагает мне травку, у него асимметричные уши и плотоядный рот, продает уже готовые косяки с дурманом. Я мотаю

головой.

— А блондиночку-школьницу?

— Никаких школьниц.

— Недорого…

— Говорю же — нет!

Мы входим внутрь, нас всасывает толпа, состоящая из сплошь исколотых татуировками индивидуумов и увечных ковбоев (во всяком случае, шляпы — ковбойские). У кого оторваны пальцы, у кого-то — вообще нет руки… Я оторопело смотрю на культи. Обретя наконец дар речи, спрашиваю у Ивонны, как у них тут с техникой безопасности, она тут же спрашивает об этом местного фермера, в ответ только выразительная жестикуляция: отстань, давай лучше выпьем, чего тебе плеснануть?

Меня тянут к бару, а там… всюду развешаны дамские лифчики, их сотни, нежные на ощупь, отделанные слегка замусоленными кружевцами, на некоторых имеются висюльки, бахрома, стеклярус. Номер «А», самый маленький, на эту экспозицию не допустили, ни одного экземпляра…

Протискиваемся к танцевальному загону: фиолетовый пол, фиолетовые изразцы на полстены. Садимся. Стиль, скажем так, викторианский:

лепные виньеточки-веточки, много зеркал, в честь праздника обложенных снегом из ваты. Гирлянды мигающих лампочек — то в быстром, то в медленном ритме, из-за этих перепадов перед глазами — разноцветные пятна и слегка мутит. Натыкаемся на очередную, обкурившуюся до полной одури жертву «веселого Рождества». Поверх топика она нацепила один из бюстгальтеров, они, видимо, и есть главный сегодняшний «прикол». Девчонку бьет дрожь, хотя тут жарко, как в сауне. Стекляшки-бриллианты, нанизанные на бахрому, позвякивают в такт дрожи.

— Скинемся на косячок, — лепечет она.

Нет, не скинемся; Ивонна тоже против, потому что после травки не может думать ни о чем, кроме секса. Девица спрашивает, как нам новые усилители звука, жутко мощные, их только сегодня установили, правда, супер?

— О-о-о, да-да, — говорит Ивонна. — С-супер.

Но по лицу видно, что она имеет в виду не усилители, на нее накатили *воспоминания…* Они с Робби так славно однажды покурили, балдели несколько часов. Даже не понадобилось картинок с киношными мальчиками, и без них было все тип-топ, непередава-а-емое блаженство.

— А-а-ах! — Поправив прическу, она протяги-

вает мне руку, приглашает потанцевать. — Доставьте мне удовольствие!

— Нет, нет, спасибо, не могу, очень хочется пить.

— О-о-ох, — хлопает себя по лбу. — Простите, я и забыла, что вы на посту. На страже. Да, конечно.

И она уже не сердится, ребячливо треплет меня по макушке, дробно притоптывая каблучками — ну просто «фламенко» — удаляется. Ну а я смотрю на смутные тени официантов, лавирующих среди столиков и толпы, на публику… Все чаще глаз натыкается на лифчики, надетые поверх футболок и рубашек, некоторые просто обмотали ими шею, как шарфом. Забавно, в сущности. Но мне не до забав, я не выпускаю из вида Рут. И все больше не то чтобы злюсь, но — дозреваю.

Она и Мерил изредка мелькают среди толпы, с томным видом выламываются друг перед дружкой. К ним подбегает какой-то тощий доходяга, на животе у него болтается расшитая мишурой сумочка-кенгуру, в таких носят младенцев, но у него там вместо младенца собачонка, с гладкой шерстью. Еще одна парочка, оба по пояс голые, блестят от пота, на головах — резиновые оленьи рожки. Рут исподтишка за мной следит, вернее, не столько за мной, сколько за бутылками. Как

только официант ставит их на стол, тут же подскакивает и хватает пиво — без спроса. И тогда я завожусь уже всерьез. И вцепляюсь во вторую бутылку.

— Можете дать мне еще одну?

— Нет. Полагаю, тебе не стоит пить.

— А я полагаю, что стоит.

Узнаю тон Мерил: хамовато-безапелляционный. Рут, виляя бедрами, снова мчится к Мерил… ага, что-то шепчет ей на ухо, та в ответ нежно проводит рукою по ее руке, от плеча вниз, потом, еле-еле касаясь, обводит пальцем тонкое запястье — явно с подтекстом. Я чувствую это, и настолько остро, что сам невольно глажу собственную руку, боже, какая у меня грубая кожа, как наждачная бумага… Они вдруг расходятся, Мерил направляется к стойке бара.

Двенадцатый час, в бар набивается все больше и больше народа, меня охватывает паника. Хлопаю ребятам из доморощенного джаза, а сам озираюсь. Где же Рут? Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп, ну и духотища, стар я уже для таких развлечений. Ч-черт, разве в этой свалке что-нибудь можно увидеть? Изредка я все-таки нахожу ее взглядом, но очередная стайка куколок в жутких, расшитых блестками и мишурой «прикидах», тут же

ее загораживает, ритмично сотрясаясь в танце. Ну что ж, придется внять уговорам Ивонны. И вот, выделывая коленца, пробираюсь поближе к тому краю, где засек Рут. Ого. Эта провокаторша в объятьях Мерил, и та со знанием дела общеловывает ей ухо… Ну, это уж черт знает что… меня распирает бешенство. Я подскакиваю к Йани:

— Привет.

— Привет. — Он трясет бедрами сбоку от меня, поэтому, чтобы он услышал, приходится хлопнуть его по плечу и заорать в самое ухо:

— Что это с вашей сестрой?

Привстав на цыпочки, он смотрит на эту парочку. На то, как Мерил осыпает Рут страстными поцелуями.

Он пожимает плечами:

— Запала на Рут.

— Но это же не совсем… нормально.

Тут его толкает в бок Тим, и Йани громко излагает ему мои претензии. Оба искренне недоумевают, что меня так смутило.

— А что тут такого?

— Так вы — противник секс-меньшинств? — с ехидцей спрашивает Тим и хохочет.

Я в ответ тоже хохочу.

— Между прочим, Рут *ваша* сестра, которая пока

еще не избавилась от ментальной зависимости, сдерживающие центры отключены. Тут ее гуру хорошо постарался. Так что она может запросто попасть в какую-нибудь историю, в моей многолетней практике примеров было предостаточно. Потому я и стараюсь держать ее под контролем.

Какого черта я перед ним распинаюсь! Подняв плечи, пробираюсь сквозь толпу, особо никого не рассматривая.

Подхожу к Робби и прошу ключи от машины. Он, стряхнув пепел с сигареты, молча кидает мне связку, я ловлю их над самой моей головой. Что ж, это уже прогресс, видимо, расквашенный нос Фабио произвел на него тогда впечатление.

Однако Рут что-то не видно, ни в толпе танцующих, ни в баре. Проталкиваюсь среди потных дрыгающихся тел к Мерил.

— Простите, Мерил, а где Рут?

Даже головы не повернула. Я продолжаю сверлить ее взглядом, как сыщик из сериала.

— Простите, Мерил, а где Рут?

— Да слышу я вас, слышу, просто пытаюсь сообразить.

Долгая пауза, теперь уже Мерил оценивающе меня рассматривает. *Знает? Или не знает? Что же все-таки, черт возьми, происходит?* Игра в

молчанку продолжается, я уже на грани отчаяния и катастрофы… А она, сучка, ждет, когда я начну умолять, уговаривать. И я, разом вспотев, натужно улыбаюсь, пляшу перед ней, как пес, выпрашивающий подачку. Наконец она ленивым голосом — очень медленно — сообщает:

— Рут решила немного проветриться.

Улица едва освещена. Эта паршивка могла спрятаться где угодно, запросто. Ну ты, спец дерьмовый, только без паники. Без. Паники. Бес паники, изыди… Бегу к парковке, где мы оставили машину. Рут там нет. Бегу назад, к бару. Стоп. Слева чьи-то голоса и смех. Бегу на них. Все ощутимей пахнет раскуренной травкой, запах выводит меня на задворки бара, там своя тусовка, ловцы кайфа, растаманы, расположились прямо на земле. Рут, в одном лифчике, сидит, прижавшись головой к тщедушной груди того типа, с псом, он поит ее, прямо из горлышка бутылки. Свободной рукой он стягивает бретельку, обнажая ее левую грудь. Наклонился, немного пососал… Со странным чувством — испепеляющей опустошенности, смешанной с отвращением — я смотрю, как он тискает ее грудь, как грудь эта упруго нависает над примятой «чашечкой», пока он тоже лакает пиво. А другой тип тем временем

лезет ей под юбку, чтобы стащить с нее леггинсы (то есть лосины). Он настолько этим увлечен, что моя атака — полная для него неожиданность. Он тянет их вниз, я — вверх. Вскочив, он — плотненький такой коротышка — хватает меня за руку, но поскольку еле стоит на ногах, я легко его отшвыриваю.

— Рут, где твой топик?

Теперь на меня начинает наскакивать ее собачник.

— Эй ты, старый хрен, отлипни, ублюдок, мы угостили ее пивом.

— Какая щедрость.

— А то. — И он с хозяйским видом снова присасывается к ее груди.

— Рут, нам надо идти.

— А-а-а, это ты, папочка. — Смотрит на меня затуманенными очами. — Я хочу с тобой перепихнуться. Давай, папуля, быстренько меня ТР-Р-РАХНИ!!!

— Тсс. Прекрати, сейчас же прекрати.

Я пытаюсь ее поднять, она падает, распластавшись рядом с коротышкой. Тот хочет меня ударить, но промахивается.

— Ей плохо, — говорю я.

— Всем плохо, — вяло констатирует он.

Ясно. Чувствую, как мой задний карман, где лежит кошелек, начинают оглаживать, вот запустили пальцы внутрь, потом глубже… Я со всей силы хлопаю по шныряющей руке — БАЦ! Оказывается, бедняжке нечем смочить горло… страдалец…

— Жалко тебе, что ли?

— Не жалко. НА. — Я швыряю ему двадцатку, он с радостным гиканьем пытается поймать ее на лету, но через секунду копошится в грязи, ищет.

Мы с Рут тоже ищем — продолжаем искать — ее топик. Она уверена, что его забрала Мерил. И насрать на него, он ей все равно не нравился. Наконец находим. И вот мы уже у дверей машины, но ее вдруг застопорило: вспомнила, что ей надо поговорить с Мерил.

— Я должна поговорить с Мерил.

— Тебе нужно полежать.

— Нет, мне нужно поговорить с Мерил, она просила.

— Мало ли что? Сейчас тебе необходимо быть дома, и поскорее.

Открываю дверцу и, крепко взяв ее под руку, веду. Мы уже совсем близко, остался один шажок… И вдруг эта паршивка вырывается.

— Эй! Убери лапы! Кому я сказала!

— Я просто помогаю тебе, Рут.

Она смотрит на меня недоверчивым взглядом, потом — на свои приспущенные леггинсы. Я подхожу чуть ближе.

— Н-н-е-е-ет! Не надо! Не смей!

Потом еще громче:

— Спасите! На помощь! Меня насилуют! НАСИЛУЮТ!

— Замолчи! — ору я. — Эгоистка, чертова эгоистка!

Но она продолжает истошным голосом звать на помощь, она садится на землю, потом, набрав в легкие воздуха, снова собирается заорать.

— ЗАТКНИСЬ!

Я зажимаю ей рот, она брыкается, и мои пальцы крепче впиваются в ее подбородок. Я заламываю ей руку, вижу, что больно, но мне уже плевать. Тащу ее к машине, она упирается, идет как на ходулях, что ж, так даже легче толкать ее вперед. Бросаю ее — как тюк — на заднее сиденье, хорошо бы ударилась, и посильнее. Плюхнувшись, она вся обмякает, вытягивается и тут же закрывает глаза. А у меня подгибаются коленки, мне бы скорее сесть, меня колотит дрожь, так что я никак не могу вставить ключ зажигания. Дрожь какая-то странная, внутри мускулов, все нервы

словно перекручены, а в ушах звенит и звенит: «НАСИЛУЮТ!»

По сторонам дороги — глухая чернота. Надо же, ни единого огонечка. На дороге тоже ничего, никаких подсветок. Странно у них тут все-таки… Жара, кондиционера у Робби нет, запасной бутылки с водой — тоже. Ловлю себя на том, что слишком крепко сжимаю рулевое колесо. Ревность. Эти пропахшие наркотой и перегаром задворки ночного бара… я словно побывал на краю бездны. Нет, я не мог допустить, чтобы кто-то ее лапал… Сзади едет машина, за ней — еще одна. Первая обгоняет меня, даже не приглушив фар. Вторая зачем-то тащится сзади. Рут скатывается еще ближе к спинке, спит как убитая. Достаю платок, вытираю лицо, включаю радио, ничего не ловится, на панели всего два тумблера — щелк, щелк.

Тот тип так и висел у меня на хвосте всю дорогу, до самого поворота.

17

Самое фиговое, что я заранее знала — облом! Не смогу я от него уйти, не смогу заставить себя сделать последний шаг к свободе. Слишком поздно до меня доперло, как можно воспользоваться этой непредвиденной ситуацией. Надо было раньше начать действовать. Нет, *что* именно и *как* надо орать, я сообразила сразу и даже успела проверещать: «на помощь, насилуют», причем довольно зычно. Но изобразить качественный истеричный крик — тут требуется сосредоточенность и решимость. А что я? Я позорно заткнулась. И не только потому, что он зажал мне рот, не дал выкрикнуть все, что я успела придумать. У меня просто перехватило горло. От страха, что я сейчас сделаю что-то непоправимое, предам что-то очень важное и личное. И еще я испугалась, что он может учуять этот мой страх, протелепатить. А зря испугалась. Он почти не смотрел мне в лицо, он сражался с моим телом.

Автомобиль мчится сквозь ночную черноту; я лежу и якобы сплю. А мое сознание словно раздвоилось. Голова вроде одна, а их два. Од-

но злобно твердит, что все, никакого просвета, второе утешает. Причем первое достает меня сильнее. Нудит, что все потеряно, всему конец, над твоей верой надругались, ничего, кроме этой жизни, не существует, есть только бессмысленное, никчемное прозябание. Мы живем, мы умираем, мы совокупляемся, и это все, что мы имеем и умеем. Второе, доброе, нацеленное на созидание, возражает: «Нет, ничего не потеряно, сдаваться рано, на одном человеке свет клином не сошелся. Среди гуру много чокнутых — возможно. Возможно, Баба — действительно садист и параноик, ну и что? Это еще не означает, что все гуру такие, что у них нечему поучиться».

Ради защиты души торговать телом — да уж… Лучшая моя половина говорит: «Это отвратительно, какого черта ты это все устроила?» А стервозная, готовая меня сокрушить, наоборот, хвалит: «Так папику и надо, ты показала ему, что он собой представляет, что он тоже фанатик, только из секты почитателей сучьих дырок. Ты сумела отыскать его слабое место и здорово отыгралась на его похотливости».

Эта, худшая, не только хвалит, но и подначивает, гадина такая: «Ты жалкая трусиха и ничтожество, что разлеглась, действуй, еще есть

шанс драпануть». Я тихонечко нажимаю на дверную ручку, поддается, значит, он не защелкнул оконную кнопку и можно попытаться… опускаю ручку вниз и толкаю дверцу. И тут же перед глазами стремительно понеслась, замельтешила лента дороги, совсем близко. Я невольно чуть прищуриваюсь, к горлу подкатывает тошнота, но все равно пытаюсь толкнуть еще раз. Пи Джей оборачивается и захлопывает дверцу, накрепко. Я закрываю глаза, о боже, меня сейчас вырвет… Говорю ему, чтобы подъехал к обочине и остановился, иначе я испоганю все сиденье.

Опять мы у своей халупки. Опять никто из нас не удосужился оставить включенным хоть одну лампочку. Сейчас, наверное, часа два: темным-темно, иду, сама не знаю куда. Пи Джею приходится меня поддерживать, пусть, я не рыпаюсь, мне бы только скорее лечь и уснуть. Внутри домика так тихо, так тепло — я валюсь с ног от усталости. Пи Джей накрывает меня — всю, до макушки — одеялом.

Когда я проснулась, в голове копошились обрывки кошмаров. Будто я соучастница кровавого преступления. Дело было так: ехали мужчина и женщина в машине. Он укокошил ее камнем, и мы теперь с этим чуваком должны спрятать

труп и постараться замести следы. Поднимаюсь с постели и никак не могу избавиться от чувства, будто я действительно соучастница убийства.

Почти половина четвертого. Пи Джей не спит, он заваривает чай и наливает себе и мне. Мне — с молоком. Помнит. Я смотрю, как крутится в чашке белый водоворот, покрытый маслянистыми кружочками, как постепенно смешивается с чаем.

— Спасибо, — говорю я с суперблагодарной улыбкой и тут же добавляю: — Я хочу домой.

— Пока рано.

— Ничего не рано. Я уже исцелилась. Запросто теперь могу пить, трахаться и танцевать.

— Это потому, что у тебя заблокированы сдерживающие центры, подавлена воля.

— Прошлой ночью вас это абсолютно не смущало. Бросьте, все уже кончено. И вообще, вы стали жертвой обмана.

Он потягивает чай.

— Нет, не кончено. Во-первых, хотя бы потому, что тебя тянет на выпивку, во-вторых, мы все еще в пещере. Причем в гораздо более глубокой и темной, чем раньше, чем той же прошлой ночью.

— Ой, как мне страшно.

— Естественно. Я видел людей, чьи мозги не

выдерживали и при менее экстремальных обстоятельствах.

Ну, надо же, он думает, что мы сообщники, повязанные знанием обоюдных грешков, оба любим с кем-нибудь оторваться в койке. Вот что значит снова пуститься в разговоры — начинаешь входить во вкус, и опять все эти ля-ля-ля, и ты уже мечтаешь только о том, чтобы они заткнулись, эти трепачи. Сколько можно…

— Ладно! Сдаюсь! В Индии на меня действительно оказывали влияние — помимо моей воли.

Он слегка надувает щеки и с шумом выдыхает: дескать, слава богу! Я знаю почему: он все пытается сделать вид, что секс ему вообще до лампочки, и пристыдить Баба. Я соскальзываю с кушетки, становлюсь на четвереньки и ползу, потом кладу обе «лапы» ему на колени.

— Мяу. — Я улыбаюсь, заглядываю ему в глаза. — Ну, ты счастлив? Лично я — да. А ты что скажешь?

Я глажу его по шершавой увядшей щеке, о-о, как он сразу разозлился, скидывает с колен мои руки и кладет ногу на ногу. Я вижу перед собой прежнюю — по-учительски строгую — круглую физиономию.

— Все развлекаешься, детка.

— Я?

— Заткнись, хватит изображать паиньку. — Он улыбается. — Хочешь поиграть в начальство, садись уж тогда в мое кресло.

Я по-кошачьи извиваюсь.

— Давай, давай, уступаю тебе трон.

Хуммм… Я встаю, он тоже, и мы бочком продвигаемся вдоль столика и меняемся местами, при этом я едва не сшибла бедненького Пи Джея с ножек. На его «троне» чувствую себя точно такой же, как только что на своей кушетке. Бездарной притворщицей. И тут же машинально вцепляюсь в подлокотники, от напряжения. Что-то никакой уверенности в себе и желания покомандовать. Просто пересела на его кресло, ну и что?

— Ну что же ты? Давай. Воспользуйся переданными тебе полномочиями, ты теперь у нас главная.

Я сажусь прямо и гордо расправляю плечи.

— Ладно, уговорили. Хочу кое-что у вас спросить… что вам нравится во мне больше? Моя душа или мои груди?

— Ты это серьезно?

— Вполне.

Он усмехается каким-то своим мыслям, потирает руки, потом зачем-то долго-долго на меня

смотрит.

— Буду откровенным. В данный момент мне гораздо больше нравятся твои груди, Рут, ничего уж не поделаешь. Не в твоих силах заставить меня не замечать, какая ты соблазнительная. Ни меня, ни любого другого гнусного старикашку. Ты здесь, ты рядом, и все мои мысли о тебе.

— Понятно. И какие же они?

— Это слишком личное.

— А как насчет прошлой ночи? Тоже секрет?

Он опускает чашку и доливает себе чаю.

— А правда, как насчет прошлой ночи? Как она тебе?

Я брезгливо поджимаю губы.

— Гмм… Довольно противно.

Он кивает — или клюет носом? Постукивает пальцем по краю чашки. Дважды ее отодвигает, специально. Сосредоточенно рассматривает коричневый кружок чая.

— Ну ты и стерва, — говорит он, не отрывая взгляда от чашки.

— Ну ладно, было и кое-что интересное, — говорю я, — в познавательном смысле. «Ну же, детка, ну кончай, моя маленькая». Такого мне еще никто не говорил.

Он, задохнувшись, ловит ртом воздух, а сам

продолжает выстукивать ногтем дробь по краешку чашки, я дергаю за нитку чайный пакетик, нитка обрывается.

— Послушайте, юная леди, я всего лишь пожалел вас, поддался на ваши уговоры. Если ты думаешь, что это очень забавно — унижать меня, то знай, что думаю я: ты бессердечная, тупая молодая самка.

Он смотрит мне в глаза, лоб прорезают глубокие морщины. Я вздыхаю, проведя — изнутри — пальцем вдоль низко вырезанного лифчика, зубчатый край которого оставил красный след. Потом с отрешенным видом начинаю стаскивать лифчик, кожа под ним вся потная, я глажу красный рубец, вытираю пот. Присаживаюсь рядом с Пи Джеем, разворачиваюсь, так что мои груди почти касаются его носа.

— Ты не хочешь меня поцеловать?

— Тебе правда этого хочется?

— Да.

Я глажу грудями его брови, обвожу вокруг глаз, еле-еле касаясь. Мне от этого ни холодно ни жарко, но Робби говорит, что все мужчины душу готовы отдать за то, чтобы их придушили пышными мягкими сиськами. Я настырно пихаю их ему в физиономию. Наждак, а не кожа, как бы

не поцарапаться… Он касается моих грудей, ой… как щекотно… Я отодвигаюсь и прикрываю соски ладонями.

— Посмотрим, способный ли ты ученик.

Он оскорблен, как я только посмела! Надув губы, обиженно отводит глаза.

— Не учи ученого! Сам знаю, что и как.

— Не уверена, — говорю я, — не факт, что ты знаешь, чего я сейчас хочу.

Он улыбается: ладно, давай посмотрим. Я вижу, как ему уже не терпится начать эту игру. Он соскальзывает с кресла и плюхается передо мной на колени. Целую минуту он ничего не делает, только горячо дышит мне в живот. Потом, поддев большими пальцами резинку на леггинсах, начинает их стаскивать, очень медленно, я пытаюсь разобраться, какие ощущения вызывает во мне эта утомительная (или томительная?) медлительность. Пока я об этом думаю, он вдруг резко прижимает лицо к моему паху, зарывается в волосы. Как больно, какой он колючий! Я отталкиваю его голову:

— Нет. Не так. Целуй меня там и везде, только нежно.

Он послушно целует и сам треугольничек, и все вокруг, но это больше похоже на прикосновения

крыльев бабочки, а я хочу поцелуев.

— Нормально целуй, — требую я и крепче прижимаю его губы, направляю, нажимая на затылок. Он долго обцеловывает изнутри мои ляжки и кожу над волосами, целует там, где совсем не обязательно, где мне совсем неинтересно. Я велю ему спустить леггинсы ниже. Он подползает сзади и заворачивает их, скатывает в ролик, спуская до колен. Он там, сзади. Я не знаю, что он собирается делать дальше, это и пугает, и распаляет. Чувствую, как его пальцы раздвигают мне ягодицы — точно на приеме у хирурга. Потом он снова их сдвигает, и снова раздвигает, и так несколько раз. И вдруг меня обжигает влажное прикосновение: он пытается просунуть внутрь — между ягодиц — свой язык.

— Эй, мне это не нравится, лучше сними эти чертовы леггинсы.

Он сворачивает их до самых ступней и помогает окончательно от них избавиться.

— Ложись.

Почти укладываюсь, но тут вспоминаю, что главная сегодня — я.

— Нет. Слушай меня. Сейчас ты отправишься в спальню.

Он покорно бредет к спальне, но вдруг обора-

чивается и вопросительно смотрит на меня.

— Ну, чего же ты ждешь?

— Я жду тебя.

— Не нужно. Раздевайся и ложись.

Он медлит, но потом подчиняется, начинает раздеваться, доверчивый бычок. Мне нравятся его крепкие, как стволы, ноги. А бедра вполне сексуальные, бедра — это вообще моя слабость, сразу представляешь, как они прижимаются к тебе, горячие и гладкие. Как молодые деревца. Нет, я все-таки сделаю это, подойду и поглажу, наверное, это приятно, провести ладонями вверх и вниз. Я и спортивные соревнования смотрю по телику из-за голого тела. Обнаженные мужские ноги будят во мне порочные фантазии. Мускулы, вжимающиеся в твои мускулы, готовые тебя раздавить, уничтожить, а ты пытаешься вырваться и ругаешься — «не надо, отстань!».

…Не факт, конечно, что я действительно это все проделаю, но скорее всего. Чтобы его помучить, я мурлычу, что мне пока не хочется, пусть лучше помассирует мне спину. Ложусь на кровать, и он начинает. Пожалуй, это не совсем массаж, потому что в каждом прикосновении я чувствую его ярость, остроту его желания. И мне это нравится, очень. Нравится это щекочущее тепло, а главное,

то, что я заставила Пи Джея угождать мне. Он так старательно и заботливо разминает мне спину, и в то же время с такой ненавистью… все-таки странные я вызываю у него чувства. И вот он переворачивает меня на спину, вот раздвигает ноги, и его пальцы нетерпеливо щупают мою вагину, потом пытаются проникнуть внутрь. Я перехватываю его руку:

— Нет, не надо.

Он умоляет, говорит, что больше не может терпеть, но я непреклонна:

— Погоди, я не хочу, чтобы ты раз-раз-раз, потыркался, и привет. Я хочу, чтобы ты у меня был сильным… настоящим магом, который расправит во мне каждую жилочку, каждый мускул, каждую складочку… Понятно?

Он не отвечает, он начинает круговыми движениями гладить мой живот… перестал… теперь разминает суставами пальцев, уже не только живот, но и бедра. Снова слегка раздвигает ноги, чтобы удобнее было массировать, и с тыльной стороны тоже, а иногда почти задевает выступ между ног. Гладит, похлопывает по ляжкам, по икрам, пусть, как здорово, как это успокаивает. Вот добрался до моих озябших ступней. Я давно мечтала об этом: если бы я стала королевой, то

первым делом тут же завела себе придворного массажиста, чтобы мял и растирал мне пальцы и пятки… Какое блаженство, не хочу, чтобы он останавливался, хочу еще и еще. Пи Джей подкладывает мне под зад подушку и, тихонечко перебирая пальцами, начинает поглаживать кожу под пупком и вдоль кромки волос, потом еще шире раздвигает ляжки и дует — в самую середку, это мне, пожалуй, не нравится, я чувствую слабый протест: застал меня врасплох, я не готова к тому, чтобы он и *туда* смотрел, и дул… И вдруг я чувствую — *там* — его губы, и все еще пытаюсь анализировать: то, что будет происходить дальше, это все еще по моему приказу или это уже его инициатива? Какой горячий у него язык… Что значит опыт, он явно не впервые такое проделывает… Нежно покусывает, крепко (но при этом очень бережно) нажимая, водит кончиком языка… мне так хорошо, что я уже не могу больше никого терзать: ни себя, ни его. Я хочу забыться, раствориться в блаженстве, здесь, сейчас, здесь, в этом домишке, где мы совсем одни, и пусть, теперь мне это все по фигу…

Когда все завершилось, я спросила:

— И как же мне теперь удерживать равновесие?

Он непонимающе на меня смотрит.

— Я имею в виду — внутреннее, мое душевное равновесие.

— Между чем и чем?

— Между отрицательным и положительным, между плохим и хорошим.

— Значит, по-твоему, тут нет особой разницы?

— Есть, конечно, могу, черт ее возьми.

— Ха-ха-ха. Значит, тебе просто неохота брать на себя ответственность.

Ха-ха-ха. Вот сволочь! Догадливый…

Утро было кошмарным. Я проснулась одна и почему-то на кушетке. И сразу поняла: в доме есть кто-то посторонний, кто-то бродит, стуча каблуками по полу. Я притворяюсь спящей. Цок-цок-цок. И вот надо мной наклоняются, цокнув совсем близко и особенно противно. С моей щеки осторожно убирают волосы.

— Ага, — шепчет женщина на каблуках. Я чувствую, как простыня слегка приподнимается (видимо, она осматривает мое тело), потом снова падает, и меня заботливо укутывают. У женщины ласковые, но при этом очень уверенные руки, от нее пахнет мятой. Она уходит, и я открываю глаза и успеваю рассмотреть ее икры: толстые и черные. Вскоре ее голос доносится со стороны

душа, сильный американский акцент. Ч-черт, серьезная тетенька.

Сползаю с кушетки и подкрадываюсь к окну: тетенька орет на Пи Джея, слов она знает много… среди прочего что-то насчет телефона, что это элементарно — взять и набрать номер… Ее задница иногда чуть подрагивает, в те моменты, когда она тычет пальцем Пи Джею в грудь. Пухленькая, с бешеными глазами, волосы прямые, жесткие, прическа под Клеопатру. А она очень даже ничего.

Пи Джей, обливаясь потом, оправдывается, твердит, что действительно собирался позвонить.

— Когда?

— Когда закончу.

— Ну и как? Закончил?

— Почти, она уже, можно сказать, почти… В общем, я был… Да прекрати ты, наконец! Пойми-и-и: некогда мне было слушать, звонит или не звонит этот гребаный телефон! Не до того было.

— Ах, некогда… (Тараторит что-то непонятное, не могу разобрать…) Не вешай мне на уши лапшу, мой мальчик. Придумай что-нибудь более остроумное. Я просто не могу поверить своим глазам… Она тебя скрутила, скажешь, нет? Она,

я вижу, вертит тобой, как хочет. И возникает естественный вопрос: как ей это удалось? Да, я хочу знать, как ей…

Я слышу, как у порога хлопает дверца машины. Ни с кем не хочу разговаривать, пошли они все… снова бегу к кушетке, ныряю под простыню, голая, и накрываюсь с головой, оставив маленькую щелочку.

— Кэрол, ты где? — орет Робби и входит. Увидев меня, останавливается, нежно на меня смотрит (от этого взгляда у меня мучительно сжимается сердце) и дальше идет уже на цыпочках, к спальне, но, передумав, подходит к холодильнику. Ага, хлопнула дверца, он пьет, прямо из бутылки, потом зажигает сигарету. Горластая Клеопатра вдруг громко зовет: «Робби!», и мой братец уходит. А я поднимаюсь, я надеваю топик и так тщательно скатанные вчера почти до лодыжек леггинсы, то есть лосины.

Входит Пи Джей, на ходу обтирая лоб влажным платком, в руках у него блюдо с сэндвичами.

— Ну, — говорю я. — И кто это у нас был?

— Кэрол Фелпс.

— Дальше, я слушаю.

— Дальше? Она моя любовница.

— Ну да? Как я за тебя рада.

— Вот уж не думал, что ее понесет в Австралию.

— Хи-хи-хи, не иначе как ей захотелось надрать тебе жопу.

— Это тебя бы, естественно, тоже порадовало, я знаю… уже изучил твои садистские замашки.

— Еще бы не порадоваться, жаль, что ты ничего не слышал… Как она цокала тут своими каблуками, то туда, то сюда, бормотала, всю меня рассмотрела. Я притворилась, что сплю, а она потом еще и простынку подоткнула, как ребенку.

— Ты и есть ребенок. Маленькая девчушка, верно?

Гм-гм. Я сажусь и отбираю у него половинку сэндвича. А он неплохо выглядит, бодренький, и это почему-то меня злит.

— Верно, вот и спи с девчушками постарше, с твоими ровесницами, тогда и волосы не придется всякой липкой дрянью мазать и тем более красить.

Я хватаю с блюда еще один сэндвич, Пи Джей протягивает мне бумажную салфетку (ишь какой заботливый!) и говорит:

— Мужененавистница.

Ничего себе! Я жадно откусываю еще кусок, но, посмотрев Пи Джею в глаза, кладу недоеденный

сэндвич на блюдо и — краснею. С чего бы это? Он говорит мне всякие гадости, а я же еще и краснею? Чувствую, как у меня внутри все леденеет от злости.

— Так оно было бы удобней, да? И проще.

Молчим, еще одна игра: кто кого пересмотрит…

Он моргает первым.

Наклоняется и обхватает мое запястье, я вскрикиваю от неожиданности, а он хохочет и плюхается на пол. Долго хохочет, время от времени утирая выступившие слезы.

— Ха-а-а-а-а-ах. Ха-ха. Валяй, Рут. Я хочу, чтобы ты показала все, на что способна. Я лягу у твоих ног, а ты говори, не стесняйся. Не сдерживайся, выкладывай все начистоту, я готов к самому худшему.

Он, извиваясь, так и лежа на спине, подползает к моим ступням, я инстинктивно немного их отодвигаю, боюсь нечаянно задеть его голову.

Смотрю вниз на его улыбающееся ждущее лицо. Ладно, раз сам просит… я все ему скажу.

— Ну так слушай, дамский тампон-любитель, сейчас я выдам тебе все. Начнем с ненависти к мужчинам, полный бред. *Раз эта нахалка смеет меня критиковать, обзову-ка я ее жено-*

ненавистницей… она сразу притихнет… Сам же знаешь, что это чушь собачья. У меня просто нет слов… Дальше. Я знаю, зачем я тебе нужна. Тебе захотелось свежатинки, поиметь молоденькую, нераздолбанную еще киску. Лучше бы такую, которую можно прихватить в виде сувенира домой, чтобы было чем похвастаться знакомым самцам: вот какая у меня замечательная давалка… Кстати о доме, мистер Глаженые Джинсы и Ковбойские Ботинки, это у вас там такая униформа? Для независимых индивидуумов?

Пи Джей слушает с закрытыми глазами, и рот по-прежнему растянут в улыбке. Я пикирую с дивана к нему на живот, рассчитывая красиво и элегантно приземлиться, но промахиваюсь. Пи Джей начинает охать и причитать, я покатываюсь со смеху, лежа рядом с ним. Он прижимается ко мне и хочет поцеловать.

— Нет, — говорю я, задыхаясь от хохота. — Не хочу целоваться со стариком.

Глаза его прищуриваются, от них расходятся лучики морщин, но теперь в этих глазах нет ни тени улыбки. Он смотрит на меня, я на него, он вдруг больно щиплет меня за щеку…

— Ты привлекательна, а это делает некоторых жестокими. Недобрыми.

— Да, делает. Раз уж мы говорим откровенно, то некоторые имеют полное право быть такими. Это же тот самый случай: «Старый кобель до молодых сук охоч».

Я тру щеку, он смотрит на мои пальцы.

— Хватит, я достаточно сообразителен.

— Нет, не хватит! — Я колочу его по груди. — Я еще не все сказала. Спрашивается, почему старый кобель до молодых сук охоч? Потому что с ними этот слюнявый старикашка может вести беседы, которые его возбуждают… *Прости, дорогая, сейчас-сейчас… только раздвину твои пухленькие складочки.*

Его лицо делается каменным.

— Милостивый боже, Рут, я не употребляю подобных слов.

— Никогда?

— Никогда.

Я набираю в грудь побольше воздуха, Пи Джей похлопывает меня по руке:

— Продолжай.

— Это все.

— Неправда, ты хотела сказать что-то еще.

— Нет, не хотела. Говорю же: это все.

Но он прав. У меня на языке вертелось еще словечко… очень смачное: твою… мм… е… мм…

баль… ню. Даже про себя произношу его шепотом, почти не дыша и запинаясь. Мне почему-то не хочется, чтобы оно прозвучало здесь, это слово… которое я случайно подслушала у одного профессора — в аудитории, разумеется, сидели только парни. Нет, я не могу заставить себя произнести его вслух.

Пи Джей с легкой опаской трогает меня за плечо:

— Ну что же ты, Рут? Я разочарован.

— Знаю. Но я подумала… вдруг ты сбежишь, если я выдам тебе что-нибудь еще?

— На твоем месте я все же рискнул бы.

— Тогда я сейчас сяду на тебя верхом. На всякий случай.

Сказано — сделано. Усаживаюсь ему на грудь и, обтерев эту потную физиономию, начинаю дергать за щеки. Хорошо было бы к его члену привязать веревочку и повести так на прогулку, на поводке. Не-е-е-ет. Слишком примитивно. И не смешно. А смешно то, что я не в состоянии придумать что-нибудь стоящее, чтобы за все, за все ему отплатить… Надо же, даже не охнет, полное спокойствие, хотя я сильно растягиваю его щеки… тяну то к ушам, то к носу. Наконец, меня осенило:

— Придумала!

— Это ты о чем?

— Я знаю, что с тобой нужно сделать, старичок. — Пальцами зачесываю его волосы назад. — Не двигаться! Лежать!

Гениальная мысль, черт возьми! Мои руки чуть-чуть дрожат, когда я упираюсь в его грудь, чтобы встать. В спальне отыскиваю свою косметичку и подходящие шмотки… Я просто сгораю от нетерпения…

Мужчины не обращают внимания на свою кожу, поэтому у них всегда полно торчащих в неподходящем месте волосков: на носу, в бровях, да мало ли где еще. С них и начнем. Дергаю, Пи Джей громко охает. Я показываю ему, какие они толстые и черные, но никакого впечатления, он не желает рассматривать мои трофеи. Тональный крем хорошо ложится на его кожу, она кажется более гладкой. Жаль, у меня нет простой пудры, только компактная, не мешало бы припудрить ему шею, вся блестит от пота. Он периодически тяжко вздыхает, обычно все очень нервничают, когда их красят, а ты точно впадаешь в транс и никак уже не можешь остановиться, еще немножко… и еще здесь. Меня всему этому научила одна визажистка, но когда она надо мной

корпела, что-то подрисовывала, нависнув над моим плечом, я просто млела от удовольствия.

Пи Джей изредка отпускает мрачные шуточки: солнечный свет из окна бьет ему по глазам, слепит. Он все порывается встать и пойти посмотреться. Но я его не пускаю, я хочу, чтобы эффект был полным, на все сто, и заставляю его надеть пурпурный вязаный топик Ивонны и мамину сборчатую юбку из батика. Топик растягивается на нем вширь, задравшись намного выше пупка. А что, очень клево, когда вот так, все мускулы в обтяжку… действительно было бы неплохо, если бы эти городские пижоны, и в Сиднее, и на нью-йоркской Пятой авеню, ходили в соблазнительных легких юбочках и в коротких топиках.

— А ты классно смотришься, жутко сексуально.

— Тебе еще не надоело?

— Нет, погоди, я хочу, чтобы ты сам на себя полюбовался.

Он послушно протягивает мне руку, и я веду его к зеркалу. «Нет-нет, я страшно волнуюсь, хи-хи-хи», ага, тоже вошел во вкус. На женщину он, честно говоря, похож не очень, скорее на стареющего трансвестита. Мы вместе смотрим на его отражение в зеркале. Совсем забыла про помаду,

без нее никак нельзя. Но у меня под рукой только тени для глаз. Мажу ему губы медным цветом. Пи Джей строит мне в зеркале кокетливые гримасы. Я глажу его по щеке и нежно бормочу:

— Посмотри, твоя ровесница, и тоже, наверное, любит пошутить… *в твоей норке как в кратере вулкана…*

Он набрасывается на меня и целует-целует мое лицо, лаская кожу языком.

— Ну ты, старая лесбиянка, не смей меня лизать. Какая ты приставучая, фу, тебе еще не надоело?

Он грубо стискивает меня в объятьях и целует взасос, то втягивая мои губы, то резко их отпуская.

— Ты чертовка, Рут, ну давай же… — Он продолжает терзать меня поцелуями.

— О-ой. — Я вытираю губы, к ним больно прикоснуться. — Нет уж, давай себе сам, больше тебе рассчитывать не на кого.

Я отхожу и с обиженным видом бреду к диванчику. Он бредет за мной следом, к креслу, плюхается, потом игриво раскачивает ступней мою ногу.

— Я тоже был когда-то молод и недурен собой, уверен, что произвел бы на тебя впечатление.

— Меня тогда еще не было на свете, — напо-

минаю я.

Мы глядим друг на друга. Я — на свое творение. Он — на свое. Действительно, хватит… Я вскакиваю, и он не успевает меня остановить. Выбегаю наружу, хлопнув дверью. Сзади слышится глухой топот, Пи Джей распахивает дверь, а я — тут, на пороге, стою и смотрю на него, глаза в глаза. Он скрещивает на груди руки и смиренно опускает голову.

— Хи-хи-хи, — ехидно хохочу я, — я выиграла, я. Я — первая, я победила. — Я колочу кулаками по его скрещенным ладоням. — Эге-гей!

— Да, ты выиграла, Рут.

— ЭГЕ-ГЕ-ГЕЙ! — Мои ноги сами начинают отплясывать победный танец. Прыг-скок, я подпрыгиваю и ношусь по кругу, я кружусь и бью в ладоши. Из моего горла вырываются надсадные, торжествующие вопли и бессмысленные, вполне идиотские, слова и фразы:

— Да-да-да! По-бе-да! Ну, кто ты такой? — кричу я Пи Джею. — Быстренько отвечай!

— Я грязный слюнявый старикашка.

Он подходит ко мне, улыбаясь. Он обнимает меня за талию — и вот мы уже вдвоем скачем и кружимся… кружимся и скачем, долго, до полного изнеможения. Я еле дышу, часто-часто, как пес.

— Боже! Вот бы сейчас сюда моих друзей, вот бы смеху было, так весело, просто супер. О-ох, ха-ха-ха, хааа, о-о-ох, не могу… Ну а… — Мы оба умолкаем, я хлопаю его по плечу. — Ну а что ты скажешь обо мне, Пи Джей? Кто такая — я?

Спросив, вдруг начинаю здорово волноваться. Пи Джей тоже сразу перестает смеяться и оценивающе на меня смотрит. Ужасно, ужасное состояние… А он все молчит, все смотрит, я нервно почесываю голову.

— Ну?

— Можно, я напишу это на твоем лобике?

— Зачем?

— Боюсь, если я просто скажу, ты будешь сильно разочарована.

Он находит в кухне шариковую ручку, но она почти не пишет. Я хохочу, наблюдая, как он, свирепо рыча, пытается ее расписать — на каком-то пакете. И вот с моего лба убирают волосы, и через миг острый кончик вдавливается в кожу. Четыре буквы… все? Нет, еще шесть. И еще несколько раз их обводит, все десять буковок.

— Что-то ужасное? Да?

— Теперь ты погоди, это сюрприз.

Он ведет меня в спальню. В нашу спальню, в ту, где мы с ним спали. Меня вдруг охватывает такой

страх, что я упираюсь и замедляю шаг.

— Действительно что-то ужасное?

— Да нет же…

Я смотрюсь в зеркало, но в нем все буквы, естественно, перевернуты задом наперед.

— Здорово, конечно, но что эти каракули значат? — Я, прищурившись, пытаюсь разобрать: — БУ-У-Д… Будда?!

Он меня отвлекает, щекочет, нарочно. Знает, что мне действительно не терпится прочесть… Б-у-д… дь. Будь…

Пи Джей протягивает мне пудреницу, и я, вытянув по-журавлиному шею, какое-то время ловлю отражение своего отражения. Ес-с-сть!

— Будь ДОБ-РЕЙ. Будь добрей… Что? Так, по-твоему, я *не* добрая?

— По-моему, не очень.

Мы оба смотрим в большое зеркало на непривычно пятящиеся буквы. Там, в зазеркалье, мы почему-то больше подходим друг другу: размалеванный трансвестит и его пленница.

— Но я же просила сказать, кто я такая. Ради бога, теперь мне как-то неуютно. Написал бы честно: «ЗЛЮКА». Почему ты этого не сделал?

Я обвожу буквы кончиками пальцев.

— Нашла из-за чего грустить, успокойся, Рут.

Но я не могу успокоиться, я начинаю метаться по холлу, бормоча:

— Ты прав, абсолютно прав. Быть добрей. Это самое главное. Спасибо, очень тебе благодарна. Ведь это действительно самое главное, правда? Доброта. И далай-лама тоже об этом говорит: «Доброта — вот моя религия». Или, по-твоему, это слишком примитивно и он обязан говорить что-то более заумное? Ну, признавайся…

Я падаю на кушетку, сижу, опустив голову и плечи. Пи Джей подходит к креслу, шурша подолом, усаживается, широко раскинув ноги, так что все видно. Я подавлена, я в полной прострации, мысли — одна мрачней другой.

— А знаешь, чего я действительно боюсь?

— Чего?

— А ты никому не скажешь?

— Никому.

Я смотрю на него, слышу собственный долгий вздох: это я собираюсь с силами, чтобы признаться…

— Я боюсь…

— Да-да?

— Гм… я боюсь, что, несмотря на все эти мои роковые чувства, человек я на самом деле бессердечный.

Он усмехается, пожирая меня глазами.

— Что ты на это скажешь?

— Что скажу? — Обеими пятернями ерошит волосы. — Я так рассчитывал на твою бессердечность, так надеялся, что ты как следует меня помучаешь. Доставь себе такое удовольствие, а? Садисточка ты моя…

18

Мы в спальне, я лежу на кровати. Рут на коленках стоит рядом и колотит меня в грудь, бум-бум. БУМ! Я ловлю ладонью ее грудь, нет, это ей не нравится, она с досадой отпихивает мою руку, чтобы не мешал ей колотить.

— Рут, ты бы полегче.

— Не хочу полегче, хочу, наоборот, побольнее.

— Чтобы я стонал.

— Да, обязательно!

Я целую ее в шею, Рут не отстраняется, но и никак не реагирует на прикосновение моих губ. Я снова целую, опять никакого внимания, насупившись, что-то обдумывает, прислушивается к себе.

— Я не шучу. Ты же сам сказал, что я никому никогда себя не подарю.

Она откидывается на подушки, тяжело дыша от обиды, почти всхлипывая. Я целую ее в плечо и мысленно приговариваю: «Милая ты моя, сказанное вчера отнюдь не всегда справедливо сегодня». Я понимаю, что подобная фраза, скорее всего, будет воспринята ею как очередная затасканная

прописная истина. И все-таки, старый дурак, не могу удержаться, произношу ее вслух, напоминаю, что слова не всегда адекватны истине.

— О-о-о, нет, не надо, не надо все снова… — бормочет она, я так ее рассердил, что она даже на меня не ругается.

Соорудив из скомканной простыни нечто вроде заборчика, отгораживается.

— Ну, так вот. — Она упруго выгибает спину. — Я все-таки хотела кое-что спросить и услышать слова, по возможности близкие к истине.

— Ладно, слушаю и повинуюсь.

— Я хочу узнать… я тебе хотя бы нравлюсь?

М-да, вопрос коварный, от моего ответа зависят дальнейшее развитие событий: будет она заниматься со мной любовью или нет. Выжидает… ждет моего крушения, как я сейчас рухну вниз, и взгляд совершенно невозмутимый, такой, что берегись… Ее прямолинейность вызывает у меня досаду. Знает, чертовка, что загнала меня в угол, знает, как я хочу ее. А если я сейчас начну городить всякую банальщину, врать, мне наверняка откажут в высочайшей милости, никаких любовных забав.

— Бесспорно, ты прелесть, Рут, и у тебя есть много восхитительных качеств.

— Так нравлюсь я тебе или нет?

Она принимает воинственную позу: руки скрещены на груди, взгляд угрожающе-пристальный, попробуй тут пооткровенничай…

— Сам не знаю, но мне нравится, что ты такая храбрая.

— Что да, то да, — соглашается она, ей и самой нравится ее храбрость.

Беру ее ладонь и, осторожно помассировав, начинаю целовать каждый пальчик. Это доставляет ей удовольствие, Рут сама протягивает мне руку, и я массирую все выше и выше, и вот уже нежно поглаживаю ее грудь. Приподнявшись, подлезаю под простынный «заборчик», осыпаю поцелуями все ее тело, прижимаясь все крепче. Рут лезет мне под юбку, и ее пальцы обхватывают мой истомившийся член. Лепечет, что в ее вкусе как раз такие «крепыши», и шаловливо его похлопывает. Потом говорит, что ей хочется, чтобы была полная темнота, абсолютная, если я не против.

— Хорошо, — в ту же секунду соглашаюсь я, все мое тело сведено предвкушением, сердце блаженно ноет. Мне приказано притвориться незнакомцем, который все время молчит, и чтобы ни слова. Зачем, почему — никаких объяснений, но инстинктивно понимаю, что главная

моя задача — подчиняться.

Еще несколько минут уходит на создание требуемой обстановки. Мне приходится лезть на подоконник и прилаживать поверх жалюзи два одеяла, еще одно расстелить на полу, загородив дверную щель, и, наконец, свернуть плотный шарик из бумаги, чтобы заткнуть им замочную скважину. И действительно, наступила кромешная тьма. Такая, что бесполезно даже напрягать глаза, чтобы хоть что-то разглядеть. Протянув руку, натыкаюсь на ногу Рут и, обхватив ее обеими руками, двигаюсь выше, к бедрам, и вот наконец-то… *она*… я накрываю ладонью этот теплый, упругий холмик, я зарываюсь пальцами в эти шелковистые, чуть пружинящие, похожие на тонкую проволоку, завитки, я топорщу их, и приглаживаю, и приказываю своим пальцам не спешить, не вторгаться сразу внутрь, а когда они все-таки находят желанное устье, я двигаюсь не вглубь, а вдоль, нежно расправляя и лаская влажные набухшие складки, и еще немного дальше… я чуть-чуть раздвигаю ягодицы, массирую кожу вокруг ямки, и иду вспять… и все еще не пускаю свои пальцы внутрь… нет. А когда наклоняюсь, чтобы все там зацеловать, даже не вижу, куда тянутся мои губы…

В этом есть что-то от порнографических уловок, и поэтому мне вспоминаются соответствующие моменты и картины. Девица из фильма Трюффо, с мечтательным видом рассказывающая о том, как приятно, когда тебя лижет корова — наплыв камеры, хлев — проводит своим шершавым языком вверх — долго-долго, и вниз, долго-долго, и как приятно этот язык дерет кожу. Другой кадр, уже не в хлеву, а на парковочной площадке: та же девица отчаянно отбивается от трех платных трахальщиков, а они запихивают ее в машину, на колени к своему боссу, сутенеру. Тот сидит очень прямо, на нем черные кожаные перчатки. Он похлопывает девицу по заду: проверяет реакцию… никакой; он задирает ей юбку, предъявляя зрителям узенькие нейлоновые трусики; он поддевает их черным пальцем, угощает девицу парой более увесистых шлепков, та не шевелится; он бьет еще сильнее, и еще. Изощренные, отточенные удары, разнообразнейшее меню ударов, наконец, насытившись, он с ней совокупляется.

…Рут отзывается на мои слепые поцелуи слабыми содроганиями. Я разворачиваю ее ноги, и она, поняв, перекатывается на живот. Я сажусь на ее чудесные, упругие ягодицы, я вжимаюсь в них, трусь о гладкую кожу. Мои руки двигаются вдоль

спины, я давлю все сильнее и слышу, как из ее легких прерывисто и резко вырывается воздух. Я подсовываю ладони под груди и чуть выгибаю ее торс, отвожу плечи назад. Я делаю это, чтобы убаюкать желание, в этом сейчас единственное мое спасение: оттягивать эти податливые плечи назад, и снова толкать их вниз, и тянуть, и толкать. Если я перестану это делать, то не выдержу напора спермы, я взорвусь и упаду рядом с Рут, сжавшись в комок от отчаянья. Напор уже слабее… снова ее разворачиваю и нахожу губами приоткрытый рот. Оказывается, это так упоительно: не видеть, быть эгоистом, не заботиться о ней, купаться только в своих ощущениях, знать только свои мысли, наполненные то яростью, то любовью… Но вдруг эти образы и ощущения, эта предельная сосредоточенность на самом себе исчезает, рухнув под внезапным натиском нежащего, но почти обжигающего тепла… Я даже не заметил, где и когда зародилась первая волна, наверное, все-таки в паху, но это уже не важно, этих волн уже не остановить, они захлестывают меня всего. И теперь я думаю только о ней, о Рут. Мое тело так жаждет подарить ей наслаждение, что я теряюсь, забыв про все хорошо обкатанные амурные приемы. Скольжу по ее телу, стараясь

почувствовать каждый изгиб, грудь к груди, бедра к бедрам, полнота ощущений требует полноты отрешенности, а мои руки тем временем спонтанно гладят, успокаивают, ловят нарастающий жар раскрывшихся солоноватых недр. Чувствую, как Рут опускается ниже, как ее рука помогает мне войти… И вот я — том… теперь только бы не думать о ней, о моей строптивой девочке. Колоссальным усилием воли приказываю себе: «НЕТ». Не целовать, не гладить, не кончать… держись. Я нарочно думаю о Кэрол, о пустынях, о замерзающих озерах.

— Прервись, — вдруг говорит она, нарушив долгое молчание.

Я подчиняюсь и ложусь рядом, она крепко держит меня за руку, ждет, а ее пальчики тем временем рисуют на моем лбу что-то очень похожее на змей, между ними какой-то эллипс.[62] Потом садится на меня верхом, и я опять в ней, но она почему-то замерла. Я порываюсь действовать сам, но детка моя останавливает меня, ее ладони

---

[62] Примечания: 62

Рут рисует тантрический символ космической энергии: две змеи, обвивающие невидимый фаллос. Змея символизирует «кундалини», это изначальная (женская) энергия, сотворившая космос, она же пробуждает половое влечение. «Разбуженная» кундалини (находится внизу позвоночника) помогает достичь «неизреченного блаженства», распространяясь вверх, к головной чакре, где соединяется с небесными (мужскими) силами.

упираются мне в грудь, обхватывают мой загривок. Я чувствую, как шея моя напрягается, в эти моменты так бывает всегда, голова и тело словно бы вступают в противоборство… Рут покачивается с невыносимой медлительностью, и движения ее так чутки, так мне желанны, что я почти теряю сознание от этой невероятной близости. Она наклоняется, и ее груди, мягко дрогнув, скользят вдоль моей груди, и опять она выпрямляется и опять еле-еле… так тихо, что я почти не ощущаю, что Рут моя, совсем моя… Когда ее губы прижимаются к моим, давно ждущим, я чувствую, что она думает только обо мне, о моей радости…

Гм-м-м-м, жена. Не могу представить Рут в фартуке или затевающей семейную склоку. Попутчицей в моих бесконечных разъездах — да, спутницей жизни, если угодно, перед ней я готов распахнуть последние заслоны, скрывающие мою душу, — бери, владей.

Я тянусь в темноте к ее лицу. Оно мокрое — от слез?

— Ты плакала?

Не отвечает.

— Тебе нехорошо?

— Нет.

— Ты чем-то расстроена?

— Это просто эмоции.

— Плохие?

— Нет. То есть и да, и нет.

— А я пытался представить, какой ты будешь в будущем, в нашем.

— Напрасно.

— Я люблю тебя.

— Ой, не надо, не надо… все портить.

— А ты меня любишь?

— Ну, ты даешь… Тебе обязательно нужно об этом спрашивать?

— Да. Обязательно.

— А я не буду ничего отвечать, это глупо.

Она фыркает, начинает хихикать, снова фыркает и, отведя от лица мою ладонь, стискивает между ног, накрыв ею треугольничек волос.

— У-уф.

— Что такое?

— Ничего. Просто я думаю. Что же мне теперь делать? По крайней мере, идея Просветления както помогала выбраться из грязи, из этой гнуси, которая меня окружает.

Я нащупываю ее руку, она влажная и твердая от напряжения.

— Ты не хочешь, чтобы я снял с окон одеяла?

— У-уф. Нет, это будет уже слишком.

Она снова начинает хихикать.

— Я такая везучая, что он тоже окажется туфтой.

— Кто?

— Мой очередной истинно мудрый индийский наставник, который по новой начнет мне что-нибудь внушать.

Она опять фыркает и отнимает у меня свою руку.

— Ну, а какие цели ты ставила перед собой до поездки в Индию?

— Хи-хи-хи, не помню уже.

— Не ври.

— Ох, — она вздыхает, — работать, — еще один вздох, — окончить университет, — вздох. — Наняться в контору, в престижную. В выходные заниматься спортом с Тимом.

— И чем тебя это не устраивало?

— Это же все только ради денег, а деньги — ерунда.

— А до поездки ты тоже так думала?

— До поездки я особо об этом не задумывалась.

Проснулся я весь в поту, на меня были навалены и простынка, и обе подушки. Рут рядом не было, я снова слегка задремал, и вдруг до меня дошло: я один, совсем один в этом домишке. Весь

покрытый испариной, я в ужасе вскочил. Одеяла так и висели на окнах, творя кромешную черноту, я не представлял, который теперь час, и даже — который ДЕНЬ. И вот я уже бреду по полу, пытаясь нащупать пальцами ног свои вещи — безрезультатно, ни ботинок, ни джинсов, и пришлось мне снова натянуть эту идиотскую юбчонку и топик. Открываю дверь — о-о… как приятно глотнуть свежего (относительно) воздуха. Смотрю — Рут в довольно оригинальном облачении: рубашка, а вокруг бедер обмотаны посудные полотенца. Перед ней стопка книг в бумажных обложках, со стопки свисает простыня, которую она свирепо кромсает ножом. Сделает несколько надрезов, потом разрывает их, получаются узкие полоски. Я подхожу к раковине, а там — ну и пакость! — примостился на дне огромный серый паук, размером с ладонь. Тельце у него довольно тщедушное, но тоненькие ножки, которые поддерживают его на весу, пропорциями больше напоминают ходули. Сидит, гаденыш, покачивается, сучит ножками. Хорошо бы его прихлопнуть, но не рукой же, бр-р. Хватаю швабру и подсовываю конец палки под раздутое брюхо, надеясь, что паук переместится на нее. Надо же, действительно заполз, тоненькие ножки, нащупав точку опоры, замерли. Осто-

рожно поднимаю швабру вверх и разворачиваю оседланный пауком конец в сторону двери, но только я опустил палку параллельно полу, как этот гаденыш встрепенулся и пополз назад, к моей руке. Я стал энергично размахивать концом швабры — сейчас отцепится, упадет, но не тут-то было. Проклятая тварь — тьфу ты! — еще резвее помчалась к моей руке. И тут я не выдержал, шмякнул палкой об пол, из паука что-то брызнуло…

Подошла Рут, стала смотреть, как тоненькие ножки, заплетаясь, пытаются утащить покалеченное тельце прочь. Сочувствующе что-то ему пошептав, добила.

— Его надо на бумажку. — Рут подсовывает под паука две книжонки и стряхивает его за дверь. Я смотрю, как он падает… какой он стал маленький и весь покореженный.

Лезу в холодильник за минералкой и отпиваю огромный глоток. Рут с еще большим остервенением кромсает за моей спиной простыню. Спрашиваю ее, что это она делает. На вопрос не отвечает, а говорит сама себе:

— Теперь точно все.

Я смотрю на нее как на сумасшедшую, но лучше ничего не комментировать. Спрашивается, что

же мне делать… Иду к дивану, присаживаюсь. Смотрю на руки Рут, скатывающие накромсанные полосы в плотные валики, как бинты. Замечаю, что волосы у нее влажные — значит, поднялась гораздо раньше и уже успела принять душ. *Скажи спасибо, что она еще не сбежала.* И это уже не было бы как гром среди ясного неба, среди синего-синего неба, которое ничуть не потускнело со дня моего приезда. Я смотрю на него, пытаясь там найти ответы на свои вопросы. Я не могу сказать: «Только не уходи» поэтому я говорю:

— Нет, не все… ничего еще не кончено.

Она вздыхает, продолжая скатывать свои бинты, и каждое ее движение словно вытягивает из меня душу и силы. Эти ее глаза, и ритмично шевелящиеся пальцы, и опущенные уголки губ, все это заставляет меня вспомнить про паука. Она тоже паук, в том смысле, что я не могу, черт возьми, справиться с этой напастью: каждый жест, каждая черточка накрепко в меня вцепились, как паучьи ножки. Она трясет головой, вся — в себе, вся — в чем-то своем.

— Нет, ты послушай… с этим — со ВСЕМ — покончено, и мне так стыдно. Как же я тебя измучила… своим придуриваньем и разными

фокусами.

— Но мне все это нравилось, нам нужно быть вместе.

— Вместе… НЕТ… ради Христа…

Улыбаюсь безнадежной жалкой улыбкой — не могу удержаться, и Рут наверняка чувствует это отчаянье, проступившее на моем лбу каплями пота. Ее раскаянье (напоминаю я себе) — очередной этап депрограммирования, этап пересмотра веры и сомнений — во всем и вся. Я зову:

— Эй, иди глотни водички, а то тебя хватит тепловой удар.

Рут берет у меня бутылку, пьет и ставит ее на пол.

— Я-то надеялся, что тут было и кое-что хорошее, а?

— Да-да, конечно. Но я не хочу никаких обязательств, ни перед кем, я пока до этого не доросла. Я действительно слишком еще молодая и… безответственная. И действительно не умею никого любить.

Вид у нее очень расстроенный. Смотрю, как она подсовывает под левую подошву три книжицы и — прибинтовывает их, разматывая этот скатанный из полос проклятый валик.

— Рут, ну хватит уже, прекрати. Ну что ты, в

самом деле?

Она выпрямляется, усаживается в кресло и смотрит мне в глаза:

— Вот-вот, с меня хватит. Я… я совсем потеряла голову… Чертова глухомань. Ведь не попади мы в эту халупу, ничего бы не было. Мы вряд ли когда-либо… мы бы никогда не встретились.

Я подхожу к креслу и накрываю ладонью ее руку.

— Но в этом-то и все очарование, ты согласна? Чудо нежданной встречи.

Она вырывает у меня руку и снова начинает обертывать ступню своим бинтом.

Я наклоняюсь и шепчу ей в самое ухо:

— Я помогу тебе вырасти.

— Ты уже помог.

— Нет, это так, ерунда, я способен на большее. Забудем о плохом, ни слова лжи, ни грана расчетливости. Давай отныне жить только настоящим.

— А как же Кэрол? — небрежно интересуется она, обматывая теперь уже другую ступню.

— А что Кэрол? Я сам решу, что мне делать. — Беру ее руку и — целую, целую… — Послушай, Рут, я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Все мы думаем одно и то же. Что впереди нас ждут сотни встреч. С сотнями тех, кого мы сможем полюбить по-на-

стоящему. На самом деле дай бог, если на сотни и сотни найдется три родственных тебе души.

Она снова вырывает руку и вытирает ее чайным полотенцем. Проводит ладонью по кушетке — туда-сюда, туда-сюда; ее глаза снова встречаются с моими. Долгая пауза, а потом…

— Поди-ка лучше на себя посмотри. И переоденься. Все кончено, все плохо началось, и дальше будет только хуже и хуже!

Эти ее «туда-сюда» ладонью заразительны, я непроизвольно качаю головой в такт ее движеньям и одновременно прикидываю, как я выгляжу в своей юбчонке. М-да, на романтического любовника я категорически не тяну. Я смеюсь, но Рут мой клоунский вид почему-то не радует, по ее щекам медленно ползут слезинки. Она порывисто встает и идет, высоко поднимая ступни с примотанными книжками. В панике спешит от двери к раковине, от раковины к другой двери. Только спокойствие… нет, не могу…

— Не надо, Рут, нет! — Я подскакиваю к ней и хватаю за руку. Она стряхивает мою ладонь, стряхивает меня… Я падаю и вцепляюсь в ее щиколотки.

— Выходи за меня!

— Нет, ну пожалуйста… ты ненормальный.

Она опускается на корточки и пытается разжать мои пальцы, вся мокрая от напряжения. Мы оба обливаемся потом. Она приговаривает, что она сыта по горло, что я должен наконец ее отпустить. Потеряв терпение, она щиплет меня, и от неожиданности я чуть разжимаю пальцы. Все… сейчас убежит.

— Остановись! — навзрыд кричу я, хотя вижу, как она испугана, она не хочет меня, она не верит в мою любовь, она не собирается останавливаться. Нет, не собирается… она торопливо устремляется к входной двери и выскальзывает наружу. Я бегу за ней вслед, в мои босые подошвы впиваются острые камни, но мне слишком больно, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. — Погоди, давай все-таки попробуем еще!

Я хватаю ее за руку и начинаю танцевать, прямо посреди этого пустынного пространства, и это так нелепо и так прекрасно. Теперь еще нужно засмеяться, я почти готов это сделать, но не выходит, слишком велико мое напряжение и отчаянье… В какой-то момент мне кажется, что она сдалась, потому что тоже стала кружиться со мной в этом ярком, искрящемся, нестерпимом свете. Совсем как в тот раз. Вконец ослепнув, я останавливаюсь.

И Рут тут же уходит прочь, прихрамывая, бежит в сторону машины, поравнялась, проходит мимо… наклонилась, чтобы поправить свои самодельные котурны. Между нами — где-то посередине — лежит небольшое бревно, гладкое, выбеленное солнцем бревнышко, с тонким сучком на одном конце. Рут, опустившись на колено, подтягивает полоски ткани, перевязывает узлы. А я тупо смотрю на бревно, потом соображаю, что нужно его отодвинуть. Взгляд мой перемещается на опущенную голову Рут, на этот безупречно округлый затылок. Я поднимаю бревно, и моя рука автоматически замахивается… И раздается ЗВУК, негромкий глухой «бумс». Она резко пошатывается, тянется ко мне, потом, привстав, вцепляется в мой локоть, чтобы удержать равновесие… она смотрит мне в глаза, но вот ноги ее разъезжаются, а потом — подкашиваются… Я прижимаю к груди ее голову и баюкаю, как младенца. Она смотрит на меня… так смотрит раненый зверек: ни стона, ни жалобы, взгляд абсолютно доверчивый и беззащитный. Потом глаза ее туманятся, уже ничего не видя, на них опускаются веки…

Детка, деточка моя, очнись, очень тебя прошу, мысленно умоляю я… сейчас все пройдет, сейчас тебе станет лучше…

Дома я укладываю ее на диван, трясущимися руками заворачиваю в тряпочку куски льда. На затылке — неровная, с еле заметной вмятиной, шишка. Я осторожно ее ощупываю, и еще более осторожно прижимаю ко лбу Рут холодный компресс. Вдруг различаю еле-еле слышное жужжанье мотора. Причем ни одного гудка — понятно… они хотят нагрянуть неожиданно. Если бы мы с Рут разговаривали, я бы наверняка ничего не услышал.

Ищу и никак не могу отыскать ключи от машины. Обычно я храню их в определенном месте: вешаю на крючок у двери или кладу в верхний ящик туалетного столика. Проверил и крючки, и ящики — ни черта. Куда же я их, дьявол меня дери, засунул? Пытаюсь вспомнить, представить, куда их понес, стараюсь изо всех сил, даже звенит в голове. Ни единого проблеска. Тогда пытаюсь рассуждать логически, но не получается. Начинаю шарить везде подряд. На холодильнике, на подоконниках, на скамейке, за диваном, на кресле… Пот уже струями катится из-под мышек. Я осматриваю машину: может, так и болтаются в зажигании? Я уже просто лопался от ярости, когда нащупал их поверх приборного щитка: лежат, раскалились на солнце чуть не докрасна. Я

вернулся в дом за Рут: безвольное, обмякшее тело оказалось очень тяжелым. Я — о боже! — чуть не уронил ее, подходя к машине. Пот застилал мне глаза.

— Все будет хорошо, любимая, потерпи, ненаглядная моя. — Я поцеловал ее в затылок и осторожно уложил в багажник.

…И вот я еду, а в голове неотступно крутится: когда же она очнется? Я твержу себе, что я совсем несильно ее ударил, совсем тихонечко стукнул. Я точно помню. Вот только доедем до шоссе, и я смогу переложить ее на заднее сиденье, и мы с ней поедем в мотель. Боже милостивый, я люблю ее… перед глазами — тело Рут, раскинувшееся на двуспальной кровати, в тот момент, когда она перестала противиться, позволяет целовать пупок.

Я настолько увлекся созерцанием пупка, что не заметил «тойоту». А они уже машут мне, я — им, хо-хо, ну прямо как в зеркале. Робби, Тим, Ивонна. Буду делать то же, что они. Я не воспринимаю их, они кажутся мне какими-то грубыми голограммами. Обтираю физиономию подолом юбки.

— Привет! Это мы!

Робби, он за рулем, радостно вопит:

— Ну и как она, годится?

— Кто?

— Машина, говорю, ничего?

— А-а, вполне.

— Отлично.

— Вы не видели Рут? — спрашиваю я, решив, что лучше сразу перехватить инициативу…

Тим смотрит на меня и что-то шепчет Робби, тот тоже смотрит и шепчет в ответ.

— Н-нет, — говорит Робби. — А где она?

Я закашливаюсь.

— А я-то надеялся узнать у вас. Разве она не вернулась на ферму?

— На ферму? — На щеках Тима вздуваются желваки, он закуривает. — Так что же, черт возьми, произошло? Ее кто-то увез?

В горле першит нещадно, я не могу сдержать очередной пароксизм кашля:

— Кха-кха-кха-а. — Краем глаза вижу длинные шеи, некоторые из них двигаются, шей становится все больше.

Целое стадо длинношеих тварей выбивают по дорожному полотну свое «стаккато». Опять они, эму.

— ТАК ЧТО?! — взвизгивает Тим. — Кто-то ее увез?

— Скорее всего. Кха-кха-кхм. Она ушла, и нам лучше не терять времени. Я собирался проехать

вдоль реки. — Включаю газ, но проклятые птицы загородили весь обзор, и я не могу отъехать. Ивонна вылезает из машины Робби и пробирается сквозь стадо. Одна «пташка» пытается ее клюнуть, но Ивонна кричит на нее и отбивается стильной сумочкой.

— Я поеду с вами!

Только ее мне не хватало!

— Ивонна! Не стоит, честное слово!

Но она уже открывает дверцу.

— Не стоит, — повторяю я, но она будто не слышит, только ресницы опустились и тут же взметнулись вверх.

— Я поеду. Это Робби попросил. Говорит, вдруг ей понадобится помощь, чисто женская. Вам, мужчинам, не понять, какие страдания приходится нам иногда испытывать. Физические, я имею в виду.

Она усаживается и пристегивается ремнем, на лице — ни тени печали, полная беззаботность и, я бы сказал, бесшабашность. Пытаюсь изобразить на своей физиономии такую же беззаботность.

— А когда это случилось?

— Час назад. Час-полтора.

— Ай-ай-ай, ну надо же!

Робби давит на гудок, эму разбегаются. Он подъ-

езжает ближе. Ч-ЧЕРТ.

— Да?

— Умх, когда она… исчезла, точное время?

Как робот повторяю:

— Час назад. Час-полтора.

— А как это могло произойти?

— Я задремал.

— То есть она могла и раньше… исчезнуть?

Я молча пожимаю плечами.

Тим цокает языком и с ненавистью цедит:

— Ты-ы…

Продолжить он не решается и, яростно затянувшись сигаретой (ало вспыхивает пепельный кончик), швыряет ее в окно, недокуренную наполовину. Мне тоже вдруг хочется закурить.

— Не пожертвуете и мне одну? Окажите милость.

— Я думал, вы не курите.

— Не курю. — Он протягивает мне сигарету. Я действую напролом: — Вам, наверное, все-таки стоит проехаться до домика. Вдруг она вернулась?

— Заметано. — Робби, наклонившись, подносит зажигалку — вспыхивает язычок пламени, и мне сразу делается нехорошо. Безмозглый я кретин, надо было скорее сматываться… Представляю,

что сейчас готов выдать Тим относительно моей персоны, какие похвалы Всевышнему. *Зеркальце, зеркальце, что ты* ему *покажешь?* Ничего хорошего. Потную осунувшуюся физиономию, размазанные тени на веках, *помаду* немыслимого медного цвета. Взмахнув на прощание рукой, я включаю сразу третью скорость, вкус у сигареты отвратительный, все одно к одному, полный аврал. Предлагаю сигарету Ивонне — не хочет, она хочет общения.

— Надеюсь, Рут вела себя прилично. Молоденькие женщины лю-ю-юбят иногда поиздеваться, уж я-то знаю, хи-хи-хи.

Она энергично постукивает и одновременно поглаживает мое колено и тут же обнаруживает, что оно — голое, а выше — подол юбки.

— А-ахх! — Быстрый взгляд вниз и вбок, короткое смущение. — Надо же, ваша кофточка очень похожа на мой топик.

— Это он и есть.

И еще одно мелодичное «А-АХХ!!». Не реагирую, мне главное разобраться, куда я еду, машина упруго подскакивает на камнях.

— Гммм… А знаете, мне страшно жаль нашу бедную девочку, я долго обо всем этом думала и решила: ничего там нет, совсем не из-за

чего так себя изводить. Пустое все это. Хотя и — ЗАУМНОЕ. — Ее нежно-розовые щечки вдруг вспыхивают, к чему бы это…

Бум-бум. Это из багажника — слабое постукиванье. *Бум.* Я включаю радио.

— Правильно. Обожаю музыку, особенно… кхм… под настроенье. Так о чем я говорила… Ах да: ничего в этом нет! Конечно, если только об этом и думать, то можно совсем чокнуться. Я видела, как это бывает. Когда Робби уволили. Он целыми днями крутил кассеты, видик был включен с утра до ночи. И однажды я не выдержала и сказала: «Робби! Давай решай, или ты будешь жить нормально, будешь…» — Она вдруг осеклась.

— Будешь что?

Но Ивонна молчит.

— Так что он будет, а, Ивонна?

Ее настороженное молчание меня бесит. Она же прислушивается… и сейчас услышит, как Рут колотит по багажнику.

Я трогаю ногу Ивонны… и тут она как завопит:

— Остановите! ОСТАНОВИТЕ МАШИНУ!! О БОЖЕ! О-ГОСПОДИ-ТЫ-БОЖЕ-МОЙ! Я знаю, где она, эта маленькая дурочка! Это же очень опасно. РУ-У-У-УТ!

Резко торможу, и нас вжимает в сиденье. Какая же я скотина! Не сообразил, что крышка раскалится на солнце. Господи Иисусе! Накатывает внезапный страх, и вот я уже ледяными негнущимися пальцами пытаюсь открыть багажник. *Бум. Бу-у-уммм!* Ивонна верещит над моим ухом:

— Рут, Рути, это Ивонна, ты можешь верить в кого угодно и кому угодно, но нельзя же так!! Ты ведь могла погибнуть, глупышка, маленькая ты моя дурочка!

Я упираюсь коленом в бампер, чтобы сладить с проклятой крышкой. *Как она там? Как?*

Она там — ужасно. Вся засыпана красной пылью, из носа струей бежит кровь. Ивонна, тоненько взвизгнув, помогает Рут выбраться.

— А-аxx, ох, ммм, — тихо стонет Рут, еле держась на ногах и жадно хватая ртом воздух.

— Все хорошо, Рут, все хорошо, — силюсь бодренько произнести я, как будто я тут вообще ни при чем. Но из горла моего исторгается лишь свистящий шепот, голос пропал, совсем…

— Все хорошо, — вторит мне Ивонна, — мы сейчас тебе поможем.

Я протягиваю Рут руку, но она отшатывается:

— Нет! — и прячется за спину Ивонны, вцепившись в ее блузку.

— Ну что ты, что ты, детка, — Ивонна нежно ее обнимает, — не бойся, тебя никто не обидит.

Рут не слушает, похоже, ее мутит. Она выскальзывает из рук Ивонны, бредет, еле волоча ноги, прочь. Я кидаюсь вслед, но недостаточно быстро — прихрамываю, я же без ботинок. Запрыгиваю в машину и трогаю. Ивонна кидается наперерез и кричит:

— Подождите, подождите!

— Не могу, я должен ее догнать.

Рут ковыляет впереди, спотыкаясь, поскальзываясь о каменистую неровную землю, я почти уже настиг ее…

— Я люблю тебя, люблю, люблю… Не упрямься, сядь в машину.

Она оборачивается, и качает головой, и хохочет, громко, отрешенно, похоже, она уже ничего не боится, ни боли, ни усталости, ни меня, ей все равно.

— Ладно, молчу! Хотя бы позволь о тебе позаботиться! Давай уедем в Индию, я готов, я так перед тобой виноват!

Я притормаживаю, перегородив ей путь. И смеха вмиг как не бывало, в глазах заполыхала ярость, Рут молча разворачивается и начинает карабкаться на холмик с валунами. Туда мне

не проехать. Я выскакиваю из машины, даже не заглушив мотор, и она продолжает, пыхтя, медленно двигаться дальше… в самый раз для Ивонны, сумеет догнать. Склон оказался крутым, мы карабкаемся по теневой стороне к плоской, ровно срезанной вершине. Из-под ног Рут срываются камни и падают на меня. Каждый мой нерв, каждый мускул уже на пределе, в желудке — спазмы. Я на последнем издыхании пробираюсь сквозь пыль и валуны, давясь, выкашливаю эту пыль, утирая рот тыльной стороной ладони. Я еще могу ее вернуть, я знаю, что могу, это моя профессия, мое призвание, наконец, талант… И то, что происходит, — тоже в некотором роде издержки профессии. Она должна видеть, что ради нее я готов пройти даже по битому стеклу.

— О боже, Рут, прошу, остановись, ну что мне сделать? РУТ, РУТ!! Послушай, Рут, посмотри на меня… Я лижу землю, смотри, хочешь, я вообще съем ее, только прости! УМОЛЯЮ! Тебе нужен Баба? Поедем к Баба. Я отвезу тебя, и он нам поможет.

Она уже наверху, на плато, смотрит, как я карабкаюсь. Она стоит против света, солнечные лучи, словно нимб, сияют над ее головой, а лица не видно, оно почти черное.

— Пи Джей, у тебя все коленки в крови.

Я пытаюсь весело усмехнуться, смотрю вниз — действительно, в крови, особенно правая.

— Рут, ты поможешь мне? Да? Ты ведь поможешь мне, Рут?

Я поднимаю голову, чтобы услышать ответ, но отвечать некому: Рут исчезла.

19

Отсюда пока еще видны две фигуры: он стоит, она идет. И вижу, как, отползая все дальше вспять, тарахтит вдоль долины пустой «фэлкон», прыг, прыг, прыг, его приглушенный рев похож на чуть слышные партии инструментов, различимых только на стерео. Посмотрим, что эти фигуры будут делать дальше. Особенно меня интересует мужская. Пи Джей стоит не шевелясь, видимо, наблюдает за Ивонной; та идет, покачиваясь — из-за каблуков, та-а-ак, машет рукой в сторону машины. Жара такая, что контуры немного расплываются, но, если прищуриться, все можно разглядеть. Он идет к ней, она — от него, то и дело нагибается, что-то подбирая. Камни? Да, прижимает их левой рукой к груди. Он идет быстрее, прихрамывая, приближается к Ивонне, но она разворачивается и бросает свои камни ему под ноги, и он даже не пытается отскочить, просто стоит понурив голову. А она убегает — в сторону долины.

Голова раскалывается от боли, воды нет, мои «сандалии» из книжек — полная фигня, еле ковы-

ляю. Время от времени меня пробирает дрожь: а если бы я задохнулась в этом проклятом багажнике? В этом душном гробу. Вот скотина… это было ужасно, как подумаю, до сих пор страшно, даже страшнее, чем когда только выбралась. Помню, очнулась, и первая мысль: он меня похоронил. Сразу стала искать хоть щелочку, хоть дырочку. Шарила-шарила… ни одной. Жутко психовала. Потом сообразила, что лежу в багажнике — по качке и подскокам на камнях, и еще по боли: в эти моменты я стукалась затылком о дно багажника — как раз тем местом, где вскочила шишка. Я-то думала, что он любит меня, что он меня и пальцем не тронет, а он… Если бы не Ивонна, он мог бы меня вообще прикончить, добить. Правда, виду него, когда он меня открыл, был совсем не свирепый, очень испуганный был вид. Но все равно, как подумаю, что он со мной сделал, жутко хочется плакать. И вот уже чувствую, как губы мои дрожат и растягиваются, еще миг — и я реву. И почему я раньше не сбежала, когда он еще спал? Села бы в машину — и всем привет… Почему? А ударил он меня почему? Не понимаю.

Тихонечко ощупываю шишку на затылке… громадная, чуть нажмешь — жутко больно. Он сам виноват, сам просил показать, на что я способна,

вывернуться перед ним наизнанку. Он, видите ли, готов к самому худшему. Я еще постеснялась, могла бы сделать еще что-нибудь и покруче. А что покруче-то? Убивать я его точно не собиралась. Это меня почему-то все готовы убить. Мама говорит, что я и святого могу довести до белого каления и даже этого не замечу. Наверное. Их всех бесит, что сама я не психую, и они способны в этот момент меня прибить. Но это только домыслы, если честно, я не очень понимаю, как все это получается. Ладно, хватит об этом, сколько можно… Я, конечно, могла бы изобрести какую-нибудь классную пакость… вот именно… *могла бы*… на словах. А на самом деле вся моя суперпакость свелась к тому, что я заставила его меня полюбить. Нет, это еще не самое худшее, самое для него худшее, что я сама его не полюбила.

Да, он сам виноват. Зачем все время навязывал мне то, что я на дух не переношу, терзал мои бедные мозги? Все эти въедливые выяснения, споры, кто кого победил, постоянные… игра и сейчас еще не окончена. О-о, как же он меня бесил! У меня просто ехала крыша от злости! Голова разрывалась от этих его заморочек, только и выискивал, чем бы меня поддеть. Скажет что-нибудь, а я молчу, не знаю, что ответить. Ему

бы только побольнее тюкнуть… *Бум.* А ты в ответ — ни бум-бум…

О-о-ой, сейчас у меня точно закипят мозги. Снимаю трусы и надеваю их на голову… это мне в наказание за то, что затащила его в постель. *Вот и разгуливай теперь по пустыне в позорных рваных обмотках и с трусами на башке. Доигралась.* И все равно тут лучше, чем в багажнике, хоть видно, где ты. Отливающая синим трава, рыже-красные проплешины на холмах. Валуны, на солончаках трава ниже и жестче, и опять валуны на верхушках кочек. И опять синяя трава, валуны, красная земля, желтая земля, солнце и небо, вездесущие лучи и неодолимая синева.

Боже! Какая я все-таки чокнутая! Ну кто меня заставлял все ему выкладывать? О-о-о, трепло, сорока, трясогузка фигова… Ненавижу себя! Невыносимо… невыносимо, что он теперь знает — про все мои тайные мечты об этом сволочном обманщике Баба, о том, как мне необходимо было его любить и чтобы он меня любил, чтобы хоть кому-нибудь было до меня дело. Да, жутко все противно. От злости мне хочется кататься по земле и колотить, колотить по ней пятками…

Солнце все еще жарит, скоро я поджарюсь окончательно. Плевать, так даже легче, отвлекает.

А голова болит по-прежнему, чугунная, совсем чугунная. Я прошла примерно километр, то холмики, то валуны, кажется, от одного до другого рукой подать, но это обман зрения — идешь, идешь… Доковыляв до третьего валуна, я снова начала думать о Пи Джее.

Профессию свою он выбрал не просто так, это уж точно. Нравится дяденьке, когда его любят, когда перед ним лебезят, говорят, какой он умный и проницательный. Скорее всего, то, что произошло со мной, происходит с каждой его клиенткой: «ах, какая же я была дурочка, спасибо, что просветили, что вывели на верную дорогу», и чмок-чмок-чмок. Правда, они ему не устраивали ловушек, не заманивали обманом в постель. Надеюсь, я хорошо проучила этого мудозвона, — старикашка, похотливый кобель! Проучила? Чем? Ну да, рассчитывала его только подразнить, унизить, но, возможно… именно это ему, собственно, и требовалось? Вот дьявол! Совсем запуталась. Ясно одно: он не из тех, кто пойдет у кого-то на поводу. Он типичный эгоист… мы оба — типичные эгоисты. Я хочу делать все по-своему, он — по-своему. А это его чудненькое высказывание… что на всем белом свете найдется от силы трое человек, способных меня искренне

полюбить.

Ну-ну. Смотрю на синее небо с аккуратными, будто вырезанными и потом наклеенными облачками, и как гром среди этого ясного неба меня настигает прозрение. Ведь этот самый старикашка, этот мерзкий сексуальный маньяк — единственный, кто действительно любит меня, любит так, как никто еще не любил!!!

НУ И НУУУУУУУУ. Боже! Вот кошмар-то… Фу-у-у, какая гадость.

А почему, собственно, гадость? Гадость, и все… Но это ничего не меняет…

Распсиховавшись, иду быстрее, иду, иду, иду. Ничего себе, подумать только…

И ты тоже его любишь, вернее, так: ты позволила ему любить тебя. Да-да, да-а-а. Я начинаю хохотать. *Он любит тебя по-настоящему, а ты позволяешь себя любить, позволяешь… нет, не позволяешь, или да?* О-о, хватит в этом копаться… ля-ля-ля, тру-ля-ля… сколько можно… Ля-ля-ля. ЛЯ-Я-Я!

Земля истоптана миллионами копыт и подков. Тысячи стад оставили на ней свои следы. Следы кружат, петляют, пересекаются, они везде — и там, и там, и там. Следы со всех сторон — затаившие под собой маленькие розовые смерчи из

взбаламученного песка, до поры осевшего на землю. Надо мной проносятся — фр-р-р — трое какаду, даже не удостоили взглядом. Я снова всматриваюсь в густые переплетенья пастушьих троп, выискиваю ту, что выведет меня к холмам. Выбрав самую проторенную, иду, иду, иду, ставя ступню перед ступней, чтобы не затоптать метки от подков. В какой-то момент эти метки обрываются.

Он впереди, тот кряжистый холм, к которому я направляюсь, над ним маячит расплывчатое, похожее на марево, рыже-красное пятно. Взобравшись, вижу, что это всего-навсего песок, и еще вижу, что впереди еще одна довольно высокая гряда холмов, их раньше не было видно. Я плюхаюсь на эту рыже-красную полянку, вздымая золотистое облако из песка — красиво… и он не такой горячий, как внизу… провожу сухим языком по пересохшему небу, всматриваюсь в удлиняющиеся тени от холмов. Два диких эму (Пусс говорит, что они всегда держатся парами) щиплют травку. Ну что ж, теперь надо бы размотать эти жуткие лохмотья на ногах, вот во что превратились мои беленькие полотняные полоски… Смотрю на руки и свирепо бормочу: «Действуйте!» Но они не шевелятся, будто совсем

даже и не мои. Они похожи сейчас на формы, в которые заливают гипс, когда делают муляж. А что, если они сейчас отвалятся и уползут? Или еще это: что, если я попробую встать и выскользнуть из своего тела? Потом посмотрю со стороны на свое жилище и снова в него вернусь.

Баба уверял, что все мы лишь временно поселяемся в своих телах, что мы — только пассажиры, топчемся на платформе и ждем прибытия поезда. Что земля — это всего лишь вокзал, и каждый готов отправиться в путь, и никто ни с кем больше не увидится. Поезд, которого мы ждем, никогда не возвращается на ту же самую станцию. Каждый коротает часы ожидания по своему усмотрению. Одни устраивают пикники, другие набивают сумки и чемоданы припасами, третьи веселятся, отрываются по полной программе, и только двое или трое изучают расписание, прикидывая, когда они попадут в пункт назначения, пытаются представить, где он и как выглядит.

Если мое тело действительно лишь временная оболочка, хотелось бы знать, зачем мне ее вообще дали? Предположим, что я сумею со стороны посмотреть на свое тело, тогда и за моей бестелесной субстанцией, по идее, тоже должна наблюдать некая моя часть. Вот если бы я могла понять,

что собой представляет *та наблюдательница,* возможно, я бы узнала, зачем мне дали мое тело. Одно я просекла точно: телесная моя оболочка утилитарна и хрупка, а вот что творится с телом эфирным, с субстанцией, это для меня загадка…

Временное мое пристанище вдруг накренилось и завибрировало. Я глянула вниз. Оказывается, под левой ступней осел песок, и она, чуть помедлив, провалилась еще глубже, зарываясь. Я поднялась и стала спускаться, потом побрела к очередному холму, склон которого оказался еще более зыбким. С его верхушки мне видны какие-то заграждения и посты, наполовину занесенные песком. Иду к ним, смотрю, как вьются над ними песчаные облачка. Подняв глаза от земли, вижу, как мимо едет какой-то красный фургон.

20

Каждая частица моей истерзанной души жаждет покаяния, Рут. Полного покаяния, исповеди как высшей благодати. (Получить благословение моей Рут — большего мне не надо.) В детстве я не понимал смысла исповеди, теперь понял: отдай себя на суд того, кто мудр. Испроси прощения. Прости меня, всемилостивый Господь, за то, что я приладил вместо трусов топик (на мое счастье, он хорошо тянется), топик, который на самом деле обязан привлекать взоры к девичьему пупку, украшенному колечком. Прости еще и за то, что разодрал чужую юбку, дабы обернуть босые ноги. Плечи и шея горят огнем, голова, лицо, икры — все горит, все сожжено палящими лучами. Да будут благословенны всадники, мчащиеся во весь опор, чтобы принести спасение ближнему своему…

Звон в голове вдруг прекратился, зато теперь меня оглушал звук собственных шаркающих шагов — в абсолютном безмолвии и беззвучии обступавшего меня пространства. Следующее испытание — мои ноги и эти проклятые мухи.

Мух можно прихлопнуть, а вот острые камни и раскаленный песок, они сплошь, колются и жгут, тонкий хлопок — плохая защита. Я должен найти Рут. Мне ничего от нее не нужно, только прикоснуться губами и вымолить прощение. Объяснить, что не хотел ее обидеть, тем более ударить, у меня и в мыслях этого не было, я не хотел унизить ее гордость или мстить за наивные розыгрыши и трюки. Мне только нужно было добиться состояния вигильности, то есть разбудить ее подавленное сознание, да, буду откровенным: не только. Она мне тоже была нужна, хотя я совершенно не представлял, что это — возможно. Но это не просто влечение. Это любовь, мне никто, кроме тебя, не нужен, ты моя единственная.

Рут, я должен тебе еще кое в чем признаться: мне ни к чему темные комнаты, ведь ты моя греза, мечта, но если тебе вдруг снова захочется мрака, я готов, я занавешу все окна и щели. Я надеюсь, очень надеюсь, что мы ни в чем не станем друг другу отказывать. Делай то, что тебе нравится, и не бойся: я не буду смотреть, раз ты против. Я тоже не люблю, когда за мной шпионят, но, наверное, менее щепетилен, чем ты. А может, и нет, может, мне только кажется, что я менее застенчив. Но это вполне объяснимо природны-

ми особенностями. Ведь для меня главное (буду уж честным до конца) — войти, окончательно тобой овладеть.

Влип я, надо сказать, основательно. Ни воды, ни хотя бы платка на макушку. Над разодранными коленками жужжат мухи. Я затер ранки и ссадины землей, надеясь, что кровь остановится. А теперь ничего не остается, только идти и придумывать убедительные оправдания.

Прости меня, Рут. Таков главный лейтмотив.

Рут, девочка моя, то, что я натворил, нечем оправдать, совсем нечем. Я люблю тебя, и я испугался, я последний кретин. Я понимал тогда, что если ты уйдешь, то все, конец. Ты молода (о чем постоянно мне напоминаешь), ты слишком молода и не знаешь еще, насколько они редки, удачи в алхимии любви. Я *должен* был так поступить, возможно, когда-нибудь ты даже скажешь мне спасибо, когда мы перестанем друг с другом воевать.

Оправдание номер два.

Любимая, я потерял из-за тебя голову и посмел ударить твою головку. Нет, не то. Маленькая моя, я бесконечно перед тобой виноват. Мне нет прощения, но, согласись, среди женщин мало найдется таких вот упрямиц, к которым никак

не подступишься, если уж они решили тебя не замечать. Но я обожаю твою строптивость, она доводит меня до исступления, но я обожаю ее.

Номер три.

Мы живем в эпоху Кали-юги,[63] в железный век раздоров и тупого потребительства, может быть, потому и ссоримся. Не умеем держать себя в руках, не умеем чувствовать и понимать других. В индуистских священных книгах говорится, что земля наша, родная наша обитель, обречена на гибель по одной двоякой причине: все ее жители — если брать их в целом — не добры и не злы, так, ни то ни се. Таким образом, совокупный всеобщий разум порождает силу, разъединяющую атомы, в соединении составляющие наш мир. Мы с тобой, мы тоже… чуть не сказал «как эти атомы»… но такое сравнение было бы грубой спекуляцией на твоей привязанности к Индии. Так и слышу твой презрительный голосок: «Заткнись, а то меня сейчас вырвет».

И четыре.

Рут, прости меня. Ну что мне сделать, чтобы

---

[63] Примечания: 63

В индуистской космологии космический цикл, равный 4 320 000 годам, состоит из четырех веков (юг). Нынешний, завершающий век Кали-юги считается эпохой торжества зла и полного упадка добродетели (недаром этот период носит имя «темной» богини-разрушительницы Кали).

ты снова мне поверила? Это было какое-то наваждение, секундное помешательство, я не хотел потерять тебя… не только тебя, но и свое профессиональное реноме. В результате я лишился и того, и того. Я отнюдь не маниакальный убийца. Просто я перепугался, до беспамятства. Постарайся взглянуть на все это глазами человека, который хочет, чтобы у тебя все было хорошо. Я верю в тебя, Рут, правда верю.

P. S. Полагаю, что теперь-то ты могла бы со мной разделаться, дать сдачи. В сущности, защищаться мне практически нечем.

Ее непоколебимая суровость совсем не означает, что она вознамерилась меня уничтожить, скорее всего, это продолжение игры в «кто кого». В памяти сразу вспыхнуло: «Я, Я, Я» и как она, гордая своим обманом, тычет себя пальчиком в грудь. Но это было раньше, в самый разгар ее ненависти, в самом начале нашего… романа?

Конечно, мне сложно судить объективно, бог весть почему, мне всегда кажется, что если я воспылал, то и объект моей страсти должен отвечать мне тем же. Честно сказать, не все мои влюбленности бывали взаимными, тем не менее в свои недостатки я никогда особо не вникал, хотя, допускаю, что они довольно отвратительны. Я, как

всегда, пытаюсь (жалкий рационалист) разложить все по привычным для меня полочкам: мне дали отставку потому-то или потому-то. То есть или все дело в «страхе», или в «бесперспективности». А может быть, она решила наказать меня, чтобы испытать, насколько я в нее верю? Как в личность? Рут, я так хорошо представляю эту картину: я собираю свой чемоданчик и просто ухожу. Просто ухожу, вот что меня гложет. А верю ли… Она дерзкая, она страстная, ей плевать на деньги, она по натуре искательница, в этом мы схожи. В большинстве своем люди изрешечены пулями страха, у нее тоже много страхов, но в этом мире она ничего не боится, она боится лишь самой себя. Дьявольщина! Как бы я хотел снова окунуться в то сладостное безумие, которое она подарила мне напоследок. Забудь. Ты ударил ее, сбил с ног, она ненавидит тебя, твою настырность…

РУУТ, РРУУ-У-УТ! РУУ-У-УТ! РРУУУТ!

Я лежу, издавая свистящий сип, кричать я уже не могу: сорвал голос, пока ее звал. Веки мои слипаются, над лицом жужжат мухи, сорвав с левой ноги клочок юбки, прикрываюсь…

Проснувшись, сразу вскочил и стал соображать, как долго я проспал: солнце было еще высоко и шпарило с прежней неистовостью. Однако от

ужаса я весь похолодел — напрасно я втайне надеялся, что она отдыхает, соблазнительно изогнув бедро, на одном из ближайших валунов, нет, она из последних сил бродит в эту жару по незнакомым тропам, кочкам и камням, ковыляет, бормоча себе под нос всякую чушь. Которую вбивал им в головы этот их аферист, гуру. «Помни: смерть разрушает только тело; помни: твоя земная оболочка и мирские надобности — завеса, скрывающая от тебя Бога. Помни: ты есть не только тело твое. Помни, помни, помни…» С чего это я решил, что окончательно победил этого Баба, откуда такое самомнение? И каковы, собственно, итоги? Провал. Оглушительный провал. Мало того что позволил клиентке сбежать, что не сумел удержать, создав оптимальную дистанцию, еще и оттрахал, да… то, что эта чертовка сама затащила тебя в постель, не в счет. Ты не должен был уступать, ведь на самом деле этим глупышкам из ашрамов ты не нужен! Вся драма в том, что они не нужны самим себе. Это же азы психологии! Мало того что оттрахал, но еще и скрыл свои подвиги от ее родных. Пора проявить элементарную порядочность. То, что произошло, не может оставаться нашей с ней тайной. Надо набраться мужества и побеседовать с Тимом.

Представляю…

Я:

«Вы уж простите, но я вступил в интимную связь с вашей сестрой».

Тим:

«Во что, во что?!!»

Я:

«Да, так уж получилось, она сама попросила, умоляла. Утешь, говорит, меня (как трогательно!), мне, говорит, очень нужно. Я люблю вашу сестру и потому, виноват, с ней переспал (герой!)».

Тим:

«Минуточку, а как же тогда с этим, с де… мм… с депрограммированием?»

Я:

«Одно другому не мешает».

Тим:

«Хорош врать-то!»

Я:

«Почти не мешает».

И тут Тим и Робби набрасываются на меня с кулаками, а вокруг бегает разъяренная Ивонна и самозабвенно их науськивает.

Снова обвязываю ступню клочком от юбки, и в путь: прыг-скок по кочкам в восточную сторону… да, по-моему, восток там. Поросль тут довольно

хилая, голо, по логике, и Рут, и меня рано или поздно разыщут. Я должен успеть поговорить с ней до всех остальных, вот что самое важное, попытаться добиться согласия, учитывая последний вариант демаркационной линии. Спрашивается, зачем? Зачем?! Она теперь вне твоего контроля — *но я отдал… отдаю ей лучшее, что у меня есть.* Вот-вот. Если она захочет утопить тебя в дерьме, если она вздумает это сделать, ей достаточно пары фраз, вроде: «что считать, коли нечего дать», «рожденный врать не врать не может».

Я, прихрамывая, ковыляю по выгоревшей желтой траве, две вороны роются в пыли, аспидно-черные на фоне розовой пыли. Мне кажется, одну из них, с облезлыми перьями, я как-то уже видел — рядом с домиком. Один глаз у нее мутно-мертвый. Тем не менее она с акульей ловкостью ищет, чем бы поживиться. А поживиться она готова всем, ничем не побрезгует. Скачет у самых ног, прыг-прыг. Я останавливаюсь, она тоже, я скачу, она рядом. Я сипло ору на нее, панически гоню прочь. Гадина, выжидает, когда же наконец подохну. Нечаянно оступившись, вдруг кубарем скатываюсь в мертвую реку, в пересохшее, покинутое водой русло, извивающееся меж толп древесных скелетов. От страха чуть не

разорвалось сердце, кошмар… Зажмуриваюсь, и почему-то сразу перед глазами мобильник, а рядом с ним на столе наборчик для шитья, который она тогда крутила в руках. И почему я ей его не отдал?

РУ-У-УУУТ!

Она сразу меня раскусила. Да, я слюнявый старый развратник, я действительно хочу с ней спать. Моя Рут… Как она старается не сорваться в ответ на мои выпады, только смотрит с загадочной непроницаемой улыбкой и молчит, упорно молчит, моя воительница. Как же я люблю эти ее порывы откровенности, почти назойливой, когда она обнажает всю себя (зря я упомянул это слово: обнажает… ох, зря), всю душу. Я люблю ее, вот какая история, несмотря на это невыносимое упрямство, несмотря на все дикие выходки этой засранки… засраночки.

«Рут».

«Что?»

«Я говорил сейчас о тебе».

«И что?»

«Очень все хорошее и даже трогательное».

«И теперь хочешь, чтобы я по этому поводу бесилась от радости?»

«Я же не сумасшедший».

«Это точно, ни капельки не сумасшедший».

«Позволь мне поцеловать твои ноги».

«А вот этого не надо».

«Только ноги».

«Валяй. Целуй, если хочешь, они здорово у меня болят».

21

Самый прикол в том, что больше ни одной машины. Я давно уже здесь торчу, но после того красного фургона — фиг, ни легковушек, ни грузовиков. А я-то, увидев это поганое шоссе, чуть не умерла от счастья, изо всех сил рванула вниз по склону, думала, вот оно, спасение, сейчас же что-нибудь поймаю. Силы, видно, были самые последние, и теперь у меня подкашиваются коленки. Ладно, можно и посидеть, рано я обрадовалась. Смотрю на сизое дорожное полотно. Оно нестерпимо блестит и словно бы течет, словно бы меня гипнотизирует. Зыбкие струи жара над расплавленным гудроном пересекаются, кружатся, и голова моя кружится, наливается тяжестью… все… сплю-ю-ю.

…Вдруг просыпаюсь — оттого, что мне кажется, будто кто-то на меня смотрит, так, наверное, смотрят привидения. Но на дороге — ни единой души или машины, никаких признаков жизни. Нет, нельзя ему поддаваться, если распсихуюсь, будет еще противней, еще больнее… а голова просто сейчас лопнет, это от напряжения, оттого

что стараюсь отогнать эту одурь, эту мутную пелену перед глазами. Прищуриваюсь и пытаюсь сообразить, куда она ведет, дорога. Но не могу определить, где запад, а где восток. Солнце садится на западе, однако пока оно никуда не собирается, вон как шпарит, печет мою несчастную голову… Да… А где же трусы? Ч-черт, не сразу понимаю, что ноги мои бредут вдоль шоссе, а глаза ищут эти проклятые трусы. Очень может быть, что я обронила их раньше, еще до того, как заснула. Господи, я должна их найти, роюсь в пластиковых пакетах, валяющихся на обочине. Может, эти пакеты связать и сварганить нечто вроде подгузника? Нет, ничего не получается, концы не связываются, расползаются в руках, тянутся, как разжеванная жвачка. Я в полной прострации, боже, это какой-то кошмарный сон: будто сидишь на толчке, а стены туалета вдруг исчезают. Даже не знаю, заметно ли вообще, что я без трусов. Плотнее прижимаю к паху край посудного полотенца, смотрю, не просвечивают ли волосы, оно ведь тоненькое. Хороша, ничего не скажешь! Я и не говорю… я уже ни о чем не могу думать, просто мечусь то туда, то сюда вдоль дороги, тупо продолжая высматривать машины — ни черта. Высматривать — сильно сказано, я

так психую, что почти ничего не вижу. Та-а-ак, вроде едут, сразу две. В одной семейство с детишками, мама — за рулем. Она машет мне, я ей, она подъезжает, продолжая мне махать, хочу подойти, но вместо этого прищуриваюсь: вдруг мне просто показалось… что она готова меня забрать. Вторая катит — «вольво», на этот раз становлюсь посреди дороги. Улыбка — мах рукой — снова улыбка, и результат: «вольво» притормаживает. О-о, мужчина. Осторожненько подъезжает, смотрит, останавливается, снова смотрит. Шатен с короткой стрижкой, усы, темные очки фирмы «Рей-бан». Я бросаюсь к окну: «ПОМОГИТЕ! СПАСИТЕ! Помогите мне…» Проклятые книги все уже истрепались, рассыпаются, пальцы болят, натерла. Раздается скрежет: «вольво» отваливает, клочки страниц от резкого колебания воздуха взвиваются и летят на середину дорожного полотна. Видок у меня, однако… как у чокнутой, сбежавшей из психушки. Почему как? Я и есть чокнутая, кто бы сомневался… Нет, никто не захочет такое чучело везти.

Мысли путаются… никак не могу сообразить, с какой стороны лучше встать, где больше шансов кого-нибудь заловить. Картинка прямо из журнальчика Робби: голожопая красотка ловит по-

путку. Но никто на нее не клюет, хоть плачь. Стою как приклеенная у обочины, вся такая скромная и смирная, но они мимо и мимо — и легковые, и грузовые… Стараюсь держаться с достоинством: легкая скорбь, никаких жестов отчаянья, иначе опять спугну. Стыдливо помахиваю очередной машинке. Надо же… гудит, сбрасывает скорость, фары почему-то включенные. О господи… это же папа! Это его голова торчит из окошка, это он счастливо улыбается, скаля ровные желтоватые зубы. Резко свернув, подъезжает. Мне кажется, что я брежу, нет, не может быть. Даже страшно. А рядом с папой Билл-Билл, который во всю глотку орет:

— Рут! Рут!

Папа, вклинившись между его воплями, тоже кричит:

— Ох, Рути… Господи Иисусе, это ты?! Ты же вся обгорела. Живо залезай! Живо!

Но я не двигаюсь с места. Мне сейчас гораздо нужнее другое…

— Хочу пить!

— Конечно, детка, ну давай, прыг-скок.

Голос у него странно высокий и вибрирует, он зазывно трясет бутылкой:

— Ну же, дорогая, я жду.

— Пи-и-ть, — жалобно ною я, в этот момент я ничего не вижу, кроме бутылки.

Тут папа вылезает, он без рубашки. Он медлит… мы оба чувствуем себя неловко. Билл-Билл нервно хихикает… ха-ха-ха: вроде как, будет вам, вы никогда раньше так не ссорились. Для разрядки вспоминаем прикольные шуточки Синатры, типа: «Каждая поющая блядь хочет выбрать мой путь».[64]

— На, Рути, попей, только маленькими глоточками. — Поддерживая донышко, папа подносит бутылку к моему рту.

— Маленькими. — Оба тщательно следят, чтобы я не захлебнулась.

Взрослой Рут больше не существует. Я для них сейчас просто маленькая девчушка, которая разгуливает в жутких лохмотьях по шоссе, жалкая, и беспомощная, и вся в слезах. Ну да, все верно, я действительно беспомощный младенец, я так их ждала, мне так нужно их сочувствие, их защита… Папа робко подходит ближе.

— Хватит, мы не можем торчать тут целый день. — Хочет забрать у меня бутылку, но я тяну ее назад.

---

[64] Примечания: 64

Обыгрывается название известной песни из репертуара Фрэнка Синатры: «Мой путь».

— Пап, он ударил меня, сбил с ног.

— Да что ты? Даже так? Это он зря, перестарался. А кстати, где он?

— Пап, ты не слушаешь меня.

— Почему же, мы слушаем тебя очень внимательно, правда, Билл-Билл?

— Конечно, — отвечает Билл-Билл, — конечно, а для чего же мы тут, уладим все в лучшем виде, не бойсь.

Чпок! Бутылка падает и, грохнувшись о гравий, отлетает на середину дороги. Я, шатаясь и прихрамывая, устремляюсь к ней.

— Слева, Билл, заходи слева!

Они обступают меня с обеих сторон.

— Брать будем под коленки, так, чтобы ноги на весу.

Я сажусь прямо на дорогу, опускаю голову и вся сжимаюсь.

— Пап, я не хочу идти в полицию.

— Вот и умница, ты всегда верила, что в людях больше хорошего. Билл думает, что в последнее время ты много чего поняла, правда, Билл?

— Правда. Мы действительно так думаем.

— Пап, он сбил меня с ног.

— Я слышал, слышал… но ты же говоришь, что в полицию идти не хочешь…

О-ох, я больше не могу, в полном ауте, мне все равно, что я, где я, жива ли я… пле-вать.

— Ладно, поезжайте, прямо на меня.

— Что?

— Садитесь в машину и вперед — давите меня.

Я прячу голову в колени и слышу, как они вполголоса что-то обсуждают, потом слышу щелчок зажигалки, шелест шин, скрежет тормозов. Потом хлопает дверца, топот, хруст гравия.

— У детки поехала крыша, — испуганно кричит папа, — срочно в больницу, к психиатру!

Огромная ладонь нежно обхватывает мой затылок, потом его пальцы стискивают виски. Самая ласковая, самая родная рука, как крепко, как плотно она меня держит, и теперь совсем близко его голова, самая глупая на свете… Бедный папа растерян, не знает, что делать. Щуримся от солнца, молчим, говорят только глаза. Его, немного мрачные, мои, торопливо пытающиеся внушить: «Ты же знаешь, что я не сумасшедшая, папочка. Я просто испугалась».

— У меня, между прочим, брат шизофреник.

Не знаю, что сказать, помолчав, небрежно интересуюсь:

— А он привязывает книжки к ногам?

Папа хохочет и спрашивает: как мне в таких

сандаликах, удобно?

— Да не очень. Быстро рвутся.

Он снова хохочет:

— Ну как ты, ничего?

— Да не очень. Если честно, мне жутко плохо.

Покрепче ухватившись, они пытаются меня поднять. И тут диафрагма моя конвульсивно вжимается внутрь, позыв рвоты понуждает согнуться почти до земли, только рвать мне нечем, я натужно кашляю и давлюсь. Вдруг пальцы мои нащупывают какой-то острый камешек и цепко в него впиваются. Поднимаю глаза. Что это? На меня движется белый фургончик. Он медленно-медленно подкрадывается к руке, сжимающей камень, я чувствую, как в истоме ожидания напрягаются мускулы.

Папа и Билл-Билл проходят вперед.

Фургончик, вильнув в сторону, тормозит.

Папа и Билл-Билл подбегают к кабине, у Билл-Билла появляются в руках какие-то одеяла, он носится туда-сюда вдоль машины.

А из нее вдруг вылезают Тим и Робби, оба закуривают.

Ивонна. Наклоняется, перегнувшись через спинку заднего сиденья, над багажником.

Робби орет на папу.

Билл-Билл тычет пальцем в мою сторону.

Камень впивается в ладонь, это когда Тимми крепко меня обнимает, потом подводит к багажнику и показывает Пи Джея. Он истекает кровью, сплошные ушибы, он ужасен. Я не могу на это смотреть. Папа почему-то дает Робби пинка, слезы холодят мои щеки. Робби и папа начинают драться. Я кричу на них, я не хочу, чтобы Пи Джей умер.

Когда мы приехали в мотель, я сообразила, что все еще сжимаю в кулаке тот острый камушек, — ну просто жаждущая возмездия Кэрол. Мама (вот бред!) зачем-то решила помыть его теплой водой. Я потребовала, чтобы мне его сию минуту вернули, что было еще большим бредом. Мама стала звонить врачу.

Я рассказала докторше про камень, и она тут же сунула мне таблетку валиума.[65] Она не старая и не вредная. Толстенькая, невысокая, белобрысая, с пухлыми руками, усыпанными веснушками. Она сидит у меня на постели. В комнате больше никого. Спрашивает, не принуждали ли меня к сожительству. Я мотаю головой.

---

[65] Примечания: 65
Валиум — мягкий транквилизатор.

— А с вашего согласия?

Киваю.

— Пользовались контрацептивами?

Мотаю головой.

— Хотите таблетку «утро-после»?

Киваю.

Говорит, что назначит мне мазь от солнечных ожогов, мазаться нужно будет неделю. И что мне нельзя пользоваться духами, пудрой, пахучими шампунями и мылом с отдушкой, а также крепкими лосьонами.

Возникает пауза: это она пишет мне рецепт.

Я выразительно покашливаю и указываю на дверь:

— Кхм-кхм. Они нас слушают?

Она поднимает голову:

— Кто?

Чувствую себя полной идиоткой и тупо рассматриваю свои ладони… слышу, как она рядом дышит. Так проходит кошмарная минута, потом докторша встает, идет к двери и высовывает голову наружу.

— Никого. — Она снова усаживается на край кровати. — Так что вы хотели мне сказать?

— Я хотела… мм… тот американец, он…

— Тот, с которым вы имели половой контакт?

— Да, тот. — О г-господи… как она это сказала, выдала прямым текстом. Я жутко краснею, сама не знаю почему. Они все знают. Наверное, поэтому. Конечно же, они все знают. Мне в общем-то плевать, и в то же время… выходит, не совсем. Я сосредоточенно утюжу простыню своим камушком.

— Скажите, где он.

— Гмм. — Она внимательно на меня смотрит.

— Я просто хочу знать, где он. В больнице?

Она сверлит меня долгим тяжелым взглядом, я в ответ улыбаюсь долгой вымученной улыбкой, мы обе смотрим на камень, которым я часто-часто постукиваю по матрасу… а ведь неплохой повод похихикать, свести все к шутке. Протягиваю камень докторше.

— Спасибо.

Ей мой камушек на фиг не нужен, но подарок все-таки, еще и домой его потащит, я мысленно снова хихикаю.

— Ловкий ход, — говорит она. Я гордо киваю и секунду-другую еще держусь, но потом меня прорывает: я бессовестно хохочу, до истерики…

22

Очнулся я под кислородной маской и увидел, что лежу в незнакомой темной комнате, но в нее попадает свет из окон более низкого соседнего здания. Пульса почти нет, зато в правой ноге что-то здорово бьется и дергает. Взгляд натыкается на длинную трубку. Она тянется к комку ваты, облепленному пластырем, через секунду-другую соображаю, что этот комок — моя рука. Ну и уродина. Мне, пожалуй, не хочется знать, что с ней такое. Малейшее движение — интересная штука! — тут же отдается пульсирующей болью в руках и ногах. Но самое поразительное другое: оказывается, я жив, и рядом — никого.

Последнее, что я помню: Рут танцует, вскоре их уже двадцать, одетых в сари, кружатся в танце; часть их исторглась из огромной ее статуи, часть — это преобразившиеся, отколовшиеся от нее, от каменной, кусочки. Малютки в сари двоятся, троятся. Они падают на землю и разбиваются, превращаясь в переливчатые дрожащие капли

ртути.[66] Капли тоже продолжают танцевать. Сбиваются в стайку, перетекая влево, потом перемещаются вправо. Какие у нее… у них… легкие движения, неземная красота, а это ритмичное притопыванье — пяточкой, потом всей ступней… непередаваемо… Как в Бали-Хаи.[67] Крошка моя ненаглядная, приди, приди же ко мне…

Поднос с питьем на всякий случай отодвинули подальше, на самый край тумбочки. Та-а-ак, значит, я в больнице и теперь гораздо более беспомощен, чем в том проклятом домике: ни телефона, ни единой души у постели страждущего, даже Кэрол нет. Вот-вот, даже ее… наверняка они ей такого наговорили… А она не их тех, кто умеет мыслить широко. Нет, не из тех. Если Ивонна выложила ей все примечательные и «достоверные» подробности, у Кэрол я точно не найду понимания. *Ну и плевать, расслабься, ты на карантине, вот и отдыхай.* Да уж, по крайней мере, не придется все это выслушивать. Заново все пережевывать. И дожевывать.

---

[66] Примечания: 66

В эзотерических учениях (в частности, в учениях алхимиков) ртуть — символ женской природы, непостоянной и непредсказуемой, символ, означающий интуицию как противоположность рациональности.

[67] Примечания: 67

Бали-Хаи — знаменитый морской курортный комплекс, расположенный на индонезийском острове Бали.

…«А потом он сказал, что специально надел ее вещи и намазался ее косметикой, ему хотелось любить ее не как мужчина любит женщину, а как женщина женщину».

«О-о, нет (и пулеметная очередь из громких прерывистых „нет-нет-нет“), он не мог этого сделать!»

«А вот и мог, мог! Он сам говорил. Говорил, что так он чувствует более полную с ней близость».

«Какая гадость!..»

Гадость? Еще бы не гадость — эти разоблачения, почерпнутые из обширного опыта ее муженька Робби, обожающего жесткое порно.

«Ее заставили…» — красноречивые паузы: дескать, *сами понимаете.* А потом уже и пауз никаких, ибо нет слов, чтобы ЭТО передать. А потом… Боже… надо будет отослать им чек.

А ведь я правда извращенец. Опять упиваюсь миазмами унижения — свежий воздух, видимо, слишком для меня чист.

Они наверняка уже нашли ее. Не могла она сильно меня обогнать. Ищу глазами часы. Я всегда полагал, что в больницах везде должны быть часы. Но в этом боксе их нет. И меня это почти не трогает — то, что я очутился вне временных ориентиров. Это что-то новенькое, опасный вирус,

состояние, которого я всегда боялся. Боялся быть «менее», точнее говоря, обнаружить перед кем-то, что я «менее», чем кажусь. Менее умный, менее собранный, менее щепетильный, менее, мм… *сообразительный.* Не знаю вот, какое сегодня число — двадцать третье или двадцать четвертое? Это даже забавно, до тех пор, пока не поймешь, что неизвестно, когда сможешь узнать…

Рут, я люблю тебя и знай: сейчас я обббязззательно доберусь до подноса, да-да, я хочу быть спокойным и бесстрастным, я выпью чистой воды, и потом ни крошки пищи. Я совершу обряд очищения.

23

В шесть часов(!) двадцать четвертого я все-таки испортила им праздник. Мама безропотно везет меня в больницу, уверяет, что никогда не любила Рождество и что ничего я не испортила, наоборот, ей очень приятно проехаться с утра пораньше. Мама наклоняется и сжимает мою руку:

— Ну как ты, солнышко?

Жмет еще сильнее, мне даже больно.

— Ох, прости, дорогая, я нечаянно.

И снова:

— Так как ты?

Совсем меня достала, но, честно говоря, мне это страшно нравится.

Когда мы подъезжаем к воротам, на меня вдруг находит ступор — от смущения. Сидим в машине, молчим. Начинает мама:

— Та-а-ак.

— И что? Что ты хочешь этим сказать?

— Так, — снова произносит она и гладит мой лоб, — тебе совсем не обязательно это делать, — ее пальцы ловко убирают с моей брови выбившуюся прядь, — если хочешь, давай развернемся и

поедем домой.

Одна захожу в калитку, из кроны дерева доносятся пронзительные вопли розовых какаду. Тут прохладно, в этом шатре из света и тени, но ладони сразу потеют. Такое ощущение, что с меня сняли кожу и теперь каждый может увидеть мою душу, все мои недавние постельные подвиги. Толкаю дверь туалета, мою руки, пью, присаживаюсь пописать. Сама не знаю, зачем я пришла, знаю только, что должна каким-то образом закончить эту историю. Вот только, спрашивается, как? Хотелось бы попроще, без всяких выкрутасов, но я совсем не уверена, что сумею… без выкрутасов. Вижу дверь с цифрой 113: сто тринадцать и огромная стрелка, указывающая налево. Потрескавшиеся потолки, на полу чуть заметные следы от колесиков каталок, в местах разворота, лампы без абажуров, детские рисунки на стенах, бирюзовые занавески. Вся проблема в том, что я вряд ли бы смогла так — чтобы больше с ним не увидеться. Да, в этом весь прикол. Мама меня поняла, и я очень ей за это благодарна.

Его бокс в самом конце коридора, напротив огромного, залитого солнцем окна. На ручке висит табличка: «Просьба не беспокоить». Я робко берусь за ручку, чуть поворачиваю, но, помед-

лив, кручу назад, так и не открыв замок. Топчусь около окна, наблюдаю за попугаями, которые скачут по газону. На его зеленой поверхности желтеют заплатки высохшей травы. Несколько вытоптанных тропинок: по ним короче идти к парковочной площадке. Под деревом болтают две медсестрички, все время хохочут, что-то пьют из белых одноразовых чашек. Та, что в голубой кофточке, сняла туфли и гладит ступней ствол. У второй в руках пакет с воздушной кукурузой. Открыв его, она бросает на газон пригоршню кукурузы. Попугаи чумеют от восторга…

Вот это нормальная жизнь, мелькает у меня в голове.

Так зачем я сюда явилась? Может быть, мной двигало желание снова оказаться в одном с ним пространстве: не просто в комнате, а в *его* комнате. Боже, какая же я дура и мерзавка, накручивала себя, делала из него чудовищного монстра, дурацкие глюки. Когда мы разговаривали, ничего подобного не происходило, я видела его таким, какой он и есть. Но стоило мне отойти в сторону, фантазия начинала работать. Я мысленно раздувала его могущество и коварство, превращала бедного Пи Джея в ВОПЛОЩЕНИЕ ЗЛА. А когда мы снова усаживались за столик, он становился

обыкновенным человеком, и я понимала, как сильно я раздула своего виртуального надувного чертика, именно чертика, а не черта. Да, настоящий Пи Джей, из костей и мяса, разочаровывал, а мне жутко хотелось видеть в нем рокового злодея, страшного и сильного. Иногда я даже внушала себе, что он прячет другое свое «я» — тщательно упакованное — в гардеробе…

А боюсь я вот чего: сейчас войду, а он опять скажет что-нибудь не то, какую-нибудь коронную свою фразу, я заведусь и снова проиграю. Вычислить, что это будет за фраза, конечно, невозможно. Так что нечего и дергаться.

Ну а сама-то я что ему скажу? Что у меня к нему куча всяких претензий и я такое могу сказануть, что мало не покажется. Покажется очень даже много, гарантирую. Например, вот это: «Ради денег ты не моргнув глазом ввязался в эту историю с моим похищением»; или: «Ты, индивидуалист хренов, даже одеться не умеешь нормально, ходишь в этой своей униформе: отстойные рубашки, глаженые джинсы, жуткие ботинки»; или: «Ты шарлатан, и я не хочу выслушивать твои объяснения, потому что это сплошное вранье. Не хочу, потому что ты никто, и на фиг мне сдалась твоя помощь… у меня все в порядке. В

отличие от тебя. И не такой уж ты добренький, до сих пор ненавидишь своего гуру. А со мной ты как… стоило мне что-то рассказать, ты тут же оборачивал это против меня, тут же демонстрировал свою силу и власть. Быть главными хотят все. Только слабые на это не способны, и по-настоящему сильные личности должны быть терпимы, ведь они у власти». И еще я ему сказала бы: «Я тебя вроде как обвиняю, но так уж устроен мир: каждый всегда ищет виноватых».

А он бы мне в ответ на все это:

«Рут, у тебя изумительно красивое те…»

Нет, он скажет другое:

«О-ох. Пожалуйста, посмотри на свой лобик. И прочти, что там написано».

Поворачиваю ручку и вхожу. В комнате темно, и по абсолютно полной тишине понимаю: он спит. Первая мысль: притворяется, самый лучший способ застать меня врасплох, схватить… Боже, какая чушь… И веки, и губы, и кожа на голове чудовищно распухли и сплошь в волдырях. Голова у него стала вдвое больше, над бровью — рана, стянутая швом. Хочу прикоснуться, погладить и — боюсь. Но гораздо страшнее то, что он в таком тяжелом состоянии. И еще то, что он сейчас чем-то напоминает смешного уродца

Франкенштейна. Подхожу к раковине и рассматриваю в зеркале свое припухшее лицо и… не знаю, что же мне делать. Нащупываю в кармане случайно завалявшийся обрывок бумаги, пишу:

МНЕ ПОНРАВИЛОСЬ. НЕ ВСЕ. ПРИВЕТ. РУТ.

~~~

Дорогой Пи Джей!

За то время, что мы не виделись, я успела пообщаться с шестерыми гуру. Это праведники, их чаще называют по-другому: святые. Пятеро мужчин и одна женщина. Мужчины сказали мне, что я напрасно теряю время в разъездах, что Австралия, как им рассказывали, чудесная страна и очень богатая, короче, немного меня успокоили. Святая, та вот что говорит: тебе нужен не муж, тебе просто нужно научиться видеть Бога во всем. Я призналась ей, что до сих пор не могу понять смысл существования того «я», в котором я сейчас нахожусь. Она рассмеялась. Но я думаю, это она зря, нормальный вопрос, даже очень. С мамой у меня теперь мир. Мне все больше кажется, что на самом деле — в большинстве случаев — не она меня раздражала, а я сама, только до меня это не доходило. Конечно, она и сейчас иногда меня раздражает: то собирается целую вечность, то начинает выяснять отношения с наркоманом, который в отключке, то ее не оттащишь от очередной «ах какой красоты», от развалин,
~~~

например. Со святыми общается запросто, будто сто лет их знает.

Один чувак сказал мне, что многие гуру очень ревнивы и терпеть друг друга не могут и что они ни в чем себе не отказывают. Еще он сказал, что все эти саньяси и саньясини — обыкновенные лодыри, неспособные адаптироваться к нормальной жизни. Я спросила, как он понимает смысл жизни и свой долг, он ответил, что ему некогда думать о всякой ерунде, поскольку он помогает бедным (это был, разумеется, намек). Глаз у этого чувака только один, вроде он им на тебя и не смотрит, но все подмечает, лучше любого двуглазого. В общем, поработали мы недельку в его приюте, отбыли наказание в пещере старого циклопа. Водил он нас в свою школу, впечатлений масса… дети у него там играют в игрушки, сделанные из всякого хлама, из веревок, жестянок, пробок. Одна девчушка показала мне свою кошку: кусок шины, обвязанный шерстью, я даже заплакала. Следующий наш пункт: «Приют для животных» в Джайпуре-Дургапуре, Раджастхан, это мамин бзик. Что буду делать дальше, еще не решила. Мама считает, что теперь нужно просто отдохнуть.

Ах да, у меня появился друг, он немного ревнует меня к тебе, и тут он прав. Не знаю и за что я

тебя люблю, но люблю — издалека. Что там у тебя стряслось? Ведь что-то стряслось, я угадала?

Привет!

Рут.

~~~

Дорогая Искательница Истины!

Спасибо за письмо и за то, что держишь меня в курсе. Кое-что действительно стряслось. Мы с Кэрол теперь родители двух близняшек, чем очень гордимся. Приглашаем тебя на свадьбу, которая состоится 22 июня. Она меня простила, а потом лечила, пилила, выхаживала: это был единый процесс. И довольно долгий. И очень для меня непростой… Ты, наверное, и сама это понимаешь… Теперь я, между прочим, пишу уже вторую книжку. Действие разворачивается в австралийской глуши, главная сюжетная линия: поиски пропавшей молодой женщины, очень красивой. Название: «Мой ангел мщения». По-моему, неплохо. А главный вопрос такой: «Чего же она добивалась?» Чего, а?

Неужели ты меня действительно любишь? Я потрясен. Несмотря на то, что любят меня только издалека, из очень далекого далека. Твои слова я буду носить в сердце как благодать. Да, ты угадала: именно стряслось. Разве ты не чувствуешь, что это «кое-что» просто меня прикончило?
~~~

Навеки твой (не проговорись Кэрол)

Уотерс.

~~~

Дорогой Уотерс,

Когда мы были в Сарнате, один хиппи меня поправил: буддизм — это философия, а не религия. Он произнес это очень громко, а мы как раз стояли у ступы,[68] у той самой, где Будда произнес свою первую проповедь. Я чуть со стыда не сгорела. Зато у йогов в общине, в Ришикеше было классно, учитель прелесть, он сказал, что семена любви надо сеять сразу, не выжидая, пока переменится этот наш гребаный мир. Сейчас мы с мамой уже в Джайпуре, она тут — как в родной стихии: ловит блох, лечит раненые лапы, я чищу вольеры и клетки.

Ты хочешь знать, *чего же она хочет?* Просто понять какие-то вещи, но это не означает, что она готова их принять. То есть совсем принять, безоговорочно. Она хочет нести всякую чушь, о которой глупо спрашивать. В данную минуту она с удовольствием съела бы чего-нибудь сла-

---

[68] Примечания: 68

Ступа — в буддийской архитектуре — монументальное сооружение для хранения святых реликвий.
~~~

денького.[69]

ОМ.

Р.

[69] Примечания: 69

Завуалированный намек на то, что Рут нелегко дается разлука с Пи Джеем: вспомним о ее привычке «заедать стресс сладеньким».